

РОСТИСЛАВ
МАРЧЕНКО

Орк

Вторая жизнь
Убийца эльфов
Властелин островов

Ростислав Марченко

**Орк: Вторая жизнь. Убийца
эльфов. Властелин островов**

«Издательство АСТ»

2020

Марченко Р. А.

Орк: Вторая жизнь. Убийца эльфов. Властелин островов /
Р. А. Марченко — «Издательство АСТ», 2020

Совсем не ожидал Даниил, что придется ему узнать, есть ли жизнь после смерти и переселение душ. И уж тем более не мог он ожидать очнуться в теле молодого орка, в мире, где уже сотни лет непрерывно идет война. Как бы то ни было, получив шанс прожить вторую жизнь, новую семью и новых друзей – прожить ее надо достойно, какие бы трудности перед ним ни встречались. К крови и смерти ему было не привыкать и в жизни первой.

© Марченко Р. А., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Вторая жизнь	5
Пролог	5
Глава I	7
Глава II	16
Глава III	25
Глава IV	33
Глава V	37
Глава VI	46
Глава VII	52
Глава VIII	61
Глава IX	65
Глава X	72
Глава XI	77
Глава XII	82
Глава XIII	93
Глава XIV	105
Глава XV	112
Глава XVI	129
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Ростислав Марченко

Орк: Вторая жизнь. Убийца эльфов. Властелин островов

Вторая жизнь

Пролог

В один прекрасный день Даниил решил, что сошел с ума. Сны доставали настолько, что и водка уже не действовала. Снотворное тоже не помогало. Приходилось увеличивать дозы и того, и другого, преодолевая сопротивление своего спортивного – пока еще – организма, в недавнем прошлом мало знакомого с алкоголем и практически не знакомого с транквилизаторами.

К врачам идти не хотелось, особенно после милой беседы с психиатром. Она очень удивилась и содержанию снов, и неэффективности снотворного, после чего назначила какую-то гадость посерьезнее.

Улыбка до ушей и вкрадчивый голос, в сочетании с просьбой рассказать об эффекте от принятия этой гадости, по подозрениям Даниила, открывали ему перспективу переселиться в недалеком будущем в некое здание с решетками на окнах, примерить распространенные там одеяния с длинными рукавами и чересчур близко познакомиться с персоналом типа усатых санитаров с бицепсами до полуметра в обхвате.

После столкновения с компанией пьяных малолеток, жаждавших добыть что-нибудь спиртосодержащее на халяву, но еще не научившихся правильно определять степень опасности потенциальных жертв, образ «желтого дома», можно сказать, стал угрожающе реальным. Во всяком случае, психиатр проявила живейший интерес к обстоятельствам происшествия.

Как подсознательно и ожидалось, продвинутая химия тоже не сработала. Попытка подкрепить эффективность транквилизаторов просто водкой привела к чудовищной головной боли, кровотечению из носа и совершенно жуткому и кровавому сну, полностью отбив охоту экспериментировать.

При этом водка сама по себе, без таблеток, по какой-то причине глушила сны, понижала уровень их агрессивности.

Еще после первой чеченской войны он считал, что его теперь невозможно ни удивить, ни испугать кровью. До начала тревожных снов Даниил был уверен, что полный иммунитет в этом смысле ему привил командир роты. После гибели попавших в засаду замкомроты, взводного и еще одиннадцати человек ротный приказал всех пленных и задержанных при зачистках чеченов, не разбираясь, кто есть кто, обезглавить – так же, как делали абреки с нашими – и головы побросать в кучу, для азиатски симметричного ответа. Даниила тогда при взгляде на пирамиду из голов даже пробило на иронию, сработала защитная реакция психики, ему вспомнилась картина Верещагина «Апофеоз войны», к тому же ротного звали Тимуром. До этого было совсем не смешно, особенно когда комроты бросил ему залитый кровью трофейный кинжал и скомандовал:

– Режь.

Что держать казнимых врагов, что резать им – по их же обычаям – глотки было неприятно, хотя к тому времени Даниил был обстрелянным бойцом... Потом инцидент попыталась расследовать военная прокуратура, но все обошлось. Так случилось, что БТР командира роты

«вовремя» подорвался на фугасе, сам ротный попал в госпиталь, в результате дело спустили на тормозах.

Но воспоминания о реальных и лично пережитых эксцессах исполнителей на фоне упомянутого сна выглядели бледновато. В начале сна шел эпизод, когда зеленомордые клыкастые человекоподобные твари в доспехах и с разнообразным колюще-режущим инвентарем в руках, окружив толпу бородатых мужиков в какой-то лошине, кололи и рубили их. Потом пошли кадры победного ужина на поле боя. Кое-кто из победителей вырезал понравившиеся – видимо, вкусненькие – кусочки из тел тех самых мужиков, по желанию жаря их или не жаря на кострах, разведенных, как оказалось, самими побежденными перед тем, как они стали ужином. Особенно поддала адреналинчику человеческая печень, кем-то дружелюбно брошенная через костер. Даниил не отказался от деликатеса и если не с аппетитом скушал, то по крайней мере попробовал, держа почти такими же зелеными, как и у всех клыкастых тварей, руками.

Компьютерными играми в таком духе он не увлекался. Любил иногда симуляторы или шутеры погонять. Читал много фантастики и исторической литературы – потеряв на войне ногу и став инвалидом, Даниил «подсел» на отвлекающее чтение. Последние пару лет время от времени он видел сны на соответствующие сюжеты. Но выверты подсознания, раз за разом заставлявшего переживать во сне эпизоды из жизни какой-то человекоподобной твари, не могли не беспокоить. Еженощное вселение в зеленую шкуру долбило его нервы почти целый год, с тех пор как Даниил вышел из госпиталя. И чем дальше, тем сны были если не хуже, то зрелищнее.

Размышляя об этом, он двинул в магазин за жидким наркозом. Возвращение осложнилось наступившей темнотой. Бодро неся пакет с продуктами и «горючим», он вошел в подъезд.

Удар чем-то твердым поперек спины бросил его на ступеньки. Боль. Пакет упал. Звякнуло стекло. Довольный голос «центрового» побитых ранее малолетних шакалов, Вовы Соколова по кличке Щербатый, радостно пояснил:

– Что, думал, все кончилось?

...Удар ногой в голову, Даниил «поплыл». Второй удар. Потом начали пинать куда придется. Рука нащупала «розочку». Удар ногой из полумрака. Перехват свободной рукой, тычок «розочкой» в колено опорной. Истошный вопль, рухнувшее тело, испуганный мат. Навалиться, зажать руки. Удар «розочкой» чуть ниже источника мата. Второй удар – с потягом, чтобы порвать сильнее. Пинок в затылок. Мат прекратился, слышен хрип. Сильнейший удар по спине. Даниил упал на лежавшего, свободная рука отказала. Поднимаясь, он развернулся к остальным. Мелькнуло что-то длинное. Удар. Падение на хрипящее, дергающееся тело. Ступеньки перед глазами, залитые чем-то... Печет грудь. Угасает сознание. Невыносимый жар в груди! Еще удар... Темнота...

Глава I

Первым впечатлением после того, как я открыл глаза, было отвращение. Немудрено, если в двадцати сантиметрах над собой обнаруживаешь здоровенную зеленую татуированную харю с желтыми радужками и вертикальными зрачками, которая довольно скалилась, показывая внушительные клыки. Причем левый верхний был обломан. Я заорал и попытался вскочить. Не удалось, поскольку оказалось, что я был привязан к массивной каменной глыбе. Тварь проигнорировала мой рывок, хмыкнула и хрипло спросила, как ни удивительно, на понятном языке:

– Кто ты? Помнишь меня? Знаешь, кто я? Как чувствуешь себя?

Не подумав, ответил:

– Слушай, колдун, ты что, меня, старый хрыч, тут зарезать решил?

Вопрос-то был мой, а вот информация о харе и язык ответа пришли неизвестно откуда. Я попытался найти источник знаний, пока рассматривал окружающее. Глыба находилась в пещере, выход из которой частично закрывала бревенчатая стена. Освещалась пещера двумя факелами, однако, как ни странно, и так было прекрасно видно.

Тем временем колдун, спрятав клыки, рассматривал меня с явным удивлением. Похоже, старикан потерял дар речи.

Экскурс в память обнаружил две линии воспоминаний. Первая касалась некоего Даниила: родился, рос, учился, служил, шкандыбал на костылях. Вторая – некоего Края, молодого орка на пороге совершеннолетия, то есть незадолго до первого боевого похода, новика, как говорили на Руси. Родившегося и до недавних пор проживавшего не на Земле, а в мире, именуемом Крайн. Воспоминания переплетались, и от этого, увы, болела голова. Стоило больших усилий разобраться, чья память показывает кадры последних перед приходом в себя событий. Вот меня бьют чем-то вроде трубы по голове, вот у меня в ходе «мародерки» на раскопе в разрушенной крепости начинает светиться амулет, носимый на шее уже лет семь. А потом он вспыхивает. Далее воспоминания были общими: зубастая харя во весь экран.

Что интересно, такой же амулет присутствовал и в другой линии моих воспоминаний. В память о службе он был носим на груди, вместе с крестом. Был найден в разваленной неизвестно когда и кем старой чеченской башне при установке ОЗМ-72. Тогда это не показалось значимым событием, и светло-зеленый каменный ромб, весь в непонятных значках, с почерневшим серебряным кольцом наверху переключался в нарукавный карман комбинезона. А вот после выстрела из РПГ-7 со склона при эвакуации подразделения бронегруппой, когда граната, не взорвавшись, дала рикошет от башни БМП и воткнулась в землю в метре от этого самого кармана, данное событие было сочтено знаком судьбы, каменный ромб стал амулетом и переключался на шею. Хотя, если честно, та граната просто не успела встать на боевой взвод, до стрелка было метров тридцать.

Собаться с мыслями не дал колдун. Хмыкнув, он заорал, что все нормально, можно заходить. После чего начал задавать вопросы о происшествии, на которые я не обратил внимания, поскольку появились новые действующие лица. В них я узнал своих новых папу и маму.

Папа выглядел достаточно импозантно для зеленоватой твари габаритами метр на метр семьдесят: шикарный оселедец, свисавший с макушки, татуированная рожа без всяких признаков бороды или усов, шрам на лбу, длинноватые листовидные уши. Пудовые кулаки обнажились, когда одним из них папа стукнул меня в ухо. Силу удара я оценил, заодно отметив непропорционально длинные руки с великолепной мускулатурой. Потом папа перерезал ремни, вытащив внушительный ножик из ножен на поясе. Слева на боку висел меч.

Запричитала мама. Отрадно было заметить, что мама от человека не отличалась, за исключением цвета кожи и кончиков торчавших из волос ушей. Ее клыки были развиты не более чем у моей первой мамы-человека, голову обрамляла большая шапка длинных светлых

волос. Мамочка была сложена пропорциональнее папы и при этом не имела никакого лишнего веса. Кожа ее, кстати, была заметно светлее папиной, с легким зеленоватым оттенком.

Оба родителя были в кожаных штанах и сапогах на мягкой подошве, на папе была безрукавка мехом внутрь, на маме – рубаха.

На поясе у мамы тоже присутствовал кинжал.

Я встал, провел языком по своим зубам, обнаружив при этом, что мой личный комплект встроенного холодного оружия, то есть клыков, нисколько не хуже папиного, а старого колдуна Сигурда даже превосходит. Посередине груди запеклась корка: заживал ожог. Вероятно, от полыхнувшего амулета.

Изучение себя и окружающих пришлось прекратить, поскольку папа привлек мое внимание еще одной оплеухой, сопроводив ее множеством очень образных междометий. Их я дослушивал уже за глыбой. Сочтя рискованным не проявить уважения к старшим, даже если это виртуальная реальность психиатрического отделения, прислушался к голосам родителей. Когда встал.

Больше всего, конечно, к папе.

– Ты что, совсем ополоумел? Тебя чему учили? – и так далее...

С применением красочных образных сравнений он высказал все, что думает об идиотах, хватающих в раскопах все подряд своими лапами. По мере сил ему, поддакивая, помогала мама.

И тут образцом здравомыслия стала реплика старого Сигурда, – видно, он не зря исполнял обязанности жреца Одина. Колдун остановил поток красноречия моих родителей и принялся расспрашивать о происшествии сам.

– Что произошло? Что ты нашел?

Перетряхнув память моего второго «я», пытаюсь припомнить происшествие и свою новую прошлую жизнь, я оказался перед выбором. Либо рассказывать как было, а это грозило вырезанием сердца и отрезанием головы на алтаре или сожжением – именно так орки поступали с одержимыми духами, если колдовство и молитвы не могли помочь. Алтарь, кстати, был здесь же, передо мной, далеко ходить не надо. Либо что-то придумать, рискуя запутаться в мелочах. С перспективой тогда уж точно угодить на костер или алтарь. Или по-простому, под топор. Третью возможность – виртуальный бред – пока решил не рассматривать. Слишком убедительно горело ухо после папиного кулака. Да и ощущения своего нового тела казались весьма и весьма реальными. Особенно наличие ступни и половины голени ниже левого колена.

Своего отца я, точнее Даниил, припомнил: это он осчастливил меня печенью в том кошмарном сне.

Требовалось потянуть время, чтобы собраться с мыслями.

– Плохо помню, дайте подумать.

– Что ты нашел?!

Сообразил, что долго отмалчиваться не дадут. А также припомнил историю амулета. Его нашел папа лет семь назад и, после выдачи этим же колдуном сертификата безопасности вкупе с резюме о несомненной полезности, оставил себе. Позже он подарил амулет мне в честь первой самостоятельной добычи – двух попавших в силки зайцев.

Решил, что пока относительная честность – лучшая политика.

– Ничего. Амулет засветился.

– Что в руки брал?

– Ничего, говорю. Горячо стало, глянул вниз, а он светится. Подумал, что в место нехорошее попал. Полез из ямы. А он еще больше греется. Хотел сорвать, но засомневался, вдруг от чего защищает. Пока думал, он полыхнул. Жаром и светом. Больше ничего не помню.

Рассказывать историю полностью я счел слегка опрометчивым, учитывая судьбу как поддавшихся экзорцизму соплеменников и рабов из моей второй памяти, так и, что более важно,

не поддавшихся, коих спалили на костре на границе наших родовых земель, – укрепляя пограничный режим, надо полагать. Со всякими колдовскими ритуалами вокруг костра. Свежо было и воспоминание о бедолаге, кончившем жизнь на алтаре. Видно, чем-то приглянулся старикашке. Надеюсь, нездоровой, без цирроза, печени.

Рассуждая логически, вселившийся дух – это я, а для Края тело родное, поэтому экзорцизм может и подействовать. Особенно если колдун убедится, что в Крае сидит посторонний дух или там душа человеческая, а с людьми орки враждуют, а бывает, даже и кушают. Но как-то не хотелось доказывать самому себе правоту диалектического материализма или убеждаться в существовании пресловутого света в конце туннеля. В любом случае потом никому не расскажешь. В других вариантах все остается как есть. Или, по ошибке, изгоняется дух или душа, не знаю, Края. Тоже не сулит ничего хорошего, тем более, если останусь без его знаний. Кроме того, кратковременное пока, но осязаемое удобство конструкции моей новой левой ноги подсказывало, что если это и галлюцинация, то надо попытаться в ней пожить.

Сигурд задумался.

– До этого когда было такое?

Я добросовестно покопался в памяти моего второго «я», неожиданно убедившись, что действительно, было такое несколько раз, в том числе и в так называемых нехороших местах. Что шаману с чистым сердцем и рассказал.

На хмуром зеленом татуированном челе старого колдуна поубавилось морщин. В тяжелых папиных глазах тоже появился намек на раскаяние. Тем более что такое свечение он однажды видел лично.

Причины происшествия оказались забыты. На первом плане теперь оказалась забота о моем здоровье и самочувствии.

На втором – размеры благодарности, то есть гонорара, шаману.

Гонораром озаботился папа. Я же попал в цепкие объятия матери. Что, кстати, не показалось мне лишним. На душе стало приятнее. Сами по себе всплыли воспоминания о двух мамах одновременно. О матери орка Края, рассказывающей сказки о великом воине Бранде А'Браги, резавшем эльфов пачками лет этак с тысячу тому назад. И о моей собственной, человеческой, той, что читала произведение товарища Гайдара про Мальчиша-Кибальчиша. Чтобы разбавить надоевшие сказки про Ивана-дурачка. Обе перед сном целовали меня в щечку.

Папа договорился с колдуном. Старый хрыч даже пошел за ним, сопровождая, как дорогого гостя. Не обращая внимания на славословия благодарной матери.

Не дожидаясь нового посягательства на мое ухо, я, лихорадочно пытаюсь припомнить обычаи своих новых соплеменников, рискнул, склонив голову, высказать слова благодарности:

– Благодарю тебя, Говорящий с Неведомым! Не много ли ты сил утратил, спасая если не жизнь мою, то здоровье телесное или душевное? Чем отблагодарить тебя, Хранящий Род?

Папаша даже остановился, от неожиданности. Выяснить причину удивления я решил потом.

В умных глазах старины Сигурда зажегся непонятный интерес. Он степенно склонил голову:

– Ничем, юный воин. Твой отец уже отблагодарил меня. Сил на твое выздоровление ушло немного.

У меня появилось стойкое ощущение, будто я ляпнул что-то не то.

Не очень приятную для меня паузу прервал колдун. Обратившись к матери, он велел приготовить мне взвара, он же компот из ягод. Вскрыв какую-то нычку, достал кисет некоего порошка и ложку. Повелев добавить его в питье, но не больше ложки на кружку взвара. Потом, непонятно хмыкнув и внимательно взглянув на меня, добавил еще кисет.

– Из этого тоже ложку. Остатки заберу сам. Уснет на сутки. Поможет восстановить силы.

Непонятный подтекст действий мне не понравился еще больше. Такое ощущение, что старый хрыч что-то заподозрил.

Под неумолкавшие благодарности матери папаша скомандовал на выход. За бревенчатой стеной, отгораживавшей алтарь, обнаружилась еще одна. В образовавшемся помещении, как видно жилком, находилась пара людей, мужчина и женщина. Когда, под лай собак колдуна, глаза привыкли к яркому солнечному свету и зрение пришло в порядок, наша дружная семья двинулась домой. Спускаясь по тропе, вившейся по склону заросшей вполне земного вида соснами сопки, я оглянулся. Колдун стоял в воротах окружавшего пещеру частокола и глядел на меня, пока нас не закрыли деревья.

* * *

Пока мы шли, отец попытался дать понять, что сожалеет о происшедшем в пещере, но что за свое распухшее ухо я должен винить себя сам.

Рассудив, что строить линию поведения со столь скорым на руку родителем надо имея максимум информации о нем, я решил хорошенько припомнить предысторию моей новой жизни. Чтобы, исходя из своего места в ней, начинать в этой новой жизни устраиваться получше, пользуясь своими знаниями и опытом человека XXI века. А это с учетом прожитых мною и моим вторым «я» около сорока пяти лет, в сумме, между прочим, делало меня почти ровесником папочки.

Я принял все как данность, вокруг не галлюцинации. В противном случае и так найдется, кому вывести меня из бреда. Надеюсь, не клизмой с галоперидолом или еще какой гадостью.

Если память меня не подводила, папу звали Бранд Акс А'Корт. Бранд – имя. Корт – родовая фамилия. Акс – прозвище, означает «топор». Меня соответственно зовут Край А'Корт.

Папа мой, оказывается, в молодости по живости характера бросил род, завербовавшись в клановую дружину, о чем напоминал до сих пор сохраняемый оселедец. В дружине папа прослужил десятка полтора лет, став сотенным кузнецом на правах десятника, и заработал кличку Акс-топор. Женился удачно, взяв Хельгу, девушку из рода А'Кайл, хоть и дальнюю, но все же какую-то родню ярла. Последнее обстоятельство спасло ему жизнь, иначе его сразу бы пришили местные, когда по пьяному делу он поссорился, подрался, а потом зарубил на дуэли родственника жены, парня из клана А'Кайл. Что в дружине не приветствовалось, так это дуэли и пьяные ссоры, тем более с родными, тем более ярла.

Пришлось удалиться в провинцию, где отец первоначально помогал деду. На жизнь хватало. Опыта по ремонту и изготовлению доспехов у отца было в избытке. Хороший оружейник и доспешник не останется без куска хлеба, когда не затихает война. Напряженно было только с сырьем – металл надо было покупать у кобольдов или добывать самим.

Когда несколько семей, не наследующих землю и недвижимость жителей Кортборга, решили отселиться и основать новый городок, мы, естественно, оказались среди них. Тем более что в двух дневных переходах выше по течению реки от нашего нового места жительства имелись руины огромного города, крепости и нескольких небольших замков. Если верить старикам, это развалины бывшей столицы Империи – Седрикгарда, и там до сих пор довольно легко можно было добыть если не остатки древних доспехов, то просто металл. Чем и промышляли не только окрестные орки и люди дружественные, но и, так сказать, люди враждебные. Пользуясь относительной малонаселенностью края, добытчики металла – копатели – совершали вояжи к руинам и, прибегая к услугам колдунов или рассчитывая на чутье, искали ценности времен Империи. Один из таких отрядов мы и перебили перед тем, как я очутился на алтаре.

Риск окупался – восстановленный доспех даже простого legionera времен Империи стоил очень приличные деньги. А металл, шедший на него, по слухам, был заколдован. Во всяком случае, доспех почти не ржавел и, восстановив, его с удовольствием носили. Комплект

доспеха обеспеченного дворянина или командного состава легионов, найденный более-менее целым, мог сделать копателя довольно обеспеченным человеком.

Это же относилось и к оркам. Только продать доспех за горы, людям, было трудно, а зажиточному хольду в дружину – хотя и легче, но навар меньше. Доспех одного из Темных лордов, высших аристократов бывшей Империи, по слухам, за горами оценивали на вес золота. В буквальном смысле.

Систематизированная и обработанная информация из моей новой памяти составила определенную картину мира.

Я находился в так называемом Оркланде, что значит земля орков. Страной это назвать нельзя, правильнее сказать, это была территория, населенная в основном племенами орков и, в меньшей степени, людей. Оркланд занимал часть земель некоей бывшей Империи (называть ее следовало именно так, с большой буквы). Наивысшим уровнем государственности в Оркланде был племенной союз.

Кроме зеленых, как я и мои новые родичи, орков – Ас’Урух, существовали серые орки, Ор’Урух. А также черные, про которых Край только слышал – Бек’Урух, в просторечии кобольды.

Самым многочисленным племенем, точнее – союзом трех племен, были серые орки, кланы и племена которых жили в Выжженных землях, на берегах Северного моря, в предгорьях и немного в самих Орочьих горах, названных так, кстати, людьми.

Черные орки в большинстве своем обитали под землей, в горах, в меньшей степени в предгорьях, обеспечивая ремесленников Оркланда металлом и существенной долей вооружения и доспехов. Чуть ли не все из подземелий, если верить легендам и рассказам стариков, черные орки когда-то захватили у гномов, подчистую вырезав последних.

Зеленые орки являлись самым малочисленным племенем, кланы которого жили вдоль Северного моря и в Мертвых, они же Выжженные, землях.

Кроме того, еще одним племенем считались островные орки. Иногда их именовали белыми, за цвет кожи. А также полукровками и даже ублюдками. Поскольку кланы и роды серых и зеленых орков, переселившиеся на острова Северного моря, постепенно смешались между собой, щедро разбавив орочью кровь кровью людей и, по слухам, даже люто ненавидимых всеми орками эльфов в лице захваченных в пиратских набегах женщин. Отчего кожа всех островитян заметно посветлела, они даже стали называть себя Ок’Урух, что и означает «белые орки».

Люди Оркланда представляли собой ужившихся с орками потомков легионеров императорской армии и уцелевших от истребления и эпидемий жителей самой Империи, которых орки, правда, к людям не относили, именуя Блод’Урух, Кровь орков. Их князья считались равными орочьим князьям. По укладу жизни и языку эти люди от орков вообще не отличались, впрочем, заметная их часть не отличалась и внешне.

Политическое устройство не отличалось новизной. Род возглавлялся родовым вождем – лэрдом, он рулил в мирное время, избирался всеобщим открытым голосованием мужчин рода и мог быть снят с должности ими же после процедуры, напоминавшей импичмент. В общем, казачий станичный атаман, один в один. Еще больше напоминало станичное жизнеустройство и то, что род занимал определенную территорию, проживая обычно в нескольких городках – боргах. Борги основательно укреплялись, поскольку Мертвые земли были территорией весьма опасной, даже для аборигенов, в плане нечисти и всяких опасных тварей – до сих пор не переваренной отрыжки войны, уничтожившей Империю.

Клан, или большой род, состоял из семей, объединенных близким родством, которые тоже именовались родами. От контекста. Поскольку в пределах клана в отдаленном кровном родстве состояли почти все, за исключением приемных, близкородственные связи не приветствовались.

Боевыми вопросами рода занимался родовой хевдинг – херсир. Самый уважаемый в военном отношении представитель рода, на плечи которого ложилось насильственное урегулирование межродовых противоречий, предводительство сводным отрядом воинов в более широких конфликтах, но это уже после сбора кланового и племенного ополчений – ледунгов. В общем, херсир ведал всем, что касалось силового решения проблем рода. В боргах имелись хевдинги рангом поменьше, руководившие херадами – отрядами боргов. Хотя воинам никто не мешал собрать свободный отряд из воинов разных боргов, родов и даже кланов. В любом случае статус удачливого хевдинга успешного херада изрядно возрастал.

Из родов состоял клан, возглавляемый ярлом. Тут проявлялись начала нормального феодализма, без всяких вождей мирного времени, с наследственной передачей власти. Наш клан именовался Ас'Кайл. Поэтому мое полное имя звучало так: Край Ас'Кайл А'Корт. При главе клана существовала дружина ярла, в которой когда-то служил папа, пока не пришлось удалиться вместе с семьей в родную деревню.

Не обошлось и без ростков демократии в лице этакой местной думы. Она состояла из родовых вождей и уважаемых лиц, и этот клановый тинг – альтинг, собираясь по мере необходимости, решал наболевшие вопросы.

Уровнем ниже собирались родовые тинги – ландстинги, в городках вопросами местного самоуправления и судом занимались боргстинги. На тингах избирали родовых лэрдов, городско-сельских мэров – боргманов, а также хевдингов всех уровней. Председатель соответствующего тинга одновременно подрабатывал судьей.

Выше всех, хотя только в военное время, сидел только конунг Ас'Урух, князь зеленых орков. Ему теоретически подчинялись в военном плане все восемь кланов зеленых орков. Точнее, семь материковых кланов. Островной клан Ас'Хайт ударился в сепаратизм, предпочитая строить более тесные отношения с ближайшими соседями. По слухам, орки клана Ас'Хайт настолько смешались с островными серыми орками и людьми, что называть их зелеными можно было только с точки зрения истории. Если быть совсем точным, в годы войны и мира конунгу безусловно подчинялся его собственный родной клан, Ас'Кальт, верховное руководство коим он совмещал с должностью военного вождя всего племени. Что касательно других, конунгу изрядно мотали нервы клановые ярлы, по сравнению с которыми, пока не случалась большая война, он был первым среди равных. По крайней мере внешне. У этого деятеля тоже была дружина, правда, заметно большей численности, чем клановая. Как ни удивительно, но ярлы, скрипя или нет, зубами, платили налоги на ее содержание. Дружину он старался почаще тренировать в реальных боевых условиях. Надо полагать, предполагая, что чем больше и чаще он удачливо воюет, тем прочнее его позиции в кругу ярлов.

По положению нашему дорогому князю были равны три князя серых орков, князь черных и двое князей Блод'Урух (то есть людей Оркланда). Теоретически они должны были избирать великого князя, но сего несколько сот лет не случалось. Давно сильный противник не попадался.

Другие князья тоже без дела не сидели, и, как ни удивительно, не допускали большой войны между кланами и племенами. Видимо, статус-кво их устраивал.

Жизнь, вообще-то, здесь была насыщенной событиями. Нападения бродячих отрядов эльфов, вырезавших целые поселки «низшей формы жизни», как они называли орков. Грабительские походы на людей. Ответные карательные рейды людей. Карательные походы на эльфов. Иногда стычки с кланами, что зажимали налоги на княжескую дружину. Миротворческие миссии в стиле тех же американцев, когда дружины князя и ярлов, не жалея резали правых и виноватых, замиряя обе воюющие стороны, называя правым того, кто мог быть полезнее в дальнейшем. Короче, повоевать было с кем, все зависело от желания.

Хотя с островитянами князькам не повезло. Те, воспользовавшись географией, нашли общий язык. Выбрали себе морского конунга и стали дружно игнорировать материковую

власть. Естественная война с сепаратистами привела к установлению нового статус-кво. Материковые князья не лезут на острова, теоретически считая роды и тамошние кланы своими. Островного конунга материковые признают ярлом, хевдингом островов. Островитяне честно дают лоцманов и войска для морских походов теоретически своих материковых племен. И по желанию, а коли запахнет жареным, то обязательно, для военных кампаний на материке. Хевдинг на островах сам собирает налоги и содержит дружину островных орков.

Отношение к демократии у всех племен были, похоже, одинаковым.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что не так все плохо, могло оказаться гораздо хуже. В любом отношении. На папу в свете политической обстановки тоже грех жаловаться. Тяжелые кулаки неприятны, кто спорит, но кто из нас ангел?

Переселившись в новый борг, названный Тайнборг, папаша занял должность поселкового кузнеца и подрабатывал как доспешник и оружейник по заказам достаточно денежных клиентов, в свободное время промышляя «мародерками» в старых крепостях и в руинах древнего города. Хотя бы с относительно целыми доспехами пока не везло, но металла все же хватало. Во всяком случае, для изготовления доспехов и оружия, как это ни удивительно по сравнению с земной археологией. Материал для гвоздей, подков, топоров и прочего хозинвентаря приходилось покупать либо требовать с заказчика.

Жить в ближних окрестностях старого города дураков не находилось. Ничего хорошего в местах сражений далекого прошлого не было и быть не могло – там долгое время оставались тысячи неубранных трупов и следы частого применения колдовства. То есть такие места опасны, даже если не учитывать, что недобитые жители Империи и остатки победоносных войск оккупантов почти начисто вымерли от эпидемий, как и две трети населения тогдашней Ойкумены, после завершения войны и смерти Императора. Это навело меня на мысль о магико-биологическом характере эпидемий и поставило вопросы об уровне развития как самой Империи, так и ее конкурентов.

К счастью, я обрадовал бедолагу Края переселением душ не в ходе одного из налетов на полезное в хозяйстве ничейное добро, а в походе по наводке нашего односельчанина, обнаружившего копателей. В результате мы свиделись с ватажниками не втроем-вчетвером плюс рабы, а имея численное преимущество. Иначе, как подозреваю, переселение душ было бы учебным и очень недолгим. К сожалению, папа решил не ограничиться грабежом убитых, а продолжил их работу.

Край отомстил зрелищем стычки с людьми, стоившим мне, тогда еще в человеческом теле, кошмарного сна. А также – по невоздержанности языка – проблем с представителем «карательной психиатрии», говоря языком Буковского, Новодворской, Ковалева и примкнувшего к ним Каспарова.

Параллели с «Другой Россией» я попытался продолжить и далее – для разминки мозгов. Мнимого или реального шизофреника Буковского власти СССР выкинули в Англию, поменяв на Корвалана. Мнимого или реального (если я все-таки в бреду) шизофреника – меня – черт знает кто (или что) выкинул (или выкинуло) в Оркланд, по крайней мере виртуально. Но, похоже, ни на кого не поменяв. Судя по инстинктивному опасно-уважительному отношению к отцу и неподдельной любви к моей новой матери, личность Края никуда не делась.

Осталось только приподняться, найти способ вернуться в свой мир, там найти спонсора и баллотироваться в президенты России. Как Буковскому. Перед этим – главное – не забыть призвать моих зеленомордых соплеменников сжечь и разграбить Питер, за отступление действующего президента от идеалов демократии. Во всяком случае, это было бы милосерднее призывов британскому флоту снести Петербург с лица земли ядерным оружием, чтобы отомстить за непонятно кем и за что отравленного сомнительного перебежчика, как призывал в свое время этот приснопамятный ультрадемократ. О совершенно съехавшем под конец жизни с катушек Сахарове и не говорю. Этот так называемый светоч науки наивно утверждал, что для

торжества демократии в России нет ничего полезнее некоторого количества ядерных «грибов» над самыми большими городами. Точнее, эту мысль вложили в голову хорошо пропиаренного душевнобольного человека «гуманисты» из тусовки его второй жены. Когда я представил на экране свою клыкастую зеленую рожу, выпирающую из костюма ценой в пару-тройку кило американских рублей в ходе предвыборной агитации или в передаче «К барьеру», меня начал душить нервный смех.

Организовать что-то подобное в Оркланде, возможно, и получилось бы, но орки выглядели как те мужики из анекдота о поручике Ржевском, в котором на предложение развлечься, используя рояль в качестве ночной вазы, легендарный поручик ответил:

– Вокруг одни мужланы, не поймут.

Отец тем временем бросил на меня хмурый взгляд.

– Что с тобой?

– Не всем так везет, – абсолютно искренне ответил я.

– Точно ничего не лапал?

Уж в этом-то я точно уверен. Но надо было надежнее отвлечь старого хрыча от вопросов, пока он тоже чего не заподозрил. Хватит с меня колдуна.

– Что со мной было-то? Не помню.

– Что могло быть? Заорал ты, вылез из ямы. Потом упал. Амулет раскалился так, что рассыпался. Рубаху тебе спалил, вон, ожог на груди. Там какие-то обломки были в яме, мы их засыпали. Видели, что ты жив, но в себя за сутки так и не пришел. Ждать не стали, сплывались на лодках, я тебя к колдуну отвез.

– Добычу поделили? – нагло спросил я, имея в виду металл и всякое имущество, выкопанное в развалинах, и барахло бедолаг, печенью одного из которых папа меня так милостиво угостил. Видно, решив, что не помешает мне толика храбрости. Пусть даже человека. Местный опиум для народа вещал, что поедание печени и сердца достойного врага улучшает собственные показатели. Чего-чего, а храбрости у копателей было с избытком.

Старый оторопел, машинально ответил:

– Да, поделили. Пока ждали, что очнешься.

– Мне что из доспеха дашь? Досталось же что пригодное? – продолжил я грузить предка.

Папаша раскрыл рот. Неудивительно. Судя по воспоминаниям, Край был добрым домашним мальчиком, воспитанным больше мамой, чем отцом, насколько это возможно среди орков. Никаких, даже таких скромных и обоснованных, требований к своему суровому родителю он прежде не выдвигал. В отличие от обоих старших братцев, лупивших бедолагу Края при каждой возможности. Отчего отец не сказать что недолюбливал младшего, но считал его слабаком и сопляком, чье поведение могло помешать баллотироваться в местные окружные шерифы-министры обороны – хевдинги, лишив симпатии части избирателей. А бывший десятник дружины ярла и богатый кузнец имел неплохие шансы, если бы нынешний хевдинг где-нибудь сильно попал ногами в жир или его прикончили. В хевдинги старшему А'Корту хотелось до невозможности. И немудрено, борг-то не маленький, выставляет более пятидесяти воинов и новиков, пусть даже половина избранных жребием остаются на хозяйстве. Это делало предводителя довольно важной фигурой как в клановом ополчении, так и вообще. Не считая личной доли в добыче.

– Досталось, выберешь, – несколько удивленно протянул папаша.

После чего из-под моей ноги выскочил камень и я чувствительно рухнул на тропу. Встать из-за головокружения и боли в груди удалось не сразу. Отношение к этому мама выказала заботой и лаской, а папа – матюгами.

Остаток пути к лошадям, которых с копьём в руках охранял мой средний брат, Харальд, прошел в молчании, не считая щебета матери. Как раз слегка отпустила голова.

Там разобрались по лошадям, мохнатым близнецам монголоков, и так же молча двинулись домой.

Это позволило продолжить размышления о делах моих скорбных, касающихся почетного долга родному Оркланду, как раз подошло время. О чем, собственно, папе я сам и напомнил.

По традиции новиками становились с четырнадцати лет. Что налагало на семьи определенные обязательства по вооружению молодых людей. Ничего юридически серьезного, но сыновьям и родственникам уважаемых людей желательно было дать хорошие доспехи и вооружение. Для поддержания уважения. Особенно в походе за какими-нибудь «зипунами» совместно с княжеской или клановой дружиной, к людям например. В таких случаях доспех и хорошее оружие резко повышали шансы на выживание, не говоря о добыче.

Новики становились воинами обычно именно в таких, довольно серьезно организованных военных предприятиях. Чтобы без боевого похода получить татуировку воина, нужно было совершить нечто из ряда вон выдающееся, прославиться на весь род или поучаствовать в отражении нападения на поселок, а не прирезать в кустах беднягу из соседнего племени от нечего делать, что по местным межкланово-племенным «понятиям» не приветствовалось, если не было крайней необходимости или других веских причин. За соблюдением духа и буквы «понятий» и следили дружины наших феодалов.

Мне как раз было четырнадцать. Габариты, несмотря на возраст, у меня и сейчас весьма приличные, оглядев себя, признал я. Однако папа о доспехе своему слабодушному сыну пока не позаботился. Что, в принципе, честно говоря, было пока не актуально. Давал пользоваться своими, как в недавнем походе.

Оба старших брата тоже еще числились в новиках, несмотря на шестнадцати- и восемнадцатилетний возраст. Не было последние три года походов. Что их, жаждавших подвигов, весьма волновало.

Край почему-то не помнил, чтобы кто-нибудь из мужчин поселка не годился к военной службе, и меня такой уровень здоровья нации приятно удивил – надо же, «белый билет» никому не нужен. Но почему так, память юного орка ответа не давала. Мысли вернулись к слухам о предстоящем походе. О том, что ярл готовит дружину, сболтнул наш городской голова, староста-бургомистр, он же боргман. Братцы непременно пойдут, да и отец тоже. За добычей и реноме боевика поддержать. Я останусь для охраны и обороны родного дома. Всех мужчин семьи одновременно старались в походы не брать. Собственно, обычная норма была – каждый пятый мужчина борга. Это у нас, с нашими повышенными расходами на хозяйство нового городка, в походах участвовало больше воинов. Накопление запасов, укрепление самого городка – все это требовало довольно много средств и ресурсов. Хотя любителей пограбить городки было достаточно. И среди людей, и среди эльфов. Иногда пошаливали гномы. Время от времени беспокоили банды изгнанников и преступников, коих было не так уж много, но досаждали они несоразмерно численности.

Через примерно минут сорок езды показался поселок.

Глава II

Борг был огорожен земляной насыпью высотой чуть больше метра и частоколом из кругляка по ее гребню. Три стены высотой метра по три с половиной. Со стороны реки, над обрывом, стена была пониже. По углам стояли башни с двойными бревенчатыми стенками. Клетки башен заполняла земля.

За частоколом – ров шириной метра четыре, глубиной метра три, на его дне понатыканы заостренные колья, местами покосившиеся и частично подгнившие. Через ров переброшены мостки. Ворота из бруса, шириной под габариты телеги, были укреплены железными полосами на костылях и висели на здоровенных железных петлях. Над воротами возвышался восьмигранный сруб надвратной башни с широкими бойницами.

Внутри располагались дома всех двадцати двух семей, населявших борг.

Если улицу, ведущую от ворот через площадь с колодцем до противоположной стены, назвать «стрит», то мой дом располагался на первой из двух условных авеню последним направо. До таких изобретений цивилизации, как номера домов и названия улиц, тут пока еще не додумались.

Место считалось довольно почетным, рядом с угловой башней. Именно ее наша семья занимала и обороняла по боевому расчету и еще отвечала за ее сохранность и оборонопригодность.

Крепкие, крытые деревянными плашками дома с примыкавшими постройками, а точнее сказать усадьбы, дворы которых были огорожены жердями, полностью отвечали поговорке «мой дом – моя крепость». В новый борг переселились представители сильных, обеспеченных и многочисленных родов. Класс обнищавших голодранцев пока не оформился.

Вход внутрь городка мог простреливаться из окон-бойниц рядом стоявших домов. Со стороны возможного штурма стены этих домов были глухими, без ворот и дверей. Между ближайшими к тыну усадьбами и стенами борга по всей внутренней окружности протянулось свободное пространство, над которым нависали крытые помосты, поддерживаемые столбами.

Наш дом, как и большинство домов в борге, был частично двухэтажным и объединял под своей крышей двухэтажные помещения для хозяев, то есть нас, и одноэтажные помещения для рабов с примыкавшими хозяйственными постройками, включая запасную кузню. Основная кузня была за внешней стеной поселения, в слободе. Рабов у нас было больше тридцати человек. Именно человек – людей, захваченных в набегах нашим папой либо купленных им по случаю.

Практически все доходы борга контролировались четырьмя семьями, вернее, их главами. Эти акулы средневековой экономики монополизировали самые прибыльные отрасли хозяйства нашего поселения. Папа подмял под себя кузни, староста-бургомистр Берк А'Корт – кожевенное дело. А наш шериф-хевдинг, мой тезка Край А'Тулл держал рыболовецкую бригаду из рабов и поставки продовольствия. Добываемые рыбу и мясо рабы солили, коптили и сушили на продажу.

Семейку старого Кнубы А'Корта, его самого и троих живших отдельно старших сыновей правильнее было назвать не столько акулами, сколько косатками местного бизнеса. Они – местные корабелы, для повышения доходов держали рабов в мастерской, выпускавшей различные деревянные изделия. Кнуба также был владельцем единственного в борге боевого драккара – несомненно, самого выгодного вложения капитала. Корабль длиной десять румов, или на десять пар весел, давал право на десять долей плюс три доли кормчему, коим был либо сам глава семьи судовладельцев, либо кто-то из его сыновей. При грузоподъемности драккара около сорока-пятидесяти воинов семья автоматически получала почти четверть всей добычи.

В общественной жизни Кнуба исполнял обязанности главы поселкового тинга, совмещая их с обязанностями судьи.

Все остальные полноправные жители только сеяли и пахали или охотились в свободное от разбоя время. Тоже, кстати, не без рабского труда. Крестьянствующие рабы проживали на хуторах близ поселка самостоятельно и возделывали пашни на расчищенных от леса участках. Крепостничество во всей красе.

При постройке городка труд рабов использовался гораздо больше. Собственно, роды, пожелавшие переселиться, организовали специальный поход за рабами. Избыток рабов порубили после постройки борга и покидали головы в ров, такая была добрая примета для обеспечения неуязвимости городка. На нас пока никто не нападал, иначе, кроме свежих костей во рву, появились бы и черепа на частоколе, что, согласно здешней моде, придавало неповторимый шарм и колорит обиталищам прямоходящих разумных. Особенно если городок был старый и неоднократно подвергался нападениям. Господская половина дома включала зал-столовую, каморки взрослых сыновей – мою и братьев, комнату обеих младших сестер, по малолетству живущих вместе, две комнаты, занятые семьями домашних слуг-рабов. Еще несколько нежилых помещений были частично заняты всяким барахлом, включая готовые доспехи и оружие, которые хранить за тыном было бы опрометчиво. В подвале и погребе под домом хранились запасы продовольствия. Все это отапливалось тремя печами, чего было достаточно из-за мягких зим. Снега тут на равнине не знали.

Служебная так сказать половина была разделена на клетки-комнаты для рабов, а также для слободских кузнецов и их обслуги – из соображений безопасности они в большинстве своем за стенами не ночевали. Из тех же соображений домашние слуги жили отдельно.

К дому примыкала большая постройка для домашней живности, конюшня-коровник-куратник. Туда и увел наших лошадей молодой раб Ивар, один из упомянутых слуг, когда мы въехали во двор. Рядом сруб кузни, объединенной с баней одной крышей. Из живности в борге были еще собаки, но те жили с хозяевами.

После грозного рыка отца Харальд проводил меня до уже натопленной бани. Несмотря на вновь начавшееся головокружение, я смог помыться. После чего брат довел до моей каморки, где меня ждала мать с компотом и готовым к употреблению колдовским ганджубасом. Выпив кружку этой смеси, я мгновенно отрубился.

* * *

Когда я проснулся, в доме происходила непонятная суеда. Какой-то гомон, мельтешение, бряканье, скрежет со всех сторон. Встать не хотелось. Совершенно не помнил, что мне снилось, но осталось стойкое ощущение, будто снились кошмары. Поразмыслив, решил, что сие хороший знак.

Повалявшись под шкурой, встал. Одел лежащие на скамье напротив холщовые рубаху и штаны, сунул ноги в тапки из медвежьей шкуры и, выйдя из комнаты, поймал летящую по лестнице двенадцатилетнюю сестренку Хильду.

– Что за суеда? Что происходит?

– Ты проснулся? О, как хорошо! Как отдохнул? – затараторила та.

Надо же, а женский пол и здесь в своем репертуаре, ничем от прежней сестренки Олеськи не отличается. Осталось надеяться только, что сходство миров не доходит здесь до махрового феминизма. При поправках на царящие нравы, «борпуньи» за права женщин и гомосексуалистов должны выглядеть лицом как Валерия Ильинична Новодворская при росте метра два и телосложении здорового мужика, прошедшего операцию по смене пола, с габаритами известного калифорнийского губернатора.

– Ярл вестников прислал. Ледунг собирает. Отец в поход готовится. Бьерн с Харальдом тоже идут, – наконец поделилась полезной информацией девчонка.

– Морской поход или сушей? – уточнил я.

– Морской, морской. Драккар Кнубассоны давно вытащили, смолят на берегу. А у нас уже целый день колдун сидит.

Вот эта новость мне совсем не понравилась. Что-то рановато прикатил старикашка за своими порошками.

– Ко мне заходил?

– Да, заходил. Сидел долго у тебя. Мы подглядывали. Колдовал что-то. Травы жег.

– И что?

– Потом вышел, сказал, что все хорошо. Жаль амулета только, говорит, что рассыпался, – поспешила успокоить меня Хильда.

Это дело не могло не радовать. Хотя пора было подумать о хлебе насущном.

– Ты же не ел? Пойдем, покушаешь, – как будто прочитала мои мысли сестра.

Проследовали в обеденный зал. Сестренка увистала на кухню за едой для меня. За столом сидел колдун и без аппетита жевал мясо с хлебом, запивая пивом. Проявив твердость духа, я уселся рядом с ним.

Старик спокойно спросил:

– Что снилось?

– Не помню. Возможно, плохое что. Так кажется.

Непонятно хмыкнув, колдун спокойно откусил очередной кусок мяса. Прожевал, проглотил:

– Неудивительно.

– Что неудивительно?

– Что плохое снилось. – Взял кусок хлеба, откусил. Повторил с мясом. – Когда я в душу кому лезу, и бодрствующему ужасы мерещатся. А после тех трав, что ты выпил, и колдовать много не надо.

Я обмер. Причем как-то двойственно. Дикий ужас шел откуда-то из здешней памяти, например, из виденного еще одиноким в своем теле Краем случая, когда колдун, подойдя, взглянул в глаза огромному орку из купеческой охраны, перепившемуся какой-то гадости и начавшему, хохоча, рубить рабов-рыбаков на пристани. Охранник упал в покоем на эпилептический припадок. А когда перестал биться – умер. Моя вновь закачанная память не позволила личности Края поддаться панике, однако тоже не осталась абсолютно спокойной. И не от мыслей о принятых внутрь местных аналогах ЛСД, каких-нибудь мухоморах. Напротив, сильное душевное волнение начало прямо толкать руку к лежащему на столе ножу, дабы решить проблему страха-ужаса радикально. Остановился благодаря остаткам разума, поддержанным мирным видом абсолютно спокойно жующего колдуна. Несколько прийти в себя дала время сестренка, вылетев из кухни с огромной чашкой мяса и хлеба и кувшином взвара-компота. Требовалось окончательно успокоить нервы, – почему бы и не вкушая хлеб насущный?

Колдун как ни в чем не бывало продолжил:

– Кто и умирал, бывало. Если я глубоко и долго погляжу.

Оставалось только ответить:

– Так зачем до смерти-то доводить?

– А зачем с ума сошедшему жить? Жить, как овощ, родных не узнавая?

– Чем я-то такое внимание заслужил? Ты же в пещере сказал, что все в порядке?

Старик блеснул умными глазами и улыбнулся:

– Тебе никогда не говорили, что язык твой – источник бед твоих?

– Мне нет, – проявил я некоторую нервозность. Поскольку этого только Краю и не говорили.

– Ну так знай отныне.

– Надеюсь, все, что нужно было рассмотреть, увидел? Больше я твоего внимания не удостоюсь?

– Увидел. Немного, но достаточно. Редкая у тебя ценность на шее висела. Других таких в мире и нет, наверное. А уж кто сделал и кому принадлежала, боюсь и представить.

– Так кому же?

– Значит, интересно? Узнать хочешь?

– Хочу.

– Расскажу когда-нибудь. Наведайся ко мне, молодой воин, как созрешь. Для разговора долгого и о вещах многих.

– А сейчас почему не хочешь?

Колдун хмыкнул:

– Я лжи не люблю. Ни сам говорить, ни слушать. А солгать мне так, чтобы я лжи не почувствовал, могут в этом мире немногие. Готов ли ты, молодой воин, со мной говорить?

Я промолчал. Старик понимающе улыбнулся, блеснув клыками, встал из-за стола.

– Счастья этому дому. Благодарю за пищу.

На выходе обернулся:

– Как будешь готов, приходи.

Что после этого оставалось? Только плотно поесть, не обращая внимания на сестренку, вся извертелась как шилом уколотая. Не забывая о пропитанном холестерином, но, надеюсь, без генетических модификаций натурпродукте, постарался оценить ситуацию.

Колдун если не все понял, то о многом догадывается, однако по каким-то причинам молчит. Что его на это подвигло – шкурный мотив или любопытство? Вот вопрос.

Скорее любопытство. На демона я явно не тяну. Но демаскирующие признаки моего «я» старый хрыч, как пить дать, обнаружил. Опасным он меня не считает, иначе сидеть бы мне сейчас в яме под воротной башней. Хочет поговорить.

Какой вывод? Я раскрыт. Если не на сто процентов, то на девяносто девять. Старик не знает только деталей.

А старичок – не профессор-ботаник из столичного университета. Из трех одержимых, что помнил Край, двоих он сжег на костре. Третьего зарезал на алтаре. Не моргнув глазом, без всяких угрызений совести. В то же время справедлив, умен, пользуется колоссальным авторитетом, и при этом отнюдь не только за сверхъестественные таланты. И должность исполняющего обязанности жреца Одина. Фактически кардинал Ришелье поселка.

Сигурд стар, сколько ему лет, неизвестно никому. Судя по татуировке на щеке, раньше был воином, притом дружинником. Даже род его никому не известен. Долго жил рядом с Кортборгом, почему-то увязался за поселенцами в Тайнборг, оставив за себя ученика. Как колдун не слаб, в походы ходит регулярно. Несмотря на возраст, легкости движений позавидуют молодые. Как, судя по всему, и мастерству владения тяжелым копьём. Оно же рогатина, как ее звали на Руси.

К слову, местный пантеон ставил множество вопросов о связи с Землей. Ибо отец богов Один и его сыновья Тор, Тюр и прочие не оставляли других вариантов, как и вполне скандинавские имена жителей.

Но эти вопросы можно отложить до разговора с его преосвященством, Сигурдом Проницательным.

Обстоятельный прием пищи был нарушен появлением обнявшей и поцеловавшей меня в макушку матери. Зашедший вслед за ней озабоченный батя, потрепав по той же макушке, посмотрев на тарелку, распорядился:

– Как доешь, иди в оружейную. Вытащишь доспех мой и братьев. Поддоспешники выведи сушиться. Кольчуги почисти, на моей ржавчина. Братьев – тоже, коли и у них есть.

– Поверх кольчуги что взять хочешь? Чешую? – припомнил содержимое оружейной.
– Байдану эльфийскую, что в последнем походе взял.
– Оружие как, посмотреть?
– Меч, полуторник. Большой кинжал, который с этим мечом ношу. Копье большое, две сулицы. Луки не надо, там все нормально. Секиру подточи, затупилась о доспехи. Щиты не забудь. Братьев оружие не трогай. Сами займутся, коли надо.

Потом остановился, вспомнив:

– Я тебе доспех подобрать обещал?
– Было дело, отец.
– Мы в поход идем. Ярл клич кинул родам. Ты остаешься, как мужчина в доме. Металл, что они в городе откопали, и броню, снятую с людей, на кузне посмотри, отбери, что тебе по нраву. Пока нас не будет, рабы в твоём распоряжении.

К выполнению задачи я приступил после окончания ритуала набивания желудка.

Вынес из оружейной в кузню отцовское и братнино барахло, занялся работой. Кожаные поддоспешники отнес и повесил на кухне за печью. Сам тем временем занялся папиной кольчугой, которая за время нашего вояжа в Седрикгард успела несколько поржаветь.

Найдя нужный бочонок, положил кольчугу и насыпал песка. Закрыв крышку и катал бочонок, пока песок не очистил ржавчину. Потом осталось только вытащить кольчугу и избавиться от остатков песка. Сходил, взял у рабыни-ключницы жбан с гусиным жиром. Подогрел жир, смазал кольчугу и эльфийскую байдану.

Байдана представляла собой кольчугу-жилет из крупных колец без рукавов. Кольца выглядели весьма эффектно, черненные с серебряным растительным орнаментом на каждом. Не казалось лишней и с виду бронзовая, стилизованная под набранную из кованых кленовых листьев, оторочка ворота и рукавов. Несколько портили впечатление простые кольца в местах, где папа расширял байдану под свою комплекцию. Они-то в основном и ржавели.

По моим прикидкам, этот жилетик стоил больше, чем оставшиеся средства батиней индивидуальной бронезащиты, вместе взятые. Даже сейчас.

Оселком и кожаным ремнем слегка подновил лезвие меча. Меч представлял собой более чем метровую железяку с рукояткой под полторы ладони и небольшим шаром противовеса. Обоюдоострое лезвие шириной сантиметров пять, с заостренным концом. Почти на всем протяжении довольно глубокие доли.

Смазал жиром лезвие и крытые кожей ножны.

Наточил лезвия топора и рогатины, пострадавшие в свое время при пробивании лежавших неподалеку в куче железа трофейных доспехов. Кинжал точить было не надо. Направил лезвие кинжала на кожаном ремне. Подточил обе сулицы.

Отцов щит представлял собой трофейный рыцарский треугольник с остатками герба, кстати, окованный железом поверх деревянных досок. Щиты братьев выглядели попроще: оба круглые деревянные, шириной чуть более восьмидесяти сантиметров. С оковкой бронзой по краям и стальными умбонами. Под оковку и умбон была подбита вываренная в масле бычья кожа.

Вытащил просохшие поддоспешники, обильно смазал их горячим жиром. Повесил рядом с бронями отца и братьев. Попутно произвел оценку защитного вооружения семьи и трофеев.

Отец собрался в поход с большим копьем-рогатиной, его полуметровый обоюдоострый наконечник сидел на мощном ясеневом древке более двух метров длиной. Мне в прежней жизни был знаком этот русско-скандинавский вариант нагинаты. Есть, оказывается, еще и орочий. Отцовский арсенал дополняли меч, топор на почти метровом топорщице, два боевых кинжала, побольше и поменьше, два метательных копья-сулицы и лук.

Защитное вооружение состояло из классической длинной кольчуги с капюшоном – хауберка, с рукавами до локтя. Поверх капюшона надевался стальной, точнее железный, склепан-

ный из четырех частей шлем со стрелкой. Наручи из наклепанных на кожаную основу металлических полос. Кожаные перчатки с нашитыми кольцами кольчуги. Щит.

Братец Бьерн, удивившийся большим, страшным и агрессивным (как раз типаж орка по типичному фэнтези), не придумал когда-то ничего умнее, чем занять кольчугу двойного плетения с такой же бармицей на шлеме. Благодаря Интернету я знал, что сия система не намного лучше держала колющий удар, чем обычная, зато отличалась весьма приличным весом. Больше пуда. Судя по моим прикидкам, конкретно кольчуга Бьерна весила килограммов восемнадцать-двадцать. На шлеме, кроме бармицы, имелась пристегивающаяся лицевая пластина-личина с вычеканенным изображением черепа. Стильно.

За исключением меча-одноручника и одного кинжала, в остальном вооружение старшего брата повторяло отцово.

Средний брат Харальд, более благообразная и интеллигентная копия старшего, проявил здравый смысл. Обычный хауберк, с навешиваемым на него по мере необходимости наборным ламелляром из стальных пластин на кожаных ремнях. Он даже заранее наготовил до десятка пластин на замену срубленным. На его шлеме крепилась железная полумаска, прикрывающая глаза и нос.

Харальд вооружился, как и старший брат, только без лука. Не давалась ему стрельба. А старик пожмотничал покупать чертовски дорогой боевой лук плохому стрелку.

У Харальда доспех был в порядке. Я лишь смазал его жиром, чтобы не так ржавел. А чистить ржавчину с кольчуги старшего было лень. Нечего с мечом тренироваться обязательно в доспехе, а за его сохранностью не следить.

Разобрав трофеи, я понял, что вооружение моих соплеменников нисколько не уступает вооружению некоторых из ватаг людей, рискующих копать на полях сражений времен Империи, и даже, возможно, превосходит его. Судя по тому, что такие предприятия явно занятие не для бедных и требуют серьезной подготовки, среднестатистического ополченец из людей моим родичам не соперник. В затратах ватажников на поход дорогая кольчуга составит весьма небольшой процент. В отличие от ополченца, для которого кожаная чешуя или набивняк весьма дорогое удовольствие.

По жребию мне с отцом достались две кольчуги, чешуйчатый панцирь-корацин, три шлема и отдельно кольчужный капюшон-бармица. Хотя именно его правильнее назвать хауберком. Кожаные доспехи если отцу и достались, то попали в работу к матери для починки.

Первая кольчуга, склепанная из миллиметровой толщины подсплюснутых колец, была почти не повреждена, за исключением разрыва от стрелы чуть ниже шеи сзади. Не всегда ей так везло, если судить по отличающимся кольцам латок, то раз шесть. Причем рубили далеко не дети.

Вторую кольчугу, с кольцами потолще, вместе с владельцем порубили топорами, перед этим пробив копьем бедро. Четыре здоровые дыры, включая почти наполовину разрубленный капюшон.

Чешуя панциря пострадала примерно так же. На спине, в районе правой почки, красовалась неширокая дыра от рогатины, что само по себе впечатляло, несмотря на менее чем миллиметровую толщину чешуек. На правой лопатке разрублены две пластины, над другой одна срублена. Спереди от ключицы до соска вертикальная огромная щель от топора. Кожа изнутри вся залита мерзко воняющей запекшейся кровью. Почему-то вовремя вымыть доспехи никто не догадался.

Один шлем, смятый ударом булавы, был годен только на металл. Два других были целы. Неплохой, из примерно двухмиллиметровых колец, капюшон прорублен справа на уровне шеи.

Как я понял, все более качественное и целое досталось по жребию тем, у кого были проблемы с доспехом, или подходящим по комплекции. В свете подготовки к походу. Скорее всего, после жребия батя еще и менялся. Популярности ищет, политик. Да и выгода налицо.

Но и про меня не забыл, подложив кольчужку, правда, довольно скверную. Хотя, надев поверх чешую, которая присутствовала в оружейной, можно было получить приемлемый уровень защиты корпуса. Насчет шлемов и бармиц отец тоже подсуетился. У многих и того нет.

Осталось признать, что отрицательный пиар орков на Земле – эльфийская пропаганда. Надо бы только найти длинноухого Геббельса и уговорить на капсулу с ядом.

Подумав, померив, отложил кольчугу, хотя была и великовата, добавил капюшон. Промерил открытый шлем. Из трофейного оружия в виде двух боевых топоров отложил один. Очень неплохой агрегат. Кинжал у меня был. Осталось только занять щит, копьё, меч, наручи и проапгрейдить защиту. Как – задумки появились.

Размеренный и несуетливый ход моих занятий был прерван появлением братца Бьерна, который с важным видом на зверообразной роже прошествовал в кузню. Снисходительно потрепал по плечу, буркнул что-то сочувственное и сунул свое рыло в отложенную мной амуницию, сразу нацелившись на секиру. Потом посмотрел на меня. Оглядел свою кольчугу и наехал:

– Ты почему кольчугу не почистил?

Замысел этого гиганта мысли просчитать труда не составляло. Он наезжает за кольчугу, давит мышцей, возрастом и авторитетом. Братик рад почистить кольчугу и тем более поместиться топорами в качестве процентов за моральный ущерб. Семейная дедовщина во всей красе.

Варианты действий. Промолчать и сделать то, чего хочет Бьерн. Это несомненно одобрил бы Край. Пожаловаться папе – вызывало отторжение у обеих половин моего «я». Или послать брата на три веселые буквы, а потом набить ему морду. За третий вариант обеими руками голосовал я, в смысле Даниил. Тем более перспективы дальнейшей жизни рядом с Бьерном, когда он все-таки получит тату воина, в смысле повысит свой статус, не радовали. Тогда бить его при таких наездах будет уже поздно. Я и сейчас не намного уступал ему габаритами, обещая к его возрасту не только сравняться, но и перерасти. Что тут оставалось?

– Следить научись за своими доспехами. Птички нагадят, и то не убережешь. Перед девками в доспехах красуешься, а почистить и смазать лень?

Бьерн опешил.

– А-а-ах ты, сопляк, – больше у брата слов не нашлось. Предпочтя действия, он взял меня за воротник.

К его несчастью, я был готов, пробив бедолаге в печень, от чего он, охнув, сложился и выпустил мой ворот. Чем я и воспользовался, нарастив дистанцию. Как только Бьерн очухался, он тут же шагнул вперед, махнув кулаком, целясь в лицо. Блок, изображение правой ответной в лицо с подшагом. Попытка Бьерна уклониться, реальный удар в многострадальную печень. Пушечный свинг под левый глаз. Нокаут.

Мелькнула тень от двери. Когда повернулся – в дверях стоял Харальд с отвисшей челюстью. Потом возник отец, повторивший мимику Харальда. Он-то и не допустил продолжения схватки и ее перерастания в бойню, когда Бьерн достаточно пришел в себя, чтобы начать мотаться и жадать реванша.

Выдав каждому по затрещине, батя выслушал соображения сторон. Хмыкнул, пуганул обоих своим гневом в случае продолжения конфликта, но не смог спрятать удивленно-озабоченно-внимательного взгляда. Отложенное имущество осталось у меня, включая секиру. На топор после моего возмущения в процессе разбирательства брат претендовать не стал. Остаток дня прошел без осложнений.

Вечером папа выдал мне инструктаж о действиях за время его отсутствия, суть указаний больше напоминала сакраментальное: «Сынок, слушайся маму». Ибо она оставалась за главную в семье и на хозяйстве, в том числе в руководстве движимым и недвижимым имуществом.

От меня требовалось только осуществлять силовую поддержку ее слов или действий и делать то, что запрещено рабам.

А также заниматься своими доспехами и вооружением.

– Раз брату морду бить достаточно вырос, посмотрим, насколько умен, чтобы хорошей броней и оружием себя обеспечить.

* * *

Следующим утром жители Тайнборга тепло провожали будущих героев, уходивших за славой (читай, добычей), готовых ради славы умереть (то есть перебить поголовно владельцев приглянувшегося имущества).

Выйдя из ворот, охраняемых двумя из четырех представителями мужского населения, что посуточно, согласно спискам хевдинга, берегли сон и покой жителей, спустились к слободе, между которой и поселком притулилась пристань. Слобода располагалась метрах в трехстах ниже по течению Одры, довольно полноводной реки шириной метров пятьсот.

Первым располагался наш двор. За забором из жердей высотой метра полтора были видны срубы кузни, два сеновала, коровник-конюшня – курятник, господская баня и баня для рабов, а также слободской дом.

Народу на пристани хватало. Девицы вешались на шею, целуя кавалеров, Бьерна слюняво чмокнула дочка корабельщика Кнубы. Настроения это ему прибавило не шибко. Несмотря на превосходные регенеративные способности моих новых соплеменников, куда как превосходившие человеческие, глаз братца радовал меня великолепным черным синячищем. Народ, как я краем уха подслушал, был в курсе, кто его отоварил и за что. Авторитету такое дело не способствует. Я заработал несколько заинтересованных взглядов от наших девушек, что не показалось мне неприятным. Что поделатъ, гормоны, переходный возраст. Да и девицы были даже по людским меркам симпатичные – никакого лишнего веса, стройные, клыки, в отличие от мужиков, не торчат. Отличия от людей – вертикальный зрачок, листовидные уши и зеленоватый цвет кожи – их нисколько не портили.

У всех мужчин еще присутствовала легкая несоразмерность длины рук – кончики пальцев не на середине бедра, а чуть выше колена. Кроме, почему-то, меня и братьев, отличавшихся еще и более светлой кожей.

Я мысленно отметил этот пункт среди потенциальных вопросов колдуну. Так в природе не бывает. Не иначе кто-то поиграл с генами предков, если принять, что эпидемии – хлопок дверью товарища Императора. Это же прекрасно объясняло и странности, например, стопроцентную боеспособность мужчин в поселке.

Когда народ собрался полностью, бойцы выстроились на строевой смотр, вечный, как сама армия, для проверки качества и количества вооружения и доспехов. Плохо одоспешенные и вооруженные, по традиции, получали уменьшенную долю.

В строю стояло двадцать семь душ. Еще десять-пятнадцать собирались добрать в Кортборге, среди родни. Минусом морских походов было то, что драккаров было меньше, чем желающих. Но это не обязательно касалось конкретного борга.

Наряду с обоими младшими братьями Кнубассонами и сыном их старшего Эриком, хевдингом Краем А'Туллом, его сыном Кори, сыном боргмана Эгилем А'Кортом, отец с братьями выделялись качеством и количеством вооружения. Джентльменским набором, соответствующим набору хирдмана дружины ярла. Даже луков не было только у Харальда и Кори А'Тулла. Плюс Эгиль с непопулярным из-за малой скорострельности арбалетом.

Остальные были экипированы хуже. Мечи примерно у половины, частично дополненные топорами или булавами. У остальных одни топоры. Большие копыя у всех. Но не у всех полно-

ценные боевые, несколько охотничьих с перекладиной. Два вообще с трофейными или копаными чисто колющими наконечниками. Сулиц мало.

Одоспешены все. Чуть менее половины в простых кольчугах, остальные в чешуйчатых панцирях поверх кожаных рубах, с наручами. Правда, большинство панцирей цельнокожаные, с чешуей из проваренной в масле кожи – более капитальный вариант поддоспешника. Кстати, весьма неплохая защита, мало чем уступающая кольчуге. Шлемы либо кольчужные капюшоны и щиты у всех. Луков штук шесть, из них сложносоставной только один. Оставшиеся – ясеневые деревяшки. Немного, но достаточно, чтобы не уменьшить долю с самого начала. К слову сказать, экипировка отряда в целом заметно превосходила среднестатистический ополченческий херад количеством металла, носимого на телах воинов, если меня не подводила память.

Кнубассоны шли кормчими, руководил походом хевдинг.

Под крики провожающих наши потенциальные герои-грабители заняли готовый к походу драккар. Упаковали доспехи и оружие в рундуки под скамьями. Разобрались по веслам и под заключительные овации отправились навстречу приключениям. На свои и чужие ягодичные мышцы.

Глава III

На короткое время я получил свободу действий и мог по своему усмотрению обеспечить себя средствами индивидуальной бронезащиты, а этого терять не стоило. В таком-то ужасном мире.

С рогатиной следовало подождать, не было подходящего сухого древка. Заготовку для него я вырубил, обработал и повесил сушиться. Приказал рабам в кузне изготовить наконечник для рогатины и, ко всему, побольше заготовок для наконечников сулиц.

Из оставшихся задач наибольшего напряжения извилин заслуживали изготовление меча и панциря в дополнение к кольчуге.

Содержимое оружейной я решил не использовать. Во-первых, не мое, отцово. Хотя и можно выпросить, но для повышения статуса не годится, несолидно. Во-вторых, имеющийся в наличии чешуйчатый панцирь не очень подходит по комплекции. Меч тоже не впечатлил, типичное одноручное чисто рубящее оружие. Пришлось еще раз пересмотреть запасы металла и трофеев.

Трофейная чешуя никуда не годилась. Повреждения и провонявшая падалью кожа снижали до минимума ликвидность товара. Даже при всех заново набитых пластинах. Не оставлять же такую дрянь себе. Напрашивался вывод: кожу сжечь, металл пустить на новый панцирь.

Идея привлекала, но я поступил немного иначе. Еще в родном теле, ковыряясь в глубинах Интернета, я обратил внимание на увлеченность многих реконструкторов бригантиной, ознакомился не только с новоделами от игровиков, но и с реальными образцами из раскопок археологов. Интерес к истории, в том числе истории оружия, из простого хобби в прежней жизни неожиданно превратился в инструментальное знание, необходимое здесь и сейчас.

Поскольку конструкция вооружения неразрывно связана с концепциями его применения, я решил начать с основ. Бригант давал тот же уровень защиты, что и чешуя, а то и выше, из-за гашения силы ударов кожей. Но у меня возникла идея носить его не на кольчуге, а под ней. Не зная действительной результативности стрельбы эльфийских лучников, по слухам, чертовски метких, было бы по определению опрометчиво показывать им апгрейд защиты корпуса в виде практически непробиваемых стрелами чешуи, бригантины или ламелляра. Ибо любой минимально здравомыслящий стрелок будет выцеливать те места в защите противника, которые он гарантированно пробьет. Если только достаточно квалифицирован для этого, поскольку возможности луков и арбалетов на поле боя напрямую зависят от меткости стрелка, мощность оружия второстепенна.

Проще говоря, Робин Гуды жили только в книжках. Что, кстати, весьма радовало, и совсем не хотелось убедиться в обратном.

Так как науке баллистике все равно, чем запускается снаряд, мой прошлый жизненный опыт пришелся весьма кстати. Многоуважаемый Вальтер Скотт при всей реалистичности его исторических романов в «Айвенго» погорячился не только по поводу готического доспеха рыцарей времен Ричарда Львиное Сердце, сделав ошибку лет на двести пятьдесят, поскольку Ричард, судя по летописям, пользовался кольчугой. Сэр Вальтер был не аккуратен и относительно небезызвестного Робина Локсли, если точнее – его возможностей. Совершенно неясно, как можно попасть стрелой в стрелу на расстоянии двести-триста ярдов, если на этой дистанции начинают не только возникать проблемы со зрением, но и проявляется элементарная разница в аэродинамике и массе стрел. При этом дальность прицельной стрельбы рядового английского лучника времен Столетней войны равнялась девяносто одному метру. На большее расстояние сыпали навесом по площадям. На кого бог пошлет. Даже не касаясь аэродинамики, надо учесть производственный фактор: кузнецу крайне сложно вручную отковать абсолютно одинаковые по форме и массе наконечники, разница в плотности, то есть массе древесины тоже

присутствует. А значит, траектория полета стрелы будет зависеть от чего угодно, а не только от «недостаточно круглой» тетивы.

Что касается меня, то согласно теории вероятностей, я опасался прицельного выстрела с близкой дистанции от кого-то похожего на книжного Локсли. В этом случае мои шансы на выживание стремились к нулю. В свое время я был весьма удивлен малоизвестным историческим фактом: большинство убитых при Кресси были только ранены стрелами, а потом их добили в свободное от французских атак время английские латники и собиравшие стрелы лучники. Англичане «закрывали стрелами солнце», а если точнее, пускали тучи стрел, выбивали из-под рыцарей коней, рыцари падали, ломая руки и ноги, кольчугу бронебойный накопник пробивал в достаточной мере эффективно, тяжелораненые и раненые в ноги уже не могли бежать. Заканчивался их жизненный путь встречей с каким-нибудь «Джо из Йоркшира», вооруженным огромной киянкой для забивания кольев.

Сомнений в профессионализме эльфов у меня было чертовски мало. И следовало побеспокоиться заранее. Поэтому, если в бою на мне будет такая простая кольчуга, то я от встреченного, не дай бог, местного Робина Локсли получу стрелу сначала в грудь, а не в лицо или колено. А в моем родном мире ее пробивали даже стрелами с каменными наконечниками, – например, американские индейцы.

Склонность эльфов к дистанционному оружию можно легко объяснить, если не забывать, что у этих бессмертных существ были века на боевую подготовку.

Отловив Хильду, с ее помощью я сделал необходимые промеры для шитья по моему размеру, чтобы не носить старого отцовского или запасного Харальдова поддоспешника. Их обычно шили наши женщины с минимальной помощью рабов. Мама, улыбнувшись, пообещала закончить работу как можно быстрее. Она вскрыла запасы кож, раскроила и загрузила шитьем Хильду с младшей сестрой, десятилетней Ульрикой, и рабыню Ханну, иногда помогая сама – в свободное от руководства хозяйством время.

Следующий этап – отбор металла для доспехов и оружия. В запасах было килограммов двести всяческих железяк. Не задерживая внимание на чугуне или явном железе, я начал присматриваться к металлолому, сразу положив глаз на остатки древнего меча. Судя по всему, рыцарского двуручника времен Империи.

Лезвие длиной больше метра, с глубокими долами, весом килограмма два с половиной, украшенное с одной стороны до сих пор видневшимися рунами, сохранилось практически целиком. Судьба рыцаря загадки не представляла. Поскольку тот конец, где полагалось быть эфесу, когда-то изрядно нагрели. Настолько, что металл потек сосульками, а клинок приобрел явную кривизну – и долы не помогли.

Его я приготовил на перековку в нормальный меч.

Для второго меча и пластин бригаанта я отобрал два копейных наконечника, простенький коротыш имперского легионера с железной рукоятью и обломанным концом, фрагменты разного рода имперского вооружения, накопанные в приснопамятном походе и нами, и перебитыми нами же людьми, плюс старые запасы. Я решил использовать все, что нашел. Материала не хватало, вот и прибавил пластины и куски от доспехов, а также изрядно оплавленный наплечник. Вполне вероятно, тоже принадлежавший владельцу меча.

Пробоины в кольчужке и капюшоне-хауберке мне зашили на кузне, подобрав кольца по размеру. Туда же были отданы трофейные лохмотья.

Ремонт кольчуг завершился как нельзя вовремя: к первому в теле Края караулу по охране поселка. До устава гарнизонной и караульной службы тут не додумались, поэтому охрана, честно говоря, была аховая. Днем двое караулили, двое спали в надвратной башне, периодически меняясь. Ночью все бодрствовали и время от времени патрулировали периметр, меряя шагами помосты на частоколе. На углах периметра, в башнях, по ночам выставляли рабодозорных, на каждого караульного по одному. Расовые преимущества – хорошее ночное зре-

ние и пониженная утомляемость орков – снимали часть обычных проблем, с которыми сталкиваются часовые, спать не хотелось...

Когда был сшит поддоспешник, я его примерил и выдал заказ на основу для бригаантины. Поддоспешник представлял собой кожаную рубаху с нашитыми поверх также кожаными кусками. Стеганка на конском волосе была пока неактуальна – морские походы, влажность.

Бригантом я немало озадачил маму, после чего мы с ней убили полдня, пытаюсь как можно лучше разметить и раскроить кожу на два слоя.

Когда я решил начать ковать пластины, наш главный кузнец Ансгар только хмыкнул:

– Зачем оружие-то на доспех переводить?

– Мне нужны стальные пластины, а не железные.

– А если колоться будет?

– Отпустим, испытывать надо перед тем, как набивать.

Предложение изготовить панцирь по моему проекту заинтересовало Ансгара. Любил он свое дело, бывший кузнец одного из баронов Фриланда. Трудился он там, пока замок не захватили врасплох орки, вырезав гарнизон. Его самого не прикончили только из-за специальности.

Батя его за профессионализм уважал, даже обещал как-нибудь дать вольную – это, между прочим, иногда случалось по разным причинам. В большинстве своем вольноотпущенники, выкупив себя и окончательно избавившись от зависимости, полноценно свободными уходили в людские кланы. Обычно в так называемые вдовьи борги, где большинство мужчин погибли в набегах или войнах. Там было легче стать своим. Ансгар, к примеру, сошелся у нас с ключницей Ханной, уже и ребенка родили.

Так как именно он обучал меня главным премудростям кузнечного ремесла, отношения с ним у меня были неплохие, в отличие от Бьерна, которого он ненавидел. Отчего я и решил сам заняться панцирем.

Мы долго вычерчивали контуры, определяли размеры и количество пластин бригаанта, прикинули, где они должны располагаться на основе, чтобы минимально снижать маневренность. Даже вырезали и разметили шаблоны из деревянных плашек. Кольца делали все остальные кузнецы, кроме одного: тот восстанавливал изрубленную трофейную чешую. Пластины с чешуи он успел снять, приготовил и ждал, пока Ханна выкроит кожаные детали. Я даже не побрезговал поработать молотобойцем, выслушивая объяснения мастера. Знания лишними не бывают.

Опытным методом выбрали нужный режим закалки-отпуска для всех разделанных на калиброванные пластины заготовок, чтобы обеспечить максимальную прочность откованных полутора миллиметровых пластин. Между делом пробили отверстия под заклепки. Понаделали самих заклепок, пряжек для ремней, изготовили пластины для наручей и поножей. После очередного караула занялись сборкой.

По конструкции бригаантина повторяла обычный бронежилет с его передней и задней бронепанелями и отверстием для головы. Только пластины шли в один ряд, хотя и с нахлестом. Вместо лямок на «липучках» на трапециевидные мышцы вплоть до плечевого сустава лег подбитый на кожу металл. А на сами плечи сверху и с боков спустились частично перекрывающие друг друга наборные лопасти из набитых на кожу пластин потоньше, с миллиметр – для перекрытия соединения будущих наплечников с самим панцирем.

Под мышками пропускались – к сожалению, назад – подбитые двумя рядами стальных прямоугольников половины пояса, связывающего переднюю и заднюю бронепанели. Вперед, как на нормальных брониках, пропустить их было нежелательно: «липучка» отсутствовала как класс. Ременное крепление легко могло быть перерублено, но при ударе со спины вероятность этого уменьшалась. Два ремня шириной с офицерский, с аналогичными двузубыми пряжками, с нахлестом соединяли пояс в единое целое ближе к левому боку – для удобства самостоятельного одевания. Я не только заранее побеспокоился о подшивании крепежных ремней, но и

закрепил ремешки на поясе, чтобы освободившиеся концы можно было продеть, иначе будут болтаться.

Панцирь получился на пару сантиметров длиннее, чем надо, – можно сказать, на вырост. Бедра и пах перекрывала наборная из мелких пластин юбка, разделенная по бокам на две части, тоже с нахлестом и на ремнях – внизу и вверх, для удобства.

Покрутившись, попрыгав, я опробовал панцирь. Когда же посмотрелся в серебряное зеркало – загордился. Изделие получилось, что называется, видное. Металл заклепок на коже смотрелся весьма прилично. Да и дизайн, пусть не от Габано, но вполне хорош – хотя бы для Оркланда.

Несколько действовала на нервы масса панциря, примерно в десять-одиннадцать килограммов. Вместе с кольчугой, наручами и поножами масса вооружения могла достигнуть килограммов двадцать пять, а это серьезное испытание для моих новообетенных, пусть и неплохих, физических возможностей. Надо было проверить доспех в носке. Это я оставил до изготовления наручей и поножей.

Через четверо суток я примерил полный комплект. Увидев себя в зеркале, я мог с полным основанием гордиться сделанной работой. Голень и бедра закрывались поножами из обшитых проклепанной кожей полос металла на ремнях. Щели на коленях, подумав, закрыли кусками кольчуги, обшив штаны по кругу. Чтобы набедренники не сползали вниз, прицепили их ремнями к поддоспешнику. Руки прикрывались наручами, по форме аналогичными поножам за исключением размеров. Также обшили кольчугой локти и районы под мышками на рубахе-поддоспешнике. В общем, кольчужные вставки появились везде, где имелись щели.

Уязвимыми оставались ступни в сапогах, кисти рук в перчатках и в какой-то степени районы суставов – и то, если пробьют кольчугу. Под юбкой найти щель между набедренником и панцирем было сложно. Горло пока перекрывал хауберк. Одета поверх бригантины кольчуга усиливала защиту корпуса. Но лицо оставалось неприкрытым.

Нужны были шлем, латные перчатки под стать и латный воротник. Но с ними я решил подождать до изготовления оружия.

* * *

Специфика действий соплеменников, пиратов и грабителей накладывала определенные требования на вооружение. Рогатина с ее колюще-режущим наконечником была обязательна для борьбы с вражеской кавалерией и увеличивала дистанцию поражения противников. Также нужен был меч или что-то другое колюще-рубящее для работы в свободных боевых порядках, частично вне строя. При этом, что очень актуально для бандитов, пиратов и грабителей, одним из которых мне придется стать, по крайней мере на время, длина клинка должна быть около метра. Кратчайшее расстояние между двумя точками, как известно, – прямая. Пребывая в человеческом теле, я познакомился со спортивным фехтованием еще будучи школьником, поднатаскался в работе с ножом в более зрелом возрасте, а регулярные тренировки телу Края обеспечивали отец и братья. После переосмысления суммарного опыта я убедился: нужно то, что может не только нормально колоть, но при этом и качественно рубить.

И наконец, нельзя забывать о работе на ближних дистанциях в довольно плотных боевых порядках, априори сокращавшей возможности метрового колюще-рубящего клинка, когда его просто-напросто тяжело развернуть. Однако такие схватки были весьма возможны как на ограниченном пространстве корабля, так и в сутолоке и тесноте битвы.

Орки выходили из положения, куя одноручные мечи с длиной клинка от семидесяти до восьмидесяти сантиметров для рядовых родовичей, которые не могли себе позволить много оружия. Все, что длиннее, заказывалось только хирдманами и опытными, обеспеченными представителями родов, соответствующими хирдманам по вооружению.

Я не стал изобретать велосипед, взяв за основу идею японцев с их дайсе, комплектом из катаны (или тати) и вакидзаси, куда вакидзаси вошел именно как меч для ограниченных пространств. В том же ключе мыслили кавказские горцы с их комплектом шашка плюс кинжал. Кинжал мог быть больше полуметра длиной.

Тут тоже возникали сомнения, что лучше, колющий или рубящий инструмент. При сохранившейся скорости поражения в рукопашной, когда рядом находятся враждебно настроенные вооруженные джентльмены, собственно поочередное поражение или блокирование ударов противников не обеспечивается одними уколами. Однако рубящий удар уступает колющему в бронепробиваемости, ее надо было как-то повышать.

Вновь на помощь пришел опыт предков. Что-то вроде того и для тех же целей употребляли в Западной Европе. Тяжелые тесаки-фальшионы с их закругленными, в определенной степени оптимизированными для рубки клинками, весьма походили на гораздо более ранние лангосаксы, а в некоторых вариантах позволяли и колоть.

Однако профессионалы войны, немецкие ландскнехты, а также французские жандармы (тяжелая латная кавалерия) вместо фальшиона нередко применяли как исключительно рубящее оружие малхус, короткий, широкий, тяжелый меч-саблю с сильным скосом в передней части. Их профессионализму я и доверился. По моим прикидкам, такой меч массой до трех килограммов, идеально приспособленный для мощных рубящих ударов в ограниченном пространстве, представлял самое устрашающе-эффективное оружие в тесноте корабля или в рукопашной на поле боя. Малхус – практически тот же топор. Правда, им невозможно эффективно колоть доспешных, но этим недостатком я пренебрег. В любом случае, толщина и ширина клинка не позволяли глубоко колоть кого угодно, как и тем же, например, фальшионом. А для уколов у меня, как и у ландскнехтов, имелся кинжал.

Любопытно, но классический малхус по форме был почти полной копией китайского дао. Разве что короче, толще и с одноручной рукоятью. Сходные физиология и задачи рожают сходные решения.

После начертания на подходящей доске нужной формы меча и прикидки планируемых ТТХ меня пробил смех. Девяйс получился изрядно похожим на изображения мечей фэнтезийных орков на обложках, причем это оружие художники считают ятаганами. Еще бы: расширяющийся от эфеса клинок с елманью мог напомнить вышеупомянутым иллюстраторам даже меч Аладдина из известного мультфильма. Отличия разве что в размерах.

Почти двуручная рукоять длиной с два кулака вместе с навершием меня устроила. Максимальную толщину клинка на прямой линии от острия к центру рукояти я предполагал сделать не более семи-десяти миллиметров. От нее вниз пойдут грани лезвия. Вверх, к обуху клинок также станет тоньше, миллиметров до четырех-пяти. В поперечном сечении получится вытянутый пятиугольник. Срез я решил заточить.

Для наглядности из сосновой плашки вырезал модель, с третьей попытки получилось то, что надо.

В качестве прототипа длинного меча, не мудрствуя, избрал китайский цзянь, боевой вариант. Меч, которому около трех тысяч лет и который за последние полторы тысячи лет почти не изменился, заслуживает внимания. Да и Чон Юнг Фат в «Крадущемся тигре, затаившемся драконе» выглядел весьма привлекательно. Осталось только научиться скакать по елкам.

При виде модели малхуса Ансгар сказал:

– Охо-хо-хо. Чья идея? Господина? – он имел в виду отца.

Я изложил свои соображения.

Кузнец задумался. Потом кинул на меня непонятный взгляд.

– Попробую отковать. Но слишком короток. Если по размеру делать. Только в свалке будет хорош.

Тут я добил его, показав рисунок цзяня, и пояснил, зачем он мне. Мастер помолчал. Потом покачал головой.

– Высоко пойдете, молодой господин. Если по пути не убьют.

* * *

С ковкой мечей я решил подождать до следующего караула. Только посоветовался с Ансгаром насчет металлолома для их изготовления.

Тот обломал мои планы пустить на малхус оплавленное лезвие двуручника. Сказав, что такую дуру нужно ковать из нескольких кусков. Качественная сталь на обух не нужна. А вот такое, как он выразился, «шило», как цзянь, нужно делать целиком из хорошего материала.

Сменившись, я отоспался и на следующее утро пришел в кузню.

Пока грели лезвие, я, сидя на солнышке возле кузни, подвергся атаке местных девушек.

Атаку начала симпатичная брюнеточка Эрика А'Тулл, дочка хевдинга, нагло выкрикнув через забор:

– Какой демон укусил тебя пониже спины там, в крепости?

– Страшный, поди, был? – поддакнула ее подружка Ульфрида, белобрысая младшая дочка старого Кнубы от младшей жены. Это она целовалась с Бьерном на проводах в поход, старательно не замечая синячище под глазом моего брата.

У меня не было настроения любезничать с дамами. Хотя об Эрике следовало задуматься, она того стоила. Поэтому я ограничился ответным наездом только на Ульфриду:

– Жуть. Из-под земли как выскочит, весь в дыму. Как зашипит, как закричит. Точно так же, как ты, Фрида, заорала на весь борг, когда в бане на раскаленные камни мягким местом приземлилась. Помнишь? И он попер на меня...

Фрида раскрыла рот и попыталась меня обругать. Но я успел закончить раньше:

– Я – бежать. Он меня за задницу – тят! Я – ох! Думаю, чем отбиться, придумал – пук. Голову поворачиваю. А он уже не рычит, а кашляет. Раз, другой, все сильнее. А после третьего покраснел, надулся и лопнул.

Фрида все-таки обругала меня и сама надулась. Эрика, как заклятая подруга Фриды, наоборот, оживилась:

– Что, ты от такого зрелища лишился чувств? Или на самого подействовало? Или...

Не надо было развивать эту тему:

– Я просто споткнулся. И все.

– Так, что колдун в чувство приводил?

– Врут. Вот что было. Упал я, вижу надо мной валькирия на крылатом коне. Кто, говорит, тот герой, что злобного демона Йыганга убил? Отец богов с ним давно покончить хотел. Но силен уж больно демон был и хитер. Не давался никак, даже от Гугнира раз увернулся, раной отделался. Таким, говорит, героям самое место на Валгалле среди великих эйнхерриев. Я говорю, но на Валгаллу рановато мне пока. Та не слушает, за шиворот – цап. И на коня. А дальше по радужному мосту. Смотрю...

Ульфрида заорала с новыми силами:

– Хватит врать как сивый мерин! Пошли, Эрика. – И потянула, слегка недовольную этим ускоренным отступлением подругу к верфи.

– Все, Эрика, не буду рассказывать, какую видел там красоту. Об этом только колдун знает. Мешают нам некоторые... – Осторожно закинул я крючок.

Эрика засмеялась.

Сзади кашляли:

– Пора, господин.

– Пора так пора. Увидимся, девушки.

Эрика удивленно подняла брови. Но ничего не сказала.

В кузне металл остатков двуручника вполне созрел. Мы с Ансаром разрубили заготовку на две части и, не забывая подогревать и посыпать бурой избранную большую часть, перековали в брусок. Потом, охаживая молотом, растянули в длину.

Двое незанятых этим процессом кузнецов тем временем занимались малхусом, расковыная второй кусок в пластину по форме клинка будущего меча. Для изготовления малхуса мы собирались центральную пластину из хорошей стали оковать низкоуглеродистой мягкой или железом из металлолома, как получится. Заготовки уже были, это дело – оковку – оставили на нас с Ансаром. Ему можно было доверять в плане добросовестного отношения к труду. Да и я сам рад был поучаствовать: погибнуть оттого, что двум рабам было лень хорошо проковать клинок, мне не хотелось.

Четвертый мастер, бывший златокузнец Эдгар, ковал рядом с нами бронзовые заготовки крестовины и набалдашника для цзяня по моему эскизу. Для чего пришлось пожертвовать покореженным бронзовым блюдом из запасов. Конечно, существовал риск остаться в будущем без пальцев или кисти. Однако на шашках, большинстве сабель и японских мечах гарда как таковая вообще отсутствовала. Я решил, что качественная шпажная чашка слишком сложна для текущего уровня развития, достаточно обойтись латной рукавицей. Да и колоть двумя руками что-то прочное удобнее.

Потом я загрузил Эдгара изготовлением чешуек для перчаток согласно эскизу. Когда Ингвар и Авен закончили с пластиной, Авен присоединился к Эдгару, а Ингвар начал на пару со мной работать молотобойцем.

Подмастерья молча качали меха, наблюдая за процессом.

Когда брусок превратился в полосу, соответствующую, по мнению Ансара, кондициям будущего клинка, мы расковали хвостовик и лезвия, грубо придав мечу форму. После чего положили его остывать для обдирки, занявшись после короткого обеда и отдыха малхусом-дао.

Гидравлических или пневмомолотов тут еще не придумали, обходились кувалдой и тонкими листами железа. Махать кувалдой было далеко не так просто, хотя по выносливости Ингвар от меня заметно отставал. Пока прогревали клинок, мы оба отдыхали.

Придав мечу нужную форму и сделав из наваренного металла рукоять, мы сочли, что на сегодня достаточно.

Следующие дни были наполнены обдиркой мечей, караулами, заигрыванием с Эрикой, закалкой мечей, для чего пришлось добывать кровь. После закалки – процесс отпуска и многодневная чистовая обработка. Не забывал я и помогать матери.

Посидеть в компании молодежи или послушать рассказы старших по вечерам удавалось не часто. Все-таки в борге осталось меньше половины мужчин и было очень много рабов, упускать контроля над коими никак нельзя. Хотя Эрикой я не пренебрегал. Мы с ней чаще всего ходили на верфь послушать старого Кнубу. Тот любил под вечер поговорить о жизни с молодежью, рассказывая о былом.

После закрытия ворот местами для встреч молодежи оставались только площадь возле колодца или стена, да и караульные мешали. В любом случае, общаться приходилось на виду у всего поселка.

Ансгар был в ударе. По-моему, он решил, будто именно сейчас готовит шедевры, лучшие изделия в своей жизни. И он увлекся, буквально заболел работой еще больше меня, как это ни удивительно, успевая еще гонять своих подчиненных, между делом изготовивших треугольный, обтянутый кожей и обитый по краям железом щит со стальным умбоном. А Эдгар доделал навершие и крестовину цзяня. Шлифовать и полировать цзянь Ансар мне не дал. Загадочно ухмыльнулся и заявил, что я потом пойму. Я не спорил: он не испортит клинок, а шлифовать самому или нет – это не принципиально. Зато Ансар поручил мне доводку малхуса, а когда я был занят, его шлифовал Эдгар.

Тот знаменательный день, в который мама поставила мне задачу смотаться следующим утром на нашем семейном корабле к угольщикам за древесным углем, оказался еще более значимым, поскольку я первый раз взял в руки свои мечи в готовом к применению виде. Точнее, Ангар вручил их мне под вечер с поклоном а-ля Япония и невероятным самодовольством, оправданным на все сто.

Комплект смотрелся красиво. Обоюдоострый клинок длиной за девяносто сантиметров и около четырех сантиметров шириной. Симпатичная бронзовая перекладина-гарда, не выбивающееся из стиля навершие без всякой резьбы и украшений. Рукоять длиной сантиметров восемнадцать, между перекладиной и навершием на хвостовик наклепаны деревянные щечки. Дерево обтянуто кожей. Удивление своим красноватым оттенком вызвала полированная сталь клинка.

Заметив мое удивление, Ангар хмыкнул:

– Я это еще когда ковать готовились, заметил. Еще когда шлифовал, был уверен. Настоящая «кровавая» сталь. Первый раз самому перековывать пришлось. У сэра Рональда был кинжал такой стали, довелось повидать и даже в руках подержать.

– А что за сталь? Я что-то слышал, но ничего конкретного.

– Очень дорогая штука. Секрет утерян, имперская работа. Ватаги, что по Оркланду доспехи и оружие из земли вырывают, за ней в первую очередь охотятся. Такой вот один меч окупит все затраты на рейд. Все, и на лодки, корабли, лошадей и жратву. Да и большинство доспехов и оружия ватажников тоже. Просто как металл дешевле, конечно, но пара таких, как мы перековали, обломков – вполне.

– Так хороша?

– Хороша. В меру гибкая, прочная, заточку держит исключительно. Почти не щербится. Чтобы сломать такой меч, очень много усилий приложить надо. Я о таком и не слышал. Ее еще королевской сталью именуют. Говорят, сталь тем хороша, что от нечисти и колдовства защищает. Сколько в этом правды, не знаю, во всяком случае, владельца не защитила. Редкая у вас ценность, молодой господин, этот меч. Не надо им светить часто. А второй, хоть и по виду меч-ублюдок, – он вручил мне малхус, – нисколько не хуже. Но вот выглядит не в пример проще.

Малхус представлял собой почти полную копию модели, с отличием в виде небольшой стальной гарды, имевшей форму выпуклого овала. Двуручная деревянная рукоять, слегка расширяющаяся к навершию, обтянута кожей, клинок с косым, слегка вогнутым, тоже заточенным срезом на конце, длиной сантиметров пятьдесят пять. С весом заметно за два килограмма.

– Страшная вещь в битве, если рубить. Краснота на лезвии не заметна почти. Издали не увидят, а потом поздно будет. Но как вот хорошие ножны сделать, я не знаю. На первого-то красавца лучше тоже самому показать, какие нужны.

Ножны я решил делать из кожи, на бронзовых заклепках по краям, а также с бронзовым устьем и наконечником. Я сразу озадачил Ангара требованием вшить шесть колец по два параллельно, четыре вверху и пару внизу ножен – для ремня.

– Зачем?

– Увидишь...

Глава IV

На следующий день я, как полноценный капитан, восседал у рулевого весла семейного кораблика, уменьшенной копии драккара. В боевом варианте называемого шнеккаром. У гражданских он именовался просто судно. Я даже приоделся в кольчугу с наручами, надевать шлем было лень, ограничился капюшоном. Рядом я пристроил недлинный, но тяжелый меч-малхус, на ремне висел кинжал. На руках новенькие боевые перчатки. Было бы опрометчиво отлучаться далеко от поселка без доспехов и оружия. Места не такие уж и безопасные.

Появление звериной головы на форштевне, вкупе с переводом судна в военные корабли и сменой названия, влекло за собой ряд юридических последствий.

Раб, усаженный на весла боевого корабля, автоматически получал свободу. А в довесок воров прав и обязанностей воина, а не лойсинга – освобожденного раба, – как в других случаях. Если он не оправдывал доверия, общество воинов выбраковывало его, как паршивую овцу.

Освобождение раба в Оркланде представляло собой довольно простую процедуру. Нужно было всего лишь официально вручить ему оружие. Или назначить оружием, например, обычный топор, вооружив им раба для отражения атаки на поселок. Топор становился одновременно его первым имуществом. И вот раб признается равным в правах со свободными. Относительно, конечно. Лойсинг свободен, но зависим. Должник тоже мог перебраться в эту категорию, пока не расплатится.

Раб не имел права прикасаться к оружию хозяина под страхом смерти. Смертью также каралась попытка сделать оружие самостоятельно. Даже в оружейных комнатах прибирались только дочери хозяина или сама хозяйка дома. Рабам на выселках, поодаль от поселка, разрешалось иметь небольшие ножи, топоры, дубины и колья с обожженными концами для обороны от зверья и нечисти. Убийство нападавшего на хозяев в целях защиты их жизни или имущества поощрялось либо свободой, либо смертью. Раб не мог безнаказанно убивать свободных. Свободного мог убить только равный или заслуживший равенство.

Ансгар и его кузнечная братия были на особом положении как оружейники. Если кто в поселке и имел серьезные шансы на освобождение, так это он, в меньшей степени – другие кузнецы. Впрочем, это касалось кузнецов-рабов повсеместно в Оркланде, и не только их, но и иных редких умельцев. Отдача от лойсингов была куда выше. Хотя рабам и разрешалось иметь деньги и небольшое имущество, особенно посаженным на землю в качестве крепостных крестьян, обрабатывающих наделы хозяев на хуторах неподалеку от борга.

Пока же рабы числом двенадцать человек вели на веслах вполне мирное судно. Они направлялись к нашим семейным углежогам, которые вшестером жили километрах в десяти вверх по течению Одры на другом берегу, и производили древесный уголь для семейного предприяття. Нужно было забрать очередную партию.

Для проживания рабов-углежогов был построен простой рубленый домишко. Для трелевки лесин держали лошадей, под них – конюшню и сарай. Полноценная заимка.

Поднявшись по склону, я был слегка озадачен полным отсутствием движения за забором, как на самой заимке, так и возле пожог-ям, что мне совсем не понравилось. Положив малхус обухом на сгиб правой руки (я левша), двинулся вперед, надо было осмотреться.

Я перескочил через жерди и подошел к дому, прислушался. В доме кто-то бормотал и бессвязно матерился. Я обрадовался отсутствию хруста и чавканья, обошел чурбак с торчащим топором, открыл дверь и вошел внутрь.

Чан ядреной, как можно было понять по запаху, браги объяснил причины затишья. Четверо трупами лежали на полатах. Один сидел на полу и, что-то бормоча, пытался налить в глиняную кружку бражки из бочонка.

Старший углежог, рыжий Эдгар, сидел за столом, заваленным объедками, и громко икал. Я начал орать и материться.

Эдгар подскочил вверх, приземлился и, согнувшись, приблизился ко мне.

– Простите, господин. Мы виноваты. Больше этого не будет. Все готово, мешки с углем в сарае. Выпили немножко. Больше не будем!

Трупы начали воскресать и подниматься. Я остановил поток речей:

– Бегом все из дома! Мешки схватили и вперед, таскать.

Эдгар согнулся еще больше:

– Да, господин, конечно! Сейчас ребята проснутся. Не хотите ли взвару? Или, может, брагу попробуете? Вы такую пили когда-нибудь? Крепко забирает! Обязательно перетаскаем. Пусть пока гребцы начинают, парни отойдут и присоединятся. А вы попробуйте! – после чего он нахально схватил меня за рукав и попытался подвести к столу, одновременно корча рожи кому-то за моей спиной.

Как миры похожи, резюмировал я, и здесь доброту не ценят. Край вот чересчур добр для этого мира, а ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Вот и пример. «Что-то не так», – подумал я и ударил Эдгара кулаком в чешуйчатой боевой перчатке по лицу. Он упал, кожа на скуле лопнула.

– Тебе кто разрешал меня хватать, скотина?

После чего развернулся, чтобы выяснить, кому и зачем Эдгар корчит рожи. Один из рабов лихорадочно запихивал что-то ногой под полати.

– Все вон! – рявкнул я.

– ...А тебя попрошу остаться!

Любитель секретов рванулся к выходу, надо было его остановить. Он переглянулся с двумя выходившими и остался стоять с побледневшей физиономией.

– Что прячем?

– Ничего.

– Да ну?

Тут я сделал серьезную ошибку. Не обращая внимания на начавшего вставать Эдгара, я присел и заглянул под полати, приподняв рукоятью малхуса, лежавшего на предплечье, свисавшую шкуру.

Мне повезло. Увидев перья спрятанных под полатями стрел и мгновенно осознав, что за моей спиной – стрелок, я начал вставать, разворачиваясь к рабам. Именно поэтому, когда уличенный в хранении оружия парень, крикнув Эдгару: «Нож!!!», бросился на меня, я не оказался сбитым с ног и схваченным за руки с перспективой получить ножом в глаз.

Понимая, что я не успеваю ударить клинком прыгнувшего раба, я ткнул ему наверхушкой рукояти прямо в лицо – с предплечья, перехватив рукоять левой рукой.

Под набалдашником хрустнуло. Тяжелый клинок мотнуло вперед. Одновременно я шагнул левой ногой назад, разворачивая корпус. Удар прошел свободно. Сложение инерции клинка и движения уходящей влево и назад рукояти почти самостоятельно развернули меч, нужно было только не мешать. Ну, и следовало слегка подправить удар.

Меч, хрупнув, чиркнул противника по шее, играючи разрезав ее более чем наполовину, и горячая кровь окатила меня фонтаном, хлеставшим из огромной раны. Раб завалился назад и открыл Эдгара с ножом в руке.

Мешкать не следовало. Два шага. Удар. Он увернулся, отпрыгнув назад. Мгновенно атаковал, целясь в лицо. Блок перчаткой. Вскрик. Удар мечом под ребра. Эдгар сложился пополам, падая на колени.

Я отпрыгнул к дверям – и вовремя. В дом вломился один из рабов, вооруженный топором, но ничего мне сделать не смог. Малхусом я отрубил ему руку. Второй, невооруженной рукой я ударил раба в лицо, он выронил топор. Шагнул назад, закрывшись его телом от потен-

циальной опасности из дверного проема, я на секунду задумался, затем, не добивая противника, схватил его за горло под бородой и выбросил из дверей направо – а вдруг там еще кто-то есть, и тоже с топором. Мои подозрения оправдались, хотя и не полностью.

Раб прятался за дверью с другой стороны, но это не сработало. Дверь помешала ему ударить меня, когда я выходил. Нападающему пришлось прыгать и догонять, держа дубину двумя руками. Неудачно. Я шагнул вперед и вбок, отклонился, пропустил дубину и, разворачиваясь, снизу ударил малхусом повыше локтя. Рука раба повисла, он попытался отскочить, но недостаточно быстро. Шаг вперед – и конец меча распорол ему грудь.

Я оглядел замерших, как изваяния, рабов, подошел к выброшенному из двери раненому – он полулежал на земле, опираясь на уцелевшую руку, и, подняв голову, смотрел на мой меч. Удар.

Эдгар, свернувшийся на куче вылезших кишок, был еще жив.

Присев на чурбак, откуда мой несостоявшийся убийца вытащил топор, я учинил допрос оставшимся двоим по очереди.

Дело было простым, как мычание. Отец совершил ошибку, долго не сменяя углежогов. Эдгар скорешился с тремя из них. Все четверо были пленными воинами. Что они там загадывали и планировали, неизвестно. Но они сделали лук, прятали его в дуплах, охотились с ним. Оставшиеся двое – бывшие крепостные крестьяне, их в тайны не посвящали. Якобы. Хотя, напившись, двое главных заговорщиков пытались им что-то внушать про свободу. Поставили брагу, все как следует к ней приложились. Забыли даже спрятать лук. Меня просто не ждали сегодня. Вот и все.

Я пуганул крестьян, что мне, перемазанному кровью, не составило большого труда. Выяснил примерное место тайника. После чего заставил поселковых рабов прибраться.

Сам, взяв местных, отправился искать тайник, предварительно обыскав залитый кровью дом. Легко обнаружились четыре копы с каменными наконечниками, стальной кинжал, зубило, три лука и несколько десятков стрел. Четвертый лук нашелся в овраге.

Я отнес трофеи на корабль, рабов озадачил погрузкой. Выживших углежогов оставил под присмотром на корабле. Пока они грузили уголь в мешках, я мысленно оценил свои действия. Сюжет как раз для Голливуда.

Кто я? Зеленомордый клыкастый рабовладелец, зарубивший четырех человек, желавших вырваться на свободу. Перед этим бивший им морды. Осталось только подождать, когда из кустов вылезет полуголый мускулистый красавчик с огромным мечом, килограммов так на шестнадцать. После чего, толкнув зажигательную речь, отомстит мне, мерзкому рабовладельцу, за всех угнетенных сразу – и под музыку, понятное дело.

Жизнь-то, она сложнее. Феодальный строй с элементами рабовладельческого общества. Есть род, клан и племя. Есть родственные племена. Для всех остальных мы враги. Как и они для нас. Они не жалеют нас, мы их. Стать толстовцем в этом мире? Ненадолго, пока не зарежут свои же. Или чужие. Просто за то, что я чужой. Диалог ведут с сильными, мнение слабых никого не интересует. Их грабят. Всегда и везде, грабили и будут грабить. Как делают те же Штаты под песни о свободе и демократии, которые у них есть, но для своих. Все остальные – обслуживающий персонал. А тут с этим честнее, все ясно. Кто достаточно силен – грабит и убивает. Сегодня ты – завтра он.

Парни собрались в бега. Либо на лошадях, либо по воде. И ради своей цели они бы не пощадили никого, вполне вероятно, даже своих коллег, не участвовавших в подготовке, дабы те не предупредили поселок, опасаясь за свою шкуру. Это похоже на правду, лишних копий в тайнике не было. Но я не исключал наличия еще одного. Жалко их? Да. Это были храбрые, решительные люди. Но они собирались меня убить. Вместо этого умерли сами. Достойно. Как воины, не как рабы, обретая свободу. Окажись я в теле беглого раба, для меня это был бы не худший вариант.

Я бросил закончившим погрузку рабам:

– Трупы – сюда. На берег. Лопаты и заступы тоже.

Подойдя к телам, велел оттащить их ближе к лесу, выбрал место. Двум рабам вручили заступы и еще двоим – лопаты. Через полтора часа могила была готова.

Тяжесть на сердце немного рассеялась.

Перед отплытием оставил двоих самых невезучих на заимке.

Глава V

Первые вести о наших викингах привез купец Снорри А'Кайл, прибыв с ладьей, полной разнообразных товаров.

У нас он покупал оружие и доспехи, имел какие-то дела и с другими представителями деловых кругов поселка. Как дальний, но все же родственник матери он у нас иногда ночевал.

Своей кряжистой, немного оплывшей фигурой Снорри напоминал ушедшего на покой профессионального боксера-тяжеловеса: с возрастом слегка обрюзг, но сохранил мощь и силу, широченная морда, огромный шрам во всю щеку. На правой руке только два пальца, большой и указательный. Собственно, сложности, возникшие при захвате меча, и сподвигли его оставить карьеру дружинника у ярла и пойти в купцы. Раньше он служил десятником в одной сотне с отцом.

Расцеловавшись с матерью по прибытии и решив большинство наиболее горячих деловых вопросов, Снорри прибыл к нам на обед и для серьезного ознакомления с новостями. Об этом меня известила вездесущая Хильда, прибежавшая с пристани.

Я не пошел его встречать, решил не прерывать плановую тренировку. Малхус, нареченный мной после мясорубки на заимке Мёркмордером, требовал серьезных упражнений, хотя бы потому, что я был пусть и переученным, но левшой. Имя мечу посоветовал дать боргман, когда разбирался с происшествием. Я так и сделал, в соответствии с возникшими ассоциациями.

Хотя рабы и были имуществом, их беспричинные убийства или пытки общиной не одобрялись, за чем следили боргман и хевдинг. Как я понимаю, таким манером общество, состоящее из профессиональных убийц, отсекало всяческих психопатов. Пока они с рабов не перешли на свободных, в том числе и соседей.

Смещенный вперед центр тяжести и, соответственно, приличная инерция малхуса заметно осложняли работу с ним, не говоря уже о серьезном весе – больше двух кило. Отличия от рубки с элементами фехтования, что преподавал Краю отец, были заметны. На кисти рук ложилась повышенная нагрузка в сравнении с обычным одноручным мечом. Управление малхусом также требовало точно согласованной работы ног и корпуса, чтобы при погашении инерции и смене направления удара затраченные усилия были минимальными. На упражнения с мечом я автоматически перевел рисунок движений из карате. Переосмысление опыта обеих половин моего «я» принесло определенные результаты. Насколько они будут хороши, покажет жизнь.

Любопытствующий народ пока не смеялся. Наоборот, девушки подглядывали за тренировками, хотя Эрика прочно наложила на меня свою тяжелую, как оказалось, длань. Однако того, чего хочется всем мужчинам вообще, а юношам в особенности, не позволяла, стерва. В принципе, я сильно и не настаивал. На случай заготовки: «Тронул – женись». Тут нарушитель рисковал в буквальном смысле головой. И далеко не убежишь. Родня не поймет. Помогут если не убить ради замирения, то поймать ради свадьбы. А коли поймают, так лучше и не бегать.

Так что прогуляться по берегу, посидеть вечером в башне или возле колодца, послушать рассказы старого Кнубы, тайком потрогать некие видные части организма да поцеловаться – вот из чего состояло наше времяпровождение. Приходилось терпеть.

Такой выход, как услуги рабынь, был неприемлем. Во-первых, не так воспитали, по крайней мере Даниила. Во-вторых, нормальный уверенный в себе мужик вполне способен уложить в постель женщину без насилия и получить потом куда больше удовольствия, хотя люди бывают разные, и некоторые рабыни почитают за счастье угодить хозяину. В-третьих (самое существенное), собственных привлекательных рабынь просто не было. По крайней мере, в городке. Ханна была женой Ансгара, тут даже мысли не возникло. В-четвертых, ребенок от рабыни или

пленницы-человека обычно не одобрялся общественностью. Отчего у дитяти в жизни неминуемо возникали все проблемы полукровки. Естественно, авторитетные личности могли творить почти все, что им хотелось, но мне до них еще расти и расти.

Продолжалось и освоение цзяня, оставшегося до первой крови безымянным. Его я носил в кожаных ножнах за спиной, а так как длинноват он получился для вынимания из ножен одной рукой, второй приходилось сдвигать ножны вниз. Малхус крепился в П-образной скобе, обшитой кожей, на ремне за другим плечом. Скоба закрывалась застежкой,двигающейся вверх-вниз по торчащему с другой стороны штырю, а сверху крепилась еще ремешком. Под левой рукой на пояском ремне висел самостоятельно изготовленный трехгранный мизеркорд – стилет с клинком чуть меньше двадцати сантиметров длиной. Как раз годится, чтобы при необходимости пробить кольчугу. Да и со щитом надо было уметь обращаться, – соваться в сечу без него глупо, во всяком случае, если по тебе работает метательное оружие. Я не претендовал на лавры Геральта Белого Волка, так что тренировался с мечами поочередно.

Попробовал это делать одновременно с обоими. Не сказать, что получилось неуклюже или совсем плохо. Но я пришел к мнению, что два меча – либо для сильного профи, либо для самоубийцы, то есть пока не для меня. Вообще все известные мне обоерукие бойцы не брезговали щитами. В ряде случаев щит заметно полезнее.

В разгар тренировки со щитом и Мёрком, в полном доспехе, меня и застал Снорри.

Солидно кашлянув, он с удивлением осмотрел меня, уделив особое внимание мечу. На щит он тоже кинул цепкий взгляд.

– Где нашли такой? А парень-то подрос, вон как с мечом работает! – Это матери.

– Край сам придумал, – похвасталась та. – И ковал сам.

– Да ну? Сам? Дай-ка посмотреть, парень, – Снорри протянул руку.

Он крутил меч в руках, попробовал лезвие на остроту. Солидно прокашлялся:

– Что, не мог центр тяжести ближе к рукоятке сдвинуть? Как им биться? Неудобно. Убьют.

– Убьют, так убьют, – я закруглил беседу. Снорри снисходительно ухмыльнулся.

За столом наш гость поделился новостями.

– Вернутся скоро ваши мужчины. Во Фриланд ходили. Мой сын с кнорром вернулся, добычу привез. Хороший поход. Замок и два города взяли. Три откупились.

– Сражения были? Потери? – спросил я о том, что меня интересовало.

– Особого ничего. Так, при штурмах чуть-чуть. Немного, когда деревни грабили. Да в стычках с теми рыцарями, что в замках успели затвориться.

– Когда возвращаются? – мать.

– Да скоро, сын как трюм рабами и прочим набил, сразу домой двинулся. Остатки войска еще были в сборах. Думаю, дня четыре еще подождите.

Обсудив с матерью политические новости и сплетни, а также поговорив о знакомых и родственниках, плотно пообедав, Снорри занялся бизнесом. Мать отдала ему большую часть готового вооружения.

Вечером Эрика утащила меня на посиделки к стоянке прибывшей ладьи – может, все-таки гости, может, расскажут что-нибудь интересное. Такая идея пришла в голову сначала немногим из девушек, а затем, словно подчиняясь закону стаи, к расположению охраны Снорри сбежалась вся молодежь женского пола. Некоторые притащили и своих парней. За некоторыми парни увязались сами.

Перед толпой девиц и небольшой кучкой парней семеро молодых людей из охраны приняли весьма важный вид и наперебой принялись хорохориться. Этакое мачо в походе. Кроме, естественно, ухмылявшихся кормчего и начальника охраны. Понятно, в возрасте мужики. Распускать хвост перед малолетками положение не позволяет, а с вдовами у нас напряженно. Даже соломенные вдовы – и те под присмотром.

Когда мы подошли, вернуть слово в разговор уже было сложно. Судя по рассказам охраны, воины там подобрались просто фантастические. Они и обе ноги противникам разом отсекали, и эльфы от них, как тараканы, разбегались. По двенадцать эльфов на одну пику, подобно Козьме Крючкову, вроде не нанизывали, но по паре рыцарей на рогатину – наверняка.

Появление нашего колдуна с копьём в руке, спокойно поздоровавшегося со старшими на ладье и вступившего с ними в спокойную беседу, нисколько не помешало литься потокам героических рассказов. А вот кормчий с начальником службы безопасности перестали ухмыляться. Что не мудрено, когда общаешься с личностью, способной одним взглядом вызвать эпилептический припадок с остановкой сердца у прежде абсолютно здорового воина. Оба это видели.

Правда, содержание рассказов изменилось. Из-за колдуна или нет, но темы героизма и мастерства боя временно истощились. Перешли на тактику и стратегию, снисходительно обучая окружающих парней правильным приемам борьбы с вероятными противниками. Как поодиночке, так и группами, проверяя реакцию понравившихся дам. При этом пытались между делом с ними знакомиться.

Их потуги были понятны, естественны, можно сказать. Я лично не имел ничего против таких рассказов. Меньше всех о своем героизме вещал старший – Рольф. На вид ему было лет двадцать пять. Он иногда поправлял разошедшихся товарищей, чтобы те не заврались, а собеседники, включая девушек, их на этом не поймали.

Он мне показался единственным, кто действительно что-то видел и что-то реально понимал в предмете разговора. Остальные, явно недавние новики, скорее всего не имели серьезного опыта, даже если участвовали более чем в одном походе.

Разговор перешел на эльфов. Я поневоле заинтересовался.

– С ними надо меч в меч сходить. Они боятся нашего прямого удара. Вот мы в прошлом году сошлись с ними и порубили знатно. Ничего эти эльфы не смогли сделать, – вещал смазливый светловолосый красавчик Эрик, выставив напоказ сверкающую золотом рукоять меча и улыбаясь развесившей уши Эрике. После чего, переведя взгляд на меня, презрительно ухмыльнулся. У меня зачесались руки.

Эрика, польщенная вниманием, спросила:

– Они не устояли?

– Сразу строй развалили, – разошелся Эрик. – Гнали их, пока в лесу не скрылись. Но скрылись, я тебе скажу, немногие. – Он снова слащаво улыбнулся Эрике, мазнув по мне полным превосходства взглядом.

Пока меня персонально никто не задевал, эти охотничьи рассказы казались даже забавными, особенно комические эпизоды походов, которыми Рольф начал смешить окруживших его девушек, искусно переводя интерес с рассказов на себя лично. Одну даже пытался взять за ручку. Но все же Эрик, этот спесивый скот, начал действовать мне на нервы. Я деликатно кашлянул:

– А где произошло это знаменательное событие, можно сказать, подвиг?

Эрик удивленно повернул голову. Рольф сбился с темпа и стал весьма серьезен.

– В Леттланде, с дружиной конунга ходили в прошлом году.

– Мы разве ходили с конунгом?

– Я не вашего клана, если ты не знал. Меня Эрик А'Кальт зовут. Ходила дружина и ополчение клана Ас'Кальт. – Он взглянул на Эрику и всем своим видом попытался изобразить значительность.

– Родич конунга, солидно, – хмыкнул я. У Эрика дернулся уголок рта, поза и выражение лица изменились, вид у парня стал не столько надутый, сколько рассерженный. Рольф стал просто убийственно серьезен. Как и все гости.

Спрашивать, что может родич конунга делать в купеческой охране, а не в дружине, было не обязательно. Чего там гадать? Незаконнорожденный, от рабыни или пленницы, пока ждала выкупа. В лучшем случае, от соседки. Или родство очень дальнее. При высоких воинских талантах это не препятствие, а вот при обычных – увы! Меч с окованной золотом рукояткой вполне вписывался в образ признанного отцом незаконнорожденного, чья кандидатура по каким-то причинам отклонена форингом дружины или ее воинами, даже на меч не обратили внимания. Маловероятно, что оружие трофейное или получено как доля добычи.

А Эрик этого вопроса ждал, как и все гости. Рольф еще более возвысился в моих глазах, передвинувшись поближе к Эрику, что говорило о его возможной реакции на такой вопрос. Тем более что у него был меч.

– Так как дело было, поясни? – я несколько разрядил обстановку, повременив с выводами на случай, если этот хвостун первым перейдет на личности. Не следовало выступать без нужды явным зачинщиком ссоры с тупорылым сыном неизвестного по рангу отца. Особенно, если ссора не ограничится мордобоем.

Тот расслабился. И зря.

– Битва при Кейле, может, слыхал? Замок там был такой, обороняли его эльфы и войско графа Бреммерского. Мы вырезали, считай, все войско, в замке вообще не успел никто укрыться. Граф ушел с частью конников. Замок сдался на следующий день.

К сожалению для оппонента, я был не так прост. А об этой битве Край кое-что слышал:

– Мы, кажется, говорили об эльфах. Из них тоже никто не ушел?

– Я же сказал, немногие, – поскущел Эрик. Я понял, что на верном пути.

Глянув в сторону ладьи, обнаружил колдуна, стоявшего вместе с непонятно откуда взявшимся Снорри неподалеку, оба одинаково напряженно вслушивались в наш разговор. Меня понесло, действительно захотелось произвести впечатление. Только не на Эрику, а на колдуна перед нашим с ним разговором. Мелькнула в сознании и тут же пропала жалость к сопернику.

– А как располагались враги, как мы, и как такая победа стала возможной? Редко, насколько мне известно, войско, превосходящее числом, удается истребить или взять в плен.

Молодежь перестала шептаться, все заинтересовались разговором. Эрика незаметно сунула локотком под ребра, но я предпочел не понять.

– Отряд эльфов, что пешие были, слева стоял, на склоне. Трусы, колья перед собой понатыкали. Пешие люди в центре и справа. Конники, что люди, что эльфы, позади строя. Меж отрядами промежутки.

– А наши как? И замок где был?

Эрик чуть улыбнулся. Колдун вперил в меня внимательный взгляд.

– Замок за правым крылом людей. А у нас, с краю, против людей дружина встала. Центр и правое крыло – мы. Отряд с конунгом – позади.

– Так? – накидал я на песке схему кончиком мизеркорда.

– Так. – К колдуну присоединился Снорри. Тоже начал что-то во мне высматривать.

– И как дело пошло?

– По началу ждали атаки. Стояли, потом пару раз сдвигались вперед. Конунг хотел вызвать их атаку.

– Замечательно. А сошлись как?

– В конце концов, мы их атаковали. Эльфы стрелами начали сыпать. Наши стрелки ответили, а у кого луков не было, щиты подняли и первыми пошли на них. – Похвастался: – меня одна в ногу слегка ранила. Но добежали и начали рубить.

Рольф поморщился.

Меня и без этого терзали смутные сомнения в том, что они добежали с первой попытки, если добежали вообще. В битве при Кресси даже кавалеристы до английских лучников не добрались, никто, кроме небольшого отряда. Который полностью изрубило пехотное прикрытие.

тие. А тут на своих двоих и в доспехах. Сомнительно, даже если не учитывать отрывочных слухов об этой битве, известных моему второму «я», а также рассказа Снорри отцу Края в прошлом году. Речь тогда шла о больших потерях ополчения клана Ас'Кайл от удара эльфийских конников и лучников. Хотя наши и победили, но о полностью перебитых эльфах разговора не было.

– Так линию опрокинули, а они бежать?

– Да, даже когда их конница ударила. Не помогло, все равно побежали.

– Интересно, а как тогда всю пехоту перебили? И почему, коли бежать кинулись, до замка никто не успел? – надавил я, выпячивая сомнительный момент.

– Так их к тому времени дружинники обошли, – победно ухмыльнулся Эрик.

– Так быстро противостоящее крыло перебили, что и из него к замку никто не убежал? И окружить остальных успели, пока вы еще со своими рубились? Хотя ты говоришь, сразу опрокинули?

Эрик подавился ухмылкой.

– Ты что, вруном меня хочешь выставить? В походе побываешь, получишь право слова воина сомнению подвергать!!! – закипятился оппонент. – Конунг часть дружины по лесу в обход послал. Они войско вражье и обошли. Заодно путь к замку перекрыли.

Я был явно на верном пути.

– А эльфы что?

– А эльфы первыми побежали, как только мы с ними меч в меч сошлись.

Что произошло, я приблизительно сообразил. Осталось только расставить все по местам:

– Попробую рассказать, как было, без побасенок.

Эрик взвился. Рольф положил ему руку на плечо и усадил на бревно:

– Сядь пока. Что ты хочешь сказать? – это уже мне.

– Как было дело, хочу выяснить. Всего лишь. Ты же тоже участвовал? Скажи, когда будет неверно.

К колдуну и купцу присоединились кормчий с начальником охраны.

– Часть дружины конунг отправил в обход, а потом тянул время, пока вы пытались вызвать атаку. Не захотел тупо совать войско под эльфийские стрелы, чтобы потом конники разогнали, а пехота добила уцелевших.

Снорри охнул, колдун наклонился вперед.

– Когда конунг решил, что время пришло или знак какой подали, вы атаковали. С людьми сошлись. А эльфы стрелами отбились. Завязли вы в кольях.

Эрик и Рольф шевельнулись.

– Тем временем ваши обходники через лес зашли для удара в спину. Конные отряды людей и эльфов вступили в бой, и рыцари в дружине завязли. А эльфы вас опрокинули, уж больно легкая цель – прореженный стрелами пеший строй.

Тут колдун вздрогнул. От этого обалдел и я сам, даже сбился с темпа.

– Дальше понятно. Обходники ударили в тыл. Эльфы решили не трепыхаться и ушли. А вот люди не успели. Так что, если кого вы догнали и порубили из эльфийских лучников, так это неудачников, тех, кто отходил последними. Ну и конников сколько-то за себя взяли.

– В чем я не прав? – это был вопрос к Рольфу.

Он промолчал. Потом сказал резко, как плюнул:

– Конунг нам на помощь пришел...

Эрик ударил меня в лицо. Убрать голову я не успел. Поделом, нечего зевать. Был бы умнее, ожидал бы. Завалившись назад с бревна, я схватился за мизеркорд, чтобы соперник в запале не добил чем-нибудь острым.

Того уже крутили товарищи, отбирая меч, к нему приближался Снорри. Эрик поливал меня матом. Помимо прочего, перешел на личности конкретно:

– Ты, ублюдок короткорукий. Меня в лжи посмел заподозрить? В хлеву зачала мамаша от неизвестно кого! В бой не ходил, а что-то пытаешься сказать... – Оказывается, не только я внимателен к личности оппонента...

Поток словесных помоев прекратил Снорри – элементарно перекрыл парню кислород, взяв за горло. Мать была родственницей Снорри, а отец если не другом, то деловым партнером.

Тут включилась моя вторая половина личности: Край был оскорблен упоминанием матери до глубины души – или обеих душ, сразу не понять.

– Тебе ли об ублюдках говорить, пес помойный, о своем хлеве вспоминая! Что же ты тогда про свою мать помалкиваешь!

После чего крутить руки и отбирать оружие начали у меня...

Короче, представление удалось. На все триста процентов.

Главарь поселкового парламента, по совместительству судья, его честь Кнуба А'Корт на глазах наливался желчью. Рядом с ним пристроились колдун и бургомистр. Обошлись без присяжных. Все сверлили глазами нас с Эриком, а мы резали друг друга ненавидящими взглядами.

Ситуация была непростой. Будь я полноправным воином, ситуация разрешилась бы сама собой в поединке. Но я только новик, так что громкие вопли Эрика о том, что он меня вызывает и убьет, ни к чему не приведут, пока я добровольно не соглашусь. И заставить меня невозможно, и в трусости никто не обвинит. Примирить тоже непросто: он ударил первым, но я-то провоцировал Эрика, публично усомнившись в его правдивости. И за меньшее убивали.

Не дожидаясь решения судьи, я заявил:

– Круг. Будем биться. Он мою мать оскорблял. Хотя кому-кому, но не ему матерью гордиться.

Эрик, все еще зажатый охранниками, в ответ снова разразился матом.

Кнуба прокашлялся:

– Ты – новик, не воин пока. Он не может тебя вызвать. А язык, однако, прикуси.

– Нет, он может меня вызвать, потому что я согласен. Такие слова кровью смывают. Если думаете, что трусом прослыть боюсь, то ошибаетесь.

Колдун усмехнулся, глядя мне в глаза, и кивнул, будто соглашаясь...

Поединку быть, неохотно решила судебная тройка. Мать, сестры и примкнувшая к ним Эрика сильно ругались, причем как-то подозрительно дружно, по-семейному.

Биться решили на берегу перед пристанью. Для безопасности зрителей огородили ринг – положили жерди на козлы, наподобие противотанковых ежей. Козлы сколотили и связали рабы за полчаса, необходимые для подготовки к схватке.

Пока я обряжался для боя, выслушал немало нового о себе от матери. Эрика с подругами была недалеко, торчала за забором и явно нервничала, зараза лопухая. Договорились о вооружении: меч и щит плюс доспех, какой есть, все это победитель забирает как виру за оскорбление.

Кольчуга поверх бригантины показалась лишней, зато пригодились наконец обшитые пластинками металла сапоги. Для поединка показался удобным цзянь. Если не убьют, омою клинок в крови личности, куда более неприятной, чем четверо убитых рабов. Во всяком случае, о них моя совесть хоть немного, но болела.

Одновременно я поймал себя на мысли, что вжился в чужой мир, приняв его таким, какой он есть. Или опять живу по морали войны. Не суть важно. Расплатой за мой длинный язык и желание произвести впечатление на колдуна и девушку будет смерть. Или моя, или чужая. Надеюсь, чужая.

Если мой оппонент ожидал от безусого новика кожаной рубахи с костяными нашлепками, то сильно ошибся.

Во всяком случае, самодовольства у него поубавилось. Снорри заинтересовался, о чем-то заговорил с боргманом. Бригантина-то была под кольчугой, когда родич моей матери видел меня в доспехе. Колдун, глянув мельком, покачал головой.

Соперник принарядился в длинную кольчугу с наборным ламеллярным панцирем поверх, на голове простой шлем с бармицей и железной стрелкой, в качестве наручей служили длинные рукава кольчуги. Поножей у него не было, только обычные сапоги. Щит обычный, круглый, с оковкой и умбоном. На руках – кожаные перчатки.

Однозначно, этот задира – признанный отцом бастард. Для обычного искателя приключений, ушедшего из рода, дополняющий кольчугу панцирь не характерен.

Уязвимые места противника – кисти, запястья, голени, лицо, горло. Они не защищены от укола, очень слабо – от удара. Все остальное, за исключением корпуса, прикрытого ламеллярном, вполне пробиваемо сильным рубящим ударом или, с большей легкостью, уколом.

У меня же, кроме лица, прикрыто все. Пластинчатую защиту пробить далеко не просто. Осталось только выяснить, достаточно ли я хорош, чтобы суметь воспользоваться таким преимуществом.

Предварительный план дуэли – удары, в том числе на контратаках, по слабо защищенным частям тела, потом добивание раненого. Умничать не стоило. Предварительная оценка действий противника – будет делать примерно то же, придерживаясь оптимальной тактики против доспешных со щитом.

У меня слабыми выглядели сочленения и открыто лицо. Может проверить на прочность сапоги, поножи, наручи и чешую перчаток.

Рефери ушел за жерди ограждения. Мы встали по углам ринга, вытащили мечи, взяли щиты, начали сходитьсь, выставив щиты вперед.

Меч противника был, по всей видимости, хорош – на это намекали руны, покрывавшие грани клинка. Я увел руку с мечом назад-вниз. Оба выжидали. Он пару раз дернулся, изображая атаку. Я синхронно подергал щитом, второй раз оставив его приподнятым выше, чем надо.

Фигура противника резко метнулась вперед, сверкнув мечом в направлении моей головы. Я закрылся щитом, убирая переднюю ногу назад и разворачивая корпус на второй ноге с одновременным вертикальным рубящим ударом перед собой, намереваясь поразить вооруженную руку противника.

Отдача в кисть от удара, противник вскрикнул, резко качнулся назад, отдергивая руку. Автоматически и я также убрал руку к груди, затем одновременно сделал шаг левой ногой вперед и обозначил рубящий удар в колено, после чего последовал еще один шаг правой ногой. Далее последовал финт и укол над щитом в лицо противнику. Укол пришелся в скулу, задев глазницу. У Эрика подогнулись ноги, его тело начало валиться на спину. Я шагнул вперед, выдергивая меч, после чего вытер острие о голенище тупа...

Особо громких оваций и воплей не последовало, но довольные восклицания тех, кто за меня болел, были явственно слышны на фоне гомона одобрения – все было сделано правильно и красиво. Кнуба расцвел. Круг – это суд богов. Мой папаша теперь не затаит зла: ведь если бы его сына-новика в судном поединке уколол полноценный воин, как отцу объяснить, что парень сам настоял на дуэли? А тут все сложилось как нельзя удачнее, боги виновника ссоры, можно сказать, сами указали. И у судьи нет никаких проблем.

– Так. Вы воина храброго для погребения приготовьте. – Это он коллегам убитого, что подошли к телу. – А доспех и оружие его – победителя добыча. Снимите и отдайте. Не стоит ему самому снимать, храброго противника унижая. Не на поле брани сошлись. То, что на ладье осталось, родственникам вернете.

В поле зрения появилась плачущая мать, начавшая душить в меня в объятиях. Рядом переминалась с ноги на ногу Эрика.

Хлопок по спине от Снорри.

– Молодец, парень. Как ты его! А не самый плохой воин был. Доспех у тебя интересный. Не видел такого еще. Под кожей сталь? Хитро... Что у тебя за меч, покажи?

Я дал посмотреть. Снорри охнул:

– Ты где умудрился такой меч выкопать?

– Нигде. Обломок меча перековал. Про сталь пояснять не надо. Уже знаю.

– Сам?

– Нет, конечно. С Ансаром на пару ковали.

– Какой тебе надо, тоже ты решал? И доспех?

– Да.

Знакомый смешок:

– Говорил я тебе про твой источник бед. Так он, оказывается, может быть источником и чужих бед.

Рядом, опираясь на копье, доброжелательно ухмылялся колдун.

– Не надумал?

– Надумал. Вернутся походники, поговорим.

Снорри продолжал рассматривать меч. Колдун вежливо, но требовательно протянул руку, взял оружие, внимательно осмотрел. Со свистом крутанул. Покачал головой:

– Хорош. Ишь, змей какой. Давно я этой стали не видел, очень давно, а мечей, похожих на этот, еще дольше. – Склонив голову, отдал мне. – Меч первый раз после перековки кровь попробовал?

– Да.

– Нареки его. Не медли.

Цзянь я так и назвал: Блодорм, Кровавый змей.

Доспехи, щит и меч убитого мне отдал Рольф.

* * *

Шесть суток спустя я стоял в карауле. Походников пока не было.

На фамильную башню я поставил одного из бывших углежогов, которые после учиненной мной расправы над их мятежными коллегами стали идеалом рабов, особенно когда я отдавал распоряжения. До этого у Края были проблемы с безукоризненным, точным и в срок исполнением его распоряжений. Ничего удивительного: на фоне страшноватых братьев его доброта не смотрелась, хотя избить мог и он. А как писал еще Макиавелли, страх в деле управления гораздо надежнее любви. Если не переборщить.

Когда юноша, еще недавно слышавший не в меру добрым, прибывает из короткой инспекционной поездки залитый кровью по самые уши, это производит неизгладимое впечатление. После моего визита на заимку углежогов саботаж рабов как бабка отшептала. Поединок с не в меру наглым бастардом резко повысил мой рейтинг среди жителей поселка. Мать Эрики даже в дом как-то пригласила, компотиком угостить. Мне от ее улыбки стало немного не по себе, эскадрон мурашек промаршировал вниз по спине вдоль позвоночника. Так ведь и оженят. А вдруг мы с Эрикой в браке психологически не совместимы? Например, не гармонизируем в постели? Да и вообще, ну почему из таких прекрасных подружек получаются такие стервозные жены?

Незаметно прошла полночь. Ночным светилом здесь служила Сегула, спутник заметно меньших размеров, который и в ясные ночи давал не так много света, как и местные звезды. Но и я, и все мои соплеменники обладали весьма развитым ночным зрением, хотя его нельзя было сравнить с инфракрасным прибором ночного видения. С уменьшением освещенности мир просто становился серым и снижалась дальность наблюдения.

В очередной раз пройдя по периметру, я трепался ни о чем с остальными часовыми.

Единственным взрослым из нас был только Седрик А'Тулл, двоюродный брат хевдинга. Остальные – как и я, малолетки, Хрольв и Хаген. Да и Седрик недалеко от нас ушел: на один поход, три года назад.

Возвращаясь в башню после поочередных обходов стены, мы обсудили местных девушек, кортборгских вдов, к которым, по слухам, ныряла местная молодежь, сравнили физиологию дам различных рас и видов, обсудили достоинства и недостатки вооружения. Меня пропесочили за надетую в караул под кольчугу бригантину. Доказывали, что это изрядно снизит мою маневренность. Не впечатлил их и малхус, казался слишком уродлив и неудобен.

Достоинства моего Кровавого змея, таскаемого за спиной, признали, но решили, что все равно лучше более широкий и длинный рубящий клинок, как, например, тот, что мне достался после судного поединка.

Под утро Седрик отослал парней пройтись, была их очередь. Надо было проверить наших часовых на башнях, чтоб не спали, а глядели да слушали по сторонам. Мы с ним говорили об Эрике, поглядывая в бойницы.

Хрольв и Хаген долго не возвращались. Начинало светать, поднимался туман. В поселке периодически гавкали и выли псы. Некоторые разбrehались как раз неподалеку.

– Что-то собаки полночи лают. У суки какой течка, что ли. Где парни?

Седрик выглянул в левый дверной проем. Глухой удар. Его тело с торчащей из глазницы рукоятью кинжала плашмя рухнуло на пол. Вытащить малхус я не успел, помешал застегнутый ремень – скоба была в походном положении. Появившаяся на месте Седрика фигура в черном молча нажала на спуск арбалета. Удар в грудь отбросил меня на стену. Я закричал что есть силы, расстегивая пряжку ремня, не дававшую вытащить меч, и одновременно попытался встать. Вторая фигура, появившаяся из другой двери, выстрелила мне в лицо. Удар болта ниже правого глаза развернул голову, рванув ее назад. Я опять завалился, на этот раз на бок. В память врезались затоптанные плахи пола, падение на них лицом с высоты собственного роста вышибло из меня дух...

Глава VI

Я пришел в себя от удара брошенного на меня тяжелого предмета, лежа головой в луже крови, раной вниз. К счастью, не застонал, несмотря на тупую боль под глазом, уже заплывшим опухолью, до правого уха включительно. Открыв глаза, я сразу снова их прикрыл, как только вспомнил, по какому поводу улегся мордой в пол. К счастью, ничего никто не заметил. Кроме лица, болело в середине груди.

Я лежал ничком под бойницей, головой к углу башни. Объемный и тяжелый груз на мне оказался телом Седрика, оттащенным от двери и сваленным поверх.

В башне было полно народу. Человек или эльфов, по крайней мере, восемь, их становилось все больше. Судя по шорохам, сопению и разговорам позади, количество наращивали, забираясь по веревкам через бойницы, кого-то, возможно, и затаскивали для ускорения процесса. На улице стало светлее.

Шума в поселке пока не было, и я понял, что мой тревожный вопль не привлек ничего внимания.

Приоткрыв левый глаз и оценив обстановку, я рассмотрел врагов. К ним присоединились лазутчики из бойниц и те, кто их затаскивал. Кажется, около двенадцати человек, точнее, все-таки эльфов. Залезшие через бойницы личности переодевались в доспехи, демонстрируя такие же уши, как и у меня, суетливо разбирали поднятые отдельно узлы с оружием и доспехами.

Хорошего в этом было мало. Эльфийские походники ходили в Оркланд не за добычей, а за кровью. Непонятно, по каким причинам, нелогична такая кровожадность, мы не самый безопасный противник. Но это можно обдумать позднее.

Бойницы со стороны поселения были закрыты деревянными щитами изнутри, как и двери башни. Сквозь щели эльфы следили за боргом. Легкий свет шел из внешних бойниц. Эльфы шепотом переговаривались между собой.

Две из находившихся в башне фигур были смутно знакомы. Те самые эльфы в черном. Их униформы оказались некими панцирями, явно из жесткой кожи, с нашитыми черными поблескивающими пластинами. На головах этих двоих красовались глубокие черные шлемы, по форме похожие на всем известный немецкий «фриц», только с круглым куполом.

Остальные были облачены преимущественно в кольчуги разных оттенков, часть – в бахтерцах и колонтарях. Трое были в поблескивавших серебряной гравировкой чешуйчатых панцирях. На большинстве налетчиков открытые шлемы разных размеров и видов. У части присутствующих были луки, кроме тех, кто в черном, трех типов в панцирях и двух эльфов в колонтаре и бахтерце. Последний носил закрытый шлем. Лазутчики в черном поглаживали знакомые арбалеты. Чешуйчатые джентльмены не имели метательного оружия вовсе, равно как и оставшаяся парочка. Длинные мечи, пара-тройка топоров, разнообразные кинжалы и щиты у панцирников.

С «черными» совещался некий весьма внушительный по габаритам мужчина в чешуе и таком же, как у них, шлеме, только посветлее.

О чем говорили, я не понял. Довольно красивый мелодичный язык. Но чего-то ждали.

Я благоразумно не стал сразу же вскакивать и показывать всем присутствующим кузькину мать. А то быстро восполнят недостаток железа в организме, даже «мама» сказать не успею, не то что встать и порубить их всех в капусту. Кричать тоже бесполезно, если при открытых проемах никто не услышал. Да и порубить их, судя по всему, не так просто. Особенно упомянутого мужика. С его-то ростом и габаритами.

Я занялся прогнозированием действий. Как своих, так и противника. Больше пока ничего сделать было нельзя.

С дюжиной боевиков поселок им не захватить. Можно взять в ножи спящих где-то в лесу, и то не всех, если трезвые. Кто-то проснется или заорет под ножом. Но в поселке с его кучей живности, включая жителей и рабов, с учетом незнакомой планировки помещений, втихую и дом взять крайне тяжело. Те же собаки не дадут. Вот эльфы и не начинают захват. Тем не менее караул вырезали. Отсюда вывод: здесь в башне собрались отнюдь не все, такие же тихие джентльмены скапливаются в других башнях. Судьба рабов-дозорных в башнях и пацанов понятна. Мертвы и лежат в башнях или во рву. Сомнительно что нашелся еще один везунчик. Еще один вывод: будет полноценный штурм. Почему он не начинается в темноте? Еще только светает. Если врагов достаточно много, они и впотьмах вырежут если не две трети, то половину поселка, пока в оставшихся домах будут протирать глаза и разбирать оружие. Значит, их не так много, чтобы они не опасались сопротивления наших мужчин, женщин и желающих освобождения рабов. Не хотят лишних потерь в ночной сутолоке.

Почему ждут рассвета? Ночное зрение у них не очень хорошее, и босс эльфов, надо полагать, хочет по максимуму задействовать стрелков. Вон, луки у половины, арбалеты у «черных», и колчанов по два на каждого. Как оптимально реализовать превосходство в дистанционном вооружении? Простреливая дворы и улицы с тына. Пресекается сообщение между домами, штурмовая группа из хорошо подготовленных боевиков берет их поодиночке. Численное преимущество жителей перестает играть значимую роль. И доспехи, в которые они успеют обрядиться, помогут как мертвому припарки. Особенно когда по ходу зачистки поселка начнут высвобождаться стрелки. Обычно в наших домах хватает и метательного оружия, и мужчин, умеющих им пользоваться. Но сейчас не нормальные условия. Мужчин и боевых луков в поселке очень мало. Есть несколько трофейных арбалетов, и то не в каждом доме. Так что сбивать лучников с тына почти нечем.

Вероятно, длинноухим все это известно, именно поэтому не торопятся. Откуда известно? Но это пока не важно.

Что делать? Как раз по Достоевскому. Человек, пардон, орк я, или тварь дрожащая? Если тварь, то можно подождать и дать деру, когда эльфы возьмутся за поселок. Будет не до одинокого раненого труса, прыгнувшего в ров, даже с перепугу не сломав ноги. И убежавшего в лес. Ранен к тому же. Чем не герой? Рассказать потом что-нибудь о своем геройстве, получить тату воина, даже в дружину попасть можно. Если убедительно врать. Даже можно успокоить совесть, зарубив одного-двух эльфийских лучников, которые будут перекрывать центральную улицу. Даже врать не придется, что принял участие в обороне поселка. Заодно не получу стрелу, пролезая через бойницу.

Если я человек, он же орк, то я последний выживший из караула, обязанного умереть, но защитить поселок. По крайней мере попытаться. Как говорится: «Делай, что должен, и будь, что будет». Подходит и другая фраза: «Жить, когда подобает жить, и умереть, когда подобает умереть» – в самое яблочко.

Еще больше посветлело. Видный мужчина кивнул своим. Двое начали снимать дощатые заглушки с бойниц, остальные по очереди стали выбегать из башни. Кто-то взял мой собственный щит, до этого висевший на стене. Гигант со смешком ударил в пол каблуком зеленого сапога и вышел последним. Один из одетых в черное остался, заняв место между вставших у крайних бойниц лучников. Засмеялся и сказал им что-то ободряющее. Видимо, и у эльфов звание воина надо заслужить в походе. Потом упер арбалет в пол, нажал на обнаружившийся снизу рычаг, натянул тетиву, вставил болт. В поселке хлопнула дверь...

Щелкнула тетива лука, послышался чей-то предсмертный вскрик. Снова щелчок и вскрик, потом еще и еще... Залаляли, завывали псы.

Эльфы ждали. Левый лучник молниеносно натянул лук и выстрелил. Радостно закричал. Арбалетчик глянул, подошел, похлопал по плечу. Вернулся на место.

Нужно было выждать, когда он разрядит арбалет. Враг явно слишком опытен. Не стоит рисковать и получить еще один болт в лицо, не говоря о том, что у этого эльфа арбалет может оказаться мощнее, чем у его коллеги, выстрелившего мне в грудь. А любое достаточно серьезное ранение для меня равнозначно смерти. Умирать же, не забрав с собой нескольких налетчиков, я не имею права... Подкрасться, вероятно, не удастся. Надо еще суметь бесшумно скинуть тело и постараться не звякнуть кольчугой.

Медленно, плавно моя левая рука нащупала малхус. Ремень был расстегнут, вытащив язычок из пряжки, скобу я оставил. Арбалетчик прижал приклад к плечу... Арбалет-то с прикладом – фантастика! Взяв левой рукой тело Седрика, я слегка придержал его, укладывая перед собой. Также медленно я встал на колено, оторвав рану на лице от начавшей уже подсыхать на полу лужи крови, протянул руку назад, взял за наконечник цзянь, стянул ножны вниз, помогая вытащить меч. Лучники, не глядя назад, периодически били стрелами. Правой рукой я снял со штыря скобу застежки, перехватил малхус и медленно двинулся вперед. Выстрел! Бросок!

Арбалетчик был действительно опытен. Выстрелив, он ушел из бойницы, развернулся спиной к стене, одновременно опустив арбалет на пол для натягивания тетивы, и увидел меня перед тем, как укол острия Блодорма пробил ему горло. Мгновением позже лезвие малхуса перерубило правому лучнику позвоночник. Левый развернулся, направляя в мою сторону лук с наложенной стрелой. Прыжок, удар цзянем по луку, стрела в сторону. Удар малхуса, перерубивший предплечье. Крик захлебнулся, из раскрытого рта плеснула кровь. Трудно кричать, если правое легкое пробито острием даже узкого меча. Удар малхусом по шее. Кровь.

Я закрыл левую дверь, вложил запорный брус в скобы, ежесекундно ожидая стрелу в спину из противоположного проема, если вдруг обнаружат, и рассчитывал надеясь только на прочность доспеха. Уйдя из зоны видимости, я перевел дыхание.

Взяв оружие убитого арбалетчика, я нажал на рычаг, натянул тетиву, потом надел сумку с болтами, вставил один в паз, положил арбалет возле второго дверного проема, осмотрелся. По левой стороне эльфы, захватив угловой дом, штурмовали следующий. Это позволило мне закрыть двери безнаказанно. Стрелки все внимание уделили штурму. Я воткнул цзянь возле труп арбалетчика, вернул малхус на место, закрыв застежку.

Выглянув из бойницы, я первым делом посмотрел направо. Возле нашего дома шевелились фигуры в броне. Выстрел в ближайшего стрелка, тот упал. Еще пятью болтами я свалил двоих, один был ранен в ногу и скатился вниз. Больше ничего сделать для семьи не смог. Последний стрелок всадил стрелу в косяк двери, чуть промахнувшись мимо моего глаза, после чего, не дожидаясь более точных выстрелов, махнул через перила вниз. В дверной проем начали влетать стрелы, пущенные с соседнего участка стены.

Воспользовавшись тем, что добровольцы, желающие штурмовать открытую дверь вдоль стены, не могли найти достаточно быстро, да и стрелять из лука в глубину помещения за сотню метров непросто, я глянул на штурмовиков слева. Так, этого здорового эльфа нужно валить раньше, чем он узнает о захвате надвратной башни. Уж очень внушительно выглядел ублюдок. Лестницы, к счастью, посередине отрезков стен между башнями. Поселок еще не взят. Радиостанций у них нет. И о чем-то магически подобном, распространенном среди воинов, ни я вместе с Краем, ни он отдельно не слышали. А докричаться непросто.

Молитвы были услышаны. Вот только не всех и не в полном объеме. Пока я прорезал стрелков, громила зачистил еще один дом. Крики шли от дома хевдинга, третьего от угла, рядом с башней. Но его самого не было видно. О своей семье я постарался не думать. Наш дом с другой стороны был первым.

С той стороны желающих сунуться по помосту под мой арбалет по-прежнему не было.

Когда я открыл дверь, собравшиеся неподалеку трое эльфов били стрелами по окнам дома хевдинга. Один свисал с помоста – кто-то подстрелил.

Выстрел в грудь первому, не дожидаясь результата – перезарядка. Я выглянул, держа арбалет у плеча. Мой выстрел, одновременно встречный, попадание в шлем. Спрятался, основательно взбодренный адреналином. В проем полетели стрелы. Вслепую выставив арбалет на уровне живота, выстрелил вдоль помоста. Касательное попадание в наруч. Перезарядка. Четыре стрелы, прилетевшие в проем.

Я выматерился и выскочил в проем открыто, наклонив голову и закрывая арбалетом и руками лицо и горло. Сильный удар стрелы в грудь с пятнадцати метров и ужас на лице эльфа, когда, не обращая внимания на торчащую стрелу, я приложил приклад к плечу. Спрятаться за фигурой напарника противник не догадался, удар болта почти в упор его кольчуга не выдержала. Второй, закрытый моим собственным щитом, прыгнул вперед с мечом в руке. Синхронно освобождена застежка, схвачена рукоять меча. Укол противника в лицо задел капюшон слева, а малхус перерубил противнику локоть. Горизонтальный рубящий в горло, кровь из-под серебряного хауберка, тело врага, откинувшего щит, заваливается в проем...

Я сломал стрелу, застрявшую в груди, рядом торчал заломыш болта. Меч я вернул на место и поспешил зарядить арбалет. Теперь можно осмотреться и подумать. Выглянув, я обнаружил торчавшие с обеих сторон в дверях башен фигуры врагов. Они не мешкая выстрелили, но толку от их выстрелов было пока немного, слишком далеко, да и долго летит стрела. Снова выглянул в бойницу. От дома хевдинга пробежала фигура в доспехах, направляясь под помост.

Достать меня им тяжело. Помост достаточно узкий, около полутора метров, огражден, а у меня арбалет.

Хоть я и один, но фактически контролирую, простреливая, стену, а также центральную улицу и площадь до дома у противоположной стены. Но есть проблемы с точностью, у меня далеко не СВД. Пат во всей красе. Ненадолго, к сожалению, пока штурмовики не освободятся.

Сколько врагов? В надвратной башне была примерно дюжина эльфов. Если в остальных башнях накопилось перед штурмом столько же, то, получается, изначально было около шестидесяти нападавших. Много, они бы еще ночью нас тепленькими взяли. Значит, до сорока, скорее даже меньше. Заняли стрелками в основном фронтальную стену и, наверное, боковушки, да и те, частично. Две-три группы внизу. По четыре-пять боевиков. На противоположной, речной стороне частокола фигур врагов на стене не видно.

Десять врагов убиты или ранены. Остальные зачистили первую линию, семь домов. Это те две группы, что я видел. Если есть третья, то половины поселка уже нет. И, если уцелевшие не организуются, поселку хана. Но теперь у наших есть на это время.

Похоже, не один я так думал. Крики у речной стены усилились. Там жил боргман Берк и старший Кнубассон. Похоже, собирали наших на крик, надеюсь, собрались атаковать.

Болтов у меня осталось всего тринадцать. С луком, что цел остался, раньше не практиковался, точности ожидать глупо. Да и уязвим я с ним чересчур. Оставалось ждать, поглядывая за действиями противника. Какое-то время не было ничего, кроме шебуршания и криков эльфов внизу. Выпустил пару болтов, промахнулся.

Выглянув в очередной раз в бойницу, я чуть не получил стрелу в глаз. Пока думал, трое стрелков встали напротив, взяв под прицел бойницы – теперь не особо постреляешь. Я выглянул в двери, не обнаружил никого. Фигуры на левой стене стреляют вниз, вот одна из них упала. Правая стена пуста. Это они подо мной, очевидно хотят блокировать.

Крики у речной стены усилились. Похоже, сошлись в рукопашную. Это значит, ловить тут нечего. Надо или бежать, или атаковать. Если перебьют мужиков, меня зажмут и прикончат в легкую. Закроются щитами и спокойно пройдут по помосту.

Закрыв рукой лицо, я выставился в бойницу и получил две стрелы, обе в грудь. Несколько мгновений помедлив, я показал стрелы, торчавшие в груди, выстрелил из арбалета в никуда и лег так, чтобы торчали шлем и арбалет. Быстро последовали четыре удара в шлем и два в арбалет. Крики вдали продолжались. Подождал минуту, затем схватил цзянь, выскочил наружу,

закрывая лицо. Противников уже не было – как только подстрелили врага, кинулись своим помогать. Они тоже понимают, что в одиночку не выжить.

Спрыгнул вниз. Взяв в каждую руку по мечу, побежал в сторону криков, стараясь не шуметь. Вся троица моих недавних оппонентов увлеченно расстреливала наших у подворья старого Берка. Вбил одному цзянь в почку, второго рубанул по загривку Мёрком. Третий развернулся на шум, вытаскивая из колчана стрелу, даже успел испугаться, прежде чем клинок малхуса развалил ему лицо.

Знакомый здоровый эльф, стоя спиной ко мне, в тот момент свалил боргмана и начал крошить раба, двух женщин с топорами и подростка с сулицей, легко рубя всех, кто пытался его обойти. Поодаль дрались еще какие-то фигуры.

Сына боргмана он зарубил последним. Потом я воткнул ему клинок в кольчужную юбку, под обрез чешуи. Заорав, он попытался развернуться, но было поздно. Малхус перерубил ему руку у плечевого сустава.

Выдернув цзянь из ягодицы гиганта, я перерубил малхусом позвоночник эльфа, который, вытянув раненую ногу и опираясь одной рукой на землю, второй рубил топором лежавшего на земле нашего в доспехах, потом добил еще одного эльфа, пытавшегося, стоя на коленях и хрипя, вытащить рогатину из живота.

Теперь можно было оглядеться. Я стоял один...

* * *

Потом все мы, кто выжил и мог ходить, искали раненых. С криками и матом я вытащил из сена одного из спрятавшихся там рабов Берка и на трофейных веревках спустил в ров, отправив к колдуну как наиболее сведущему в медицине местному жителю. Перед этим я добил выдернутой наконец из брюха мертвеца рогатиной все еще живого гиганта, который умудрился левой рукой вытащить кинжал и даже пытался ко мне ползти. Выскочившие из домов трое уцелевших мальчишек и несколько девушек с двумя арбалетами и охотничьими луками увлеченно кинулись добивать остальных.

В дома без меня я им соваться запретил, они естественно, не послушались. В результате серьезно раненый эльф в одном из домов разом убил двенадцатилетнего мальчишку и девушку, прежде чем его застрелили. Глупость, она опасна, как известно. Отрадно, что ее можно лечить, но, к сожалению, обычно неприятными методами.

Оставшимся рабам, которые не пожелали освобождения, было приказано таскать тела, подававшие признаки жизни, до медпункта. Под него я определил дом убитого ночью Хрольва, рядом с площадью. Одновременно мы зачищали дома, добивая пытавшихся прятаться раненых врагов.

Пришлось вспоминать все, что могло помочь, касательно боя в помещениях, корректируя это с учетом возможностей имеющегося вооружения.

Последних двух нашли у нас в доме. Один, со сломанной ногой, замаскировался изрубленными трупами рабов на их половине. Его я вытащил за ухо, он струсил, паскуда, и умолял сохранить жизнь. Пленный был пока нужен, поэтому ограничились связанными руками.

При виде этого, с позволения сказать, карателя, каким-то чудом выжившая Ульфрида рано расслабилась и, не дожидаясь меня, вошла внутрь конюшни.

Ее застрелил один из эльфов в черных доспехах, кем-то тяжело раненный в ногу. Перезарядить арбалет он не успел, я вогнал рогатину ему в рот. Желание взять информированного пленного разом пропало при виде ее тела с болтом в груди.

В нашем доме живыми были только раненная болтом в бок Хильда и Ансгар. Хильда лежала у лестницы наверху, придавленная телом матери со щитом и моим трофейным мечом

в руках, немного подальше нашлась мертвая Ульрика, продолжавшая сжимать разряженный старенький охотничий арбалет из оружейной.

Через порог комнаты Ансгара и Ханны перегнулся труп эльфа в чешуе, с ножом в глазу и окровавленным коротким мечом в руке. Окровавленным, вероятно, здесь же. Ансар с болтом и колотым ранением в груди валялся рядом и пускал кровь изо рта, у его ног лежали топор и щит эльфа. В комнате еще были тела Ханны и маленького.

Сестру я отнес сам, Ансгара утащили рабы-носильщики. В соседних домах были еще несколько тяжелораненых. Каратели убивали всех подряд, не отличая орков от людей.

Эрика выжила, получив три стрелы – в бедро, грудь и плечо, отчего ее, наверное, и не добили. Это она подстрелила из арбалета лучника на частоколе, окно выходило туда.

Число пленных ограничилось двумя кольчужниками, на вид весьма сопливыми. Первым был тип, вытащенный из помещения для рабов, это он, оказывается, спрыгнул с тына от моего болта. Второго вытащили из рва.

Двое раненых на стене, по-видимому, сделав выводы из результата рукопашной, махнули с тына в ров. Один прыгнул неудачно, сломав обе ноги, второй сумел выбраться, но все равно не спасся, его порубили топорами крестьяне с хутора, принеся труп к только что наведенному мосту.

Я равнодушно спросил имя хозяина, оповестил о смерти всей его семьи. Нашел поблизости пару боевых топоров и вручил бывшим рабам. Все, они были свободны. После чего порекомендовал господам свободным покинуть борг. На время. Аппетит приходит во время еды. Я даже закрыл за ними ворота. Так, на всякий случай.

Представители крестьянского сообщества, толпившиеся поодаль, приняли это к сведению. Через полчаса кучки наших пейзажистов мужского пола, вооруженных топорами и всяческим дрекольем, прочесывали окрестности городка, не помышляя, к счастью, о подготовке восстания под шумок.

Эльфов мы бросили в яму под надвратной башней. Посадили наверху десятилетнюю девчонку и доверили ей караулить пленных.

К этому времени появился взмыленный колдун, он молча занялся ранеными, а я руководил рабами, собиравшими трупы – пока только наших, относя их в дом хевдинга.

К обеду почти все неотложные дела были закончены. Можно было сдать колдуну для медицинской помощи. Мои раны ограничились разорванной болтом щекой, оторванной мочкой уха и неглубокой колотой раной от наконечника болта в груди. Все остальные стрелы либо не пробили доспех вообще, либо кончики наконечников завязли в поддоспешнике. Болт, попавший в лицо, как оказалось, скользнул по щеке под капюшон, пробил подшлемник и хауберк, потом то ли выпал из капюшона, то ли прошел навылет. Синяки на теле были не в счет.

Бригантина оправдала затраченные на нее усилия. Как стрелы, так и болт, застряли в пластинах, которые, возможно, в будущем следовало бы заменить. Еще надо было заиметь шлем, да и с защитой горла нужно было что-то решать.

Обратившись в медпункт, я успел оценить методики лечения колдуна до того, как он обратил на меня внимание. Тот оказался далеко не шарлатаном. Обычные экстрасенсы, или как их там назвать, не умеют заставить идти свет из рук, на глазах закрывая раны.

Когда свет коснулся меня, я отрубился.

Глава VII

Я пришел в себя поздним вечером.

Несколько уменьшилась опухоль, а вот что было с лицом, обмотанным тряпками, неясно. Щеки не чувствовал вообще.

Я валялся в медпункте на шкуре. Уже без доспехов. Девчонки и молодые женщины кормили раненых.

Незаметно возник Сигурд с кувшином, налил и сунул в руки кружку с пивом.

– Выпей! Поешь, сейчас девки каши принесут. Не с твоей щекой много жевать. Потом пойдем пленных трясти. Только тебя ждал, ты заслужил. Эльфы не все убиты, не сильно ослабляйся, коноводы ушли сами и часть коней увели. Так что ночью могут и вернуться.

Я так не считал, но согласился, что лучше перестраховаться, и занялся принесенной кашей, потом выпил пива. Проведал сестру с Эрикой, обе были без сознания, как и Ансар. Старик не стал отличать людей от орков, помог всем, в данном случае Ансар вообще лежал среди орков.

Через два часа пленные, особенно мой крестник, подвешенные на помосте за руки, весьма охотно сотрудничали. После Сигурдовой обработки оба походили друг на друга идиотским выражением лица, ужасом в глазах при любом движении колдуна и слюной из уголка рта. Как я понял, Сигурд применил вариант с орком на пристани, но в другом режиме. Труса мы допрашивали первым, первоначально колдун его сильно не обрабатывал, но чуть позже передумал.

Мы узнали, что папа трусоватого эльфа – исполняющий обязанности советника или там министра князя дома. Оказывается, очень обеспеченная, можно сказать, богатая личность, которая заплатит за живого сына любые деньги. Про то, что за мертвого отомстит, сказать не рискнул. И правильно сделал, у меня было исключительно кровожадное настроение.

Впрочем, его слегка развеял старик, вогнавший допрашиваемого в состояние отвечающей на вопросы куклы, притом очень трепливой. Однако этот треп меня заинтересовал, и в полном объеме. Некоторый опыт допросов у меня, к счастью, присутствовал, чему колдун, кстати, не особо удивился. Только вот мешала говорить щека и тряпки на ней.

Как выяснилось, штук девяносто эльфов, как молодых, жаждавших подвигов и славы, так и более опытных, и среди них несколько даже очень опытных, двинули в Оркланд за подвигами. Не сиделось им, которые молодые, на месте. Девушки не уважали.

Пленный принадлежал к дому Серебряного Волка, который, по словам удивленного колдуна, был территориально весьма отдален от Оркланда. Далее эльф сообщил, что среди прекрасной половины подросшего поколения означенного дома с некоторых пор воцарилась мода, так сказать, на брутально выглядевших мужчин. Этой моде ровесники юных дам в основном не соответствовали, а хотелось. В соревнованиях такого плана, как правило, выигрывали ветераны войны с Империей, даже если им противостояли более высокородные соперники. Дамы и здесь, оказывается, придерживались того правила, что в постели все равны – и король, и сантехник, голыми не различишь.

В общем, некоторые молодые ушастые сыны – или щенки – дома Серебряного Волка собрались добывать требуемую репутацию и трофеи. Кого-то слишком озабоченного или глупого осенила идея, что репутация будет круче некуда, если заодно подсократить число потомственных врагов эльфов – орков. Но идти одним было страшно. И это понятно, у орков такая репутация, что тут хорошо бы самому уши не потерять, не то что набрать пригоршню-другую на радость любимой.

Молодые люди озаботились поддержкой свыше, подключив связи, которые и активизировал папаша упомянутого невезучего прыгуна со стены, поговорив с князем о патриотиче-

ском порыве молодежи. Князь прочувствовал ситуацию. Возможно, прослезился и набросал что-то типа: «Эльфы зольдаты ундены офицеры» и, возможно, даже оформил музыкальный ряд. Это я к тому, что пленный, в дополнение к сказанному, просветил нас, что князь – великолепный поэт. Я-то вник, а как Сигурд – не знаю.

Его светлость кинул клич боевым наставникам молодежи, которые тоже были не прочь добавить себе брутальности, и от всего сердца пожертвовал в помощь даже Приносящих Смерть из состава собственной дружины. Это те типы в черном. Их функции в дружине мне были ясны: чтобы, как высказался пленный, ссылаясь на слова князя, не жертвовать будущим клана. Дети у эльфов рождались не так часто, как у смертных.

Всю эту ораву претендентов на брутальность эльфийского розлива поделили на два отряда, примерно по сорок пять голов в каждом. После чего избранные командиры приступили к тренировкам, пока старшие родственники финансировали подготовку экспедиции. Кроме фрахта кораблей, даже магов наняли, заботясь о будущем сыновей.

По ходу допроса мы узнали, что некоторые эльфийские дома, семейства и роды далеко не так дружны, как кажется со стороны. А в ряде случаев настолько, что были бы сами рады выпустить кишки некоторым путешественникам без всякого участия орков.

Пока организовывали поход, пришли известия о крупном набеге. Предводители отрядов, у которых не хватало брутальности, но отнюдь не мозгов, не без оснований решили, что это очень кстати. Риск посоревноваться, кто кому отрежет уши, с готовыми к бою пиратами, идущими в набег или из него, их отнюдь не вдохновлял. Выяснили, какой орочий клан промышляет, составили планы, но подвели организаторы и пришлось задержаться.

Пока плыли на кораблях, пока высаживались вместе с лошадьми в некоей укромной бухте и затем выдвигались в глубь Оркланда, прошло очень много времени и планы оказались просроченными. А драккары начали уже возвращаться.

Я замер:

– Откуда известно?

– Ладью купеческую перехватили.

– Где? Давно? Как?

– Ниже по течению, на ночной стоянке. Пять суток, как. Стрелами закидали, когда они спали. Уцелевших старшие добились. Одного допросили.

Я начал бить остроухого, старик еле оттащил. Мы продолжили допрос:

– Что он сказал?

– Не знаю, но утром на драккар засаду начали готовить.

Я все понял, осталось только подавить желание содрать с него кожу. Остановила мысль о бухте и втором отряде.

Сигурд мертвым голосом спросил:

– Где?

– На следующий день, чуть выше, сделали так же. Только они одного у нас убили и двоих ранили.

– Где корабли и тела?

– В приток загнали, трупы там же оставили, на кораблях. И купца, и драккар рядом.

Остановил старика, теперь он вознамерился выпустить пленному кишки.

– Подожди, мы еще далеко не все узнали, что стоит узнать. Он нам живым ценнее. Пока. Как ни удивительно послушался, но его пальцы тряслись.

– Почему в реку не сбросили?

– Чтоб не повсплывали. Мы думали, может, еще кто будет идти по реке. Корабли в протоке не сразу найдут, а трупы пусть себе воняют.

Я выбил ему два зуба.

– Где второй отряд?

– Он на полпути отделился, вниз пошел. Не знаю.

– Где встречаетесь?

– В бухту договорились возвращаться сразу после дела, там нас должны забрать корабли.

– Забрать или ждут?

– Забрать, подойдут.

До Сигурда дошло. Сделал стойку, как алабай над куском говядины.

– Когда?

– Где-то через месяца полтора. Если не успеем, будут ждать какое-то время.

– Кто надоумил на поселок напасть?

– Охтарон задумал. Сказал, что борг небольшой и новый, а мужчин на драккаре было много. Выселки искали, чтобы рабов расспросить о борге. Нашли на другом берегу, по дыму. Заимка углежогов. Допросили и ночью атаковали.

Сигурд больше не позволил мне одному допрашивать пленных, те распелись, как соловьи.

Захлебываясь словами, они рассказывали все, что знали, в первую очередь обрисовывая бухту и путь к ней, до предела напрягая память и аналитические способности. Рассказывали не только обо всем, что нас интересовало, но и что могло заинтересовать.

Заодно посветили в подробности своего путешествия. Нанятый маг этого отряда оказался сопляком, недавним выпускником какой-то Академии, но с протекцией. Более взрослые, умные и главное, родовитые, надо полагать, предпочитали найти постоянную работу, а не одноразовую халтуру. И подальше от срезания чьих-либо ушей, а то сегодня ты режешь, завтра тебе самому отрежут. Новоиспеченный маг по глупости залез в могильник с нечистью, к тому же со всем отрядом. Еле унесли ноги, потеряв мага и одного из молодых походников. На нечисть напоролись еще пару-тройку раз, но все кончилось благополучно. Амулетов было достаточно, да и Приносящие Смерть умели немного колдовать.

В начале путешествия в отряде насчитывалось сорок четыре эльфа, на штурм поселка шли тридцать пять. Четверо коноводили, двое раненых были с ними, они могли передвигаться на лошадях.

Руководил визитом действительно тот амбал в чешуе, которого я прикончил, звали его Охтарон Серебряный Волк. При такой новости Сигурд заулыбался, сверкнув обломанным клыком. Надо полагать, наслышан. Я заработал уважительный взгляд. Брутальности той чешуйчатой скотине было не занимать, хоть в аренду сдавай, но острых ощущений, видно, и самому захотелось, когда князек героев созывал. Кроме него, в боевых порядках командовали трое Приносящих Смерть и некоторое количество опытных вояк. Они в основном и работали штурмовиками.

Окончив допрос, пересчитали мертвяков, собранных справа от башни. Число убитых эльфов совпало с показаниями пленных, не ушел никто. Что интересно, шестнадцать подозрительно знакомых тушек лежали отдельно, в отличие от оставшихся, еще в доспехах. А говорят, Конан то, да Конан се. Про меня Говард не знал, к сожалению. Я проявил объективность, не став, однако, ломаться:

– Вот этого можно откинуть, не мой. Его, скорее всего, Эрика застрелила. Да и ранил многих не я, только добить пришлось. И из подстреленных, возможно, кого-то младшие прикончили.

Повеселевший после допроса колдун захохотал.

– Да ты доспех и оружие хоть всех побитых заberi, в своем праве будешь. Все наши живы и грабят мертвецов, вместо того, чтобы кто-то грабил их трупы и дома, только благодаря тебе. Что ты им захочешь потом дать, и тем будут довольны. После заимки и круга я ожидал, что ты удивить можешь, но того, что я узрел, вдоль стены пройдясь и вверх поднявшись, не только не ожидал, но и в жизни не видел. А живу я уже очень долго. И в битвах бился не раз. И не

помню другого случая, чтобы один за раз восьмерых эльфов застрелил и порубил, в одиночку с ними сражаясь. Это только на стене.

– Думаю, что были у нас такие, просто мне больше повезло. Сопливые противники были в основном. Растерялись, когда из занятой своими башни болты полетели.

– Растерялись, ага. Ты стрелы, что внутри башни и по краям дверного проема торчат, считал? Нет? То-то же. Повезло тебе тогда, когда болт вскользь по лицу прошел, а ты лицом вниз упал. А враги твои, кровь, из-под тебя текущую, увидев, перевернуть тело поленились. Во всем остальном везения считай, что и нет. Даже в том, что доспех твой стрелы да болты не пробивали.

Прокашлялся и выдал:

– А главное, не всякий человек и не только человек, чей дух в тело орка вселился, на смерть ради новых родных пойдет.

Я обмер. Колдун ждал.

– Вижу, разговаривать нет смысла?

– Почему же, меня только нападение по большому счету интересовало, ну, и еще, почему ты жив остался. Был бы виноват в чем, не проснулся бы. В глубину я лезть не стал. Захочешь, сам расскажешь. – Он улыбнулся. – Знаешь, как ты ответил, когда я спросил, отчего эльфов в башне порубив, из поселка не бежал?

– Говори.

– Делай, что должен – и будь, что будет. У меня все вопросы к тебе пропали.

Я не удивился, помня допрос эльфов. Как и следовало ожидать, он проходил при частично погашенных управляющих функциях головного мозга. Сигурд это проделал без всяких стеснений. Но в моем случае подобная моральная чувствительность колдуна показалась удивительной.

– А меня многое интересует.

– Поговорим, сегодня же и поговорим. Время у нас есть. Обрадовал ты меня сегодня, обрадовал. Что не выдал тебя, чужой дух в теле обнаружив, так то я мальчишку пожалел. Ты трупы-то раздень. Тех, кто помогут унести, пришлю. Твое имущество на них, ты и снимай. С Эрикой сам разберешься. Похоже, будет не трудно. – Сигурд усмехнулся.

– А кто еще знает?

– Никто, и не узнает больше никто. Об этом не говорят. Не бойся, воин.

– Новик, коли на то пошло.

– Таким делом даже хирдман прославится на весь Оркланд, о новике и говорить нечего. Воин ты. И спорить никто не будет. В дружину, если захочешь, возьмут, за такими, как ты, там форинги сами охотятся.

– Не знаю, не определился с отдаленным будущим. В ближайшем меня интересуют коноводы и второй отряд. А также корабли, что их забирать будут.

– Ха, верно. Время у нас пока есть. Раненых подлечим немного, надо будет херад собирать. Должны успеть.

– Когда погибших хоронить будем?

– Послезавтра, не раньше, рабы начали копать.

* * *

Остаток вечера я посвятил мародерству, оценкам финансовых потерь семьи, уборке в доме и подготовке к похоронам. Стоило, по крайней мере, замыть кровь. Заодно я навел порядок в доме хевдинга, – Эрика мне действительно нравилась.

Сохранив недвижимостью, я, как новый глава семьи, потерял всех работников, до углежогов включительно, исключая крестьян на хуторе и Ансгара, хотя даже тот свободным человеком стал. Завалить эльфа было некому, кроме него.

Перед нападением эльфы вырезали и всех рабов, заночевавших в слободе. У соседских семей были родственники, наследники, так что прибрать к рукам их рабов не удастся. Да и бесполезно, кузнецов все равно нет.

Это дело решается при помощи рода. Родственников-кузнецов хватало, у отца трое братьев, все семейные, и только один наследник деда в Кортборге. Да и двоюродные в наличии.

Дом, двор в слободе, принадлежащий мне, и другое имущество, с последующим ли выкупом, или еще как, но надо оставить в распоряжении родни. По крайней мере пока. А самому искать цель и место в жизни. Как специалист-кузнец я недостаточно хорош, да и молод слишком. Ходить с сохой ни желания, ни умения нет. Даже пинать тех, кто ходить будет – тоже не мое. В купцы пока не гожусь, пусть начальный капитал и есть – не знаю ни рынка, ни нюансов купеческой жизни. Вообще, все сферы мирной деятельности пока закрыты малым кругозором Края в отношении самостоятельной жизни и возрастом нашего физического тела.

Что остается, если сохранить самостоятельность? Армия, как же без нее, любимой! Вот где можно и расширить кругозор, даже с избытком, и знакомствами обзавестись. А потом найти занятие по сердцу, но выбрать надо будет обязательно. Не ходить же всю жизнь в походы, грабить и убивать во имя интересов какого-то кровожадного клыкастого ярла или конунга.

Решено, армия. Если ее здесь так можно назвать. Или купеческая охрана, если с дружиной не получится. Возможно, это даже лучше будет, купеческая охрана. Поэтому очень кстати придется поход на перехват второго отряда карателей. Можно обзавестись первоначальными знакомствами в военной среде.

Родне пятнадцать трофейных комплектов доспехов и оружия для продажи оставлять жирно будет. Найду, куда пристроить. Тем более что они должны стоить очень приличные деньги. Шестнадцатый принадлежит Эрике, не обворовывать же ее.

Я отмыл, отчистил и смазал все, приготовив к консервации. Мне достались четыре комплекта вооружения воинов в чешуе и два черных, оставшуюся добычу составляли кольчуги. Решил потом закопать под домом или еще где-нибудь, всегда смогу вернуться и выкопать.

Собрал все найденные деньги в обоих домах, деньги Эрики положил вместе с доспехами, свои спрятал в тайник.

Ночью мы долго беседовали с шаманом о том мире, куда я попал.

* * *

Убедившись в стабильном состоянии выживших раненых, двое из которых все же умерли, старик пришел ко мне в надвратную башню, подальше от лишних ушей.

Я ждал, попивая пиво из предусмотрительно принесенного бочонка, сидя на табурете у знакомой бойницы, неподалеку от той самой, давно подсохшей и слегка замытой лужи на полу и подозрительно знакомой тоже высохшей россыпи темных брызг на стене. Магическая анестезия несколько ослабела.

Предложив Сигурду присесть на второй табурет, налил пива и ему. Выпили для завязки разговора.

– Скажи мне, отец, – колдун чуть улыбнулся, такая форма обращения не к родственнику была здесь не принята, – что эльфы тут потеряли? Они бессмертные, им должно быть куда страшнее умирать, чем смертным? Куда они лезут? Зачем? Ради баб? Ладно, эти малолетки, у которых кое-где зудит, а такие, как этот Охтарон? Отчего они орков своими прирожденными врагами считают и ненавидят так сильно, что даже своим бессмертием жертвуют? Почему всех подряд убивают, даже детей? Они же не ради добычи ходят?

Старикан выпил пива и хмыкнул:

– Они не считают орков своими прирожденными врагами, они считают, что орков нужно полностью истребить. Решение Совета князей, еще во времена Империи.

– Так давно? И до сих пор соблюдается? – я выразил сомнение.

– Соблюдается, еще бы не соблюдалось. Если князя-то, почитай, все те же ими правят, кого не убили или от Великого мора не умер. Как от мора оправились, так и наведываются до сих пор.

– Если истребить, то почему большим войском не ходят? А такие укусы – несерьезно.

– Боятся. Пока мир от мора вымирал да опять наполнялся, они между собой передрались успели, еще с большим ожесточением, чем перед войной. У них по причине бессмертия вражда столетиями идет, злопамятные с годами становятся. Неудачный поход случился ли, много воинов потеряли – и враги добивают остатки дома на его родине.

Последний раз эльфы пытались нас истребить лет четыреста назад, большим войском шли. Не удалось. А потом у них опять междоусобица пошла, некоторые начали истреблять ослабевшие в походе роды и дома, с которыми имелись счеты.

– Зачем тогда вообще ходить? Почему бы не наплевать и, к примеру, не подружиться?

Сигурд захохотал:

– Князь не может игнорировать решение Совета князей. Тем более что о нем постоянно напоминают. Вон, ректор Эльфийской магической академии, например, тот Империю помнит. Да из старых князей многие живы и тоже участвуют в Совете. К тому же они нас сильно ненавидят. Об интригах между своими тоже нельзя забывать. Как я понимаю, кто долго не ходит, рискует встретиться с объединенным войском враждебных домов – по решению Совета, чтобы не слишком усиливался. Я многого не знаю, но, похоже, так все и происходит.

А главное, они помнят, кто мы, – печально усмехнулся старик. – Оттого и ненависть.

– Понимаю, замкнутый круг. Всех, кто пытается его разорвать, сжирают свои, даже если думают аналогично. А кто это мы?

– Мы – это орки, которых эльфы ненавидят, поскольку мы их потомки.

Я не сказал бы, что очень удивился, уши уж больно были похожи. Но вопрос требовал уточнения:

– Почему тогда ненавидят?

– Было такое государство, Империя, и правил в ней Император. В один неприятный для нашего мира день эльфы, жившие по всему миру с незапамятных времен, обнаружили, что Империя их интересам угрожает гораздо больше, чем они готовы были терпеть. А так как эльфы всегда были сильны в интригах, то и занялись, например, организацией бунтов и восстаний в провинциях, чтобы Империи не до них было. Это недолго оставалось тайной. Один из домов, естественно, вскоре зарвался. Появились слишком явные доказательства наличия их длинных ушей поблизости от очередного бунта. Как видно, губернатор получил инструкции из столицы и бунт, естественно, жестоко подавили, а дом-виновник вскоре был истреблен полностью. Взяли только некоторое количество пленных, чтобы серьезно выяснить природу бессмертия, исследования вели в Имперской магической академии. А потом повторили урок, и так до тех пор, пока князья не перестали соваться в дела Империи.

Я задал вертевшийся на языке вопрос:

– А откуда рядовой колдун борга, стоящего в глуши Оркланда, столько знает?

– Ты о мире или обо мне узнать хочешь? Выбирай. О себе многого не скажу – заслужить надо. И в глуши я не всегда сидел.

– Извини, – я налил Сигурду пива. – Продолжай. Император действовал понятно и логично.

– По этому поводу много рассказывать не обязательно. Действия-то были понятные, только лет через двадцать началась война, продолжалась она почти семьдесят лет. Империя с

одной стороны; эльфы, гномы и люди из разных там государств – с другой. Не стало Империи, вскоре вымерли и победители, в большинстве своем.

– Я так подозреваю, Император дверью хлопнул, и получился Великий мор?

– Правильно подозреваешь.

– Мы говорили об орках.

– Прошло сколько-то лет войны, кому-то во дворце или в Академии идея пришла в голову, что дела на лад пойдут, если воинов помогут делать маги. Так сказать, прирожденных, что, кстати, удалось. Первыми были порождены серые орки, Ор'Урух.

– Из пленных эльфов?

– Не перебивай. Все узнаешь.

Пришлось налить старику еще пива.

– Нет, из людей. Даже больше скажу. Они в большинстве добровольно на такое пошли. Воины, что уже не годились для строя из-за ранений, крестьяне, что с голоду умирали. Все подряд. Память им маги не стирали, незачем было. С обеих сторон была остервенелая ненависть. Новые воины восхитили, скажем так, заказчика. Единственно, кто мог первые несколько лет после появления новой породы бойцов противостоять им в бою, так это эльфы. Ну, и гномы в своих горах и подземельях, и то не всегда.

Для гор и подземелий вывели породу черных орков, Бек'Урух. Для этого пленных гномов изменяли. Тем и память стирали, и детей от них переделявали. Тоже удачно получились. Королевство Белых Гор кобольды и уничтожили, там они сейчас и живут. А нас, зеленых, вывели последними. Как ты угадал, именно из пленных эльфов, да из их детей.

– Нас-то зачем? Что, серые орки не справлялись? Мы действуем в тех же условиях, что и они. Зачем тогда нас было создавать и эльфов переделявать?

– Материал, видно, был более подходящим для переделки, – хмыкнул колдун. – Не знаю, зачем точно. А то, что мы получились более опасными для врагов, это точно. Мы действительно умеем все, что и серые, только лучше. Вот у тебя щека разорвана, почему ты кровью не истек?

– Потому что в щеке нет настолько крупных сосудов, чтобы это произошло.

– Надо же, верно. Мне все-таки надо тебя порасспросить о прошлом. Но все же, зарастет у тебя щека гораздо быстрее, чем у серого орка, тем более у человека. И крови ты потерял меньше, раньше свернулась. И от ран умереть тебе сложнее.

– Сегодня же двое умерли?

– Нет в мире неуязвимых, с такими ранами даже моя помощь им не помогла. И при этом сколько еще прожили, пока не испустили дух! Ты быстрее кого бы то ни было, включая других орков. Не намного, но быстрее. Сильнее эльфов и людей. Кости у тебя прочнее. В темноте видишь лучше. Не знаю, как в последнее время, может, кто и смог научиться отличать, но маг тебя как эльфа ощущает. Когда ощущает вообще.

– А почему у нас клыки и руки длинные? А у женщин нет? И глаза: у эльфов-то они такие же, как у людей? А цвет кожи почему такой?

– Тут я могу только гадать. Насчет глаз понятно, эльфы так, как ты, ночью и близко не видят. Только колдовство помогает. Зачем такие клыки и руки – не понять. Может, случилось что когда колдуны укрепляли кости да реакцию ускоряли. Обратная сторона изменений. Может, специально, чтобы эльфы за своих родственников не признали, не знаю. Хотя у серых и кобольдов тоже клыки есть.

– А что колдовство может?

– Много может. Точнее, могло очень многое. Прежние знания утеряны.

– Это лечить и изменять, например?

– Изменять и сейчас могут, эльфы, например. Они-то знаний хоть и изрядно подрасттеряли, но все же многое сохранили. Я лечить могу, убивать тем же, чем и лечишь, тоже не сложно. Нечисть могу уничтожить. Много, но до магов времен Империи мне очень далеко.

– А огненные шары кидать можешь?

– Нет, а зачем? Заставить вспыхнуть огонь и так можно, где хочешь. Разве нужны на это силы? А чтобы пламя в шар загнать... Зачем? Что-то же должно гореть там внутри?

– Так что дальше было, как предков-то создали?

– А дальше мы эльфов гонять начали. Происхождение втайне удержать не удалось, да никто и не пытался. Отчего Совет князей такое решение и принял. Мол, все испорченные эльфы должны быть истреблены, чтобы не оскорбляли своим существованием Перворожденных и, понятно, чтобы не убивали их. Потом к испорченным эльфам присоединили испорченных людей и гномов. Если быть точным, поначалу эльфы и без решений Совета орков в плен не брали. А когда узнали, что их самих в орков переделывают...

– А гномы?

– Гномы, хе-хе, нет. Единственные, у кого ума хватило не поддаться ненависти к родственникам. Вон, племянник князя кобольдов лет пять назад гному-жену привез в Белые горы. Торгуют с коболями вовсю, роднятся, бывает. Даже с эльфами переругались из-за того, что те кобольдов до сих пор не признают родственниками гномов.

– Так и не признали?

– Нет, решение Совета князей не подлежит отмене. Никогда, во всяком случае, такого не слышал.

– А как мы обычно отвечаем на такие налеты, как на нас? Так же?

– Так же. В следующем году, возможно, дружина пойдет. Наша, или сам конунг даст еще своих в помощь. Нельзя спускать такие вещи.

– А если кто из наших эльфов первым пощупает? Ничего страшного не будет?

– Они все равно нас ненавидят. Замириться, может, и можно будет, чтобы таких карательных походов не было, только нормальные, за добычей. Но это возможно, только если вырезать весь Совет князей, со всеми свитами, подчистую. Ответный поход, скорее всего, даже не на этот дом будет. На первый попавшийся. Чтобы их князьки на Совете друг с другом ругались.

– Сильно этот дом пострадает, если всех походников, что у нас сейчас шатаются, истребить?

– Не знаю, насколько он велик. Хотя его значки в бою видел. Во всяком случае, пострадают они чувствительно. Даже не столько сопляков своих потеряв, сколько Приносящих Смерть лишившись и Охтарона. Может, и вторым отрядом кто знаменитый командует.

– Ты так говоришь, будто знаешь его?

– Слышал только, может, издали когда-то и видел. Но прямо в бою не встречались. Ты, юноша, не слабую славу приобретешь, когда все как узнают, кто его убил. Знаменитый был воин Охтарон, еще с времен Империи.

– Отрадно. А люди, что в Оркланде живут?

– Что, не знаешь? Люди как люди, даже не люди, а Кровь орков. То потомки выживших после Великого мора людей, живших в Империи. А наши они потому, что их предки вместе с нашими в одном строю в бой ходили. И преобразится не смогли или не успели. Да и в жилах наших немалая доля людской крови течет. Женщин-то маги преображали неохотно. Может, и от этого они мало чем отличаются от человеческих и эльфийских женщин.

Тут старик навел меня на мысль.

– Слушай, а почему у меня кожа такая светлая и руки нормальные?

– Для кого нормальные, а для кого и нет, – хмыкнул он, – об этом надо было спрашивать твою матушку, а не меня. Кожа у тебя от нее. Руки, наверное, тоже.

– Ты что хочешь сказать?

– Бабка или дед по матери у тебя не из наших. Больше не знаю. Гадать не буду.

– А что это за ценность у меня на шее висела? Ты, помнится, говорил?

– Не притворяйся, что не понял. Не знаю как, но оказалось, что к тебе Амулет бессмертия попал.

– Меня вообще-то там убили.

– После чего душа твоя была перенесена в тело Края. Ты начал жить вторую жизнь. Император с десятков жизней так прожил. Но секрет телесного бессмертия все равно не открыли, хотя эльфов – жуть, сколько перевели. Больше не спрашивай, я ничего особенного не знаю, просто догадался. Об этих амулетах вообще никто ничего не знает, кроме названия.

– Если Император десять жизней прожил, как души-то делили? Когда его личность из второго тела в третье переносилась?

– Я же сказал, не знаю. И никто не знает. А если и знает, то молчит.

В следующей части беседы рассказчиком был уже я.

На следующий день под вечер мои дамы и Ангар первый раз очнулись. Перед поцелуями с сестрой, пожатием руки Анггару и долгим держанием ручки Эрики я понадежнее спрятал большую часть доспехов. На будущее пригодится – продать что-нибудь или как-то еще пустить в ход.

Хоронили родичей мы весь день, в общих семейных могилах. Тела эльфов давно сбросили гнить в ров, благо был сух. Головы украсили частокол фронтальной стены. Пленные сидели в яме. Семью Анггара похоронили вместе с моей. Их отец и муж встал на защиту дома и убил нападавшего. В данном случае спесь была не к месту. Также поступили с телами бывших рабов, которые погибли, защищая борг. Рабов, такой чести не удостоившихся, зарыли в братских могилах.

Под вечер по реке пришли три корабля, набитые воинами в доспехах. На первом из них находились живехонькие Снорри и Рольф.

Глава VIII

Той ночью они выжили чудом. Когда спавших в ладье атаковали эльфийские лучники, Снорри и Рольфу повезло, их не зацепили первые стрелы. Оценив количество нападавших, они не стали обряжаться в доспехи, а сиганули за борт с одними мечами. Ушли от стрелков, выбрались на берег, двинулись вниз по течению, чтобы оторваться от эльфов и предупредить встречные корабли. С нашим драккаром они разминулись, а может быть, враги его успели перехватить. В общем, не встретили никого.

Добрались до ближайшего борга, подняли тревогу. Снорри спустился в Кортборг, где был один из его домов, одел голову змея на форштевень своей шнеки, набрав экипаж из работников, соседей и наших родственников. Борг снарядил второй корабль. Поднимаясь вверх, встретили еще один корабль, который присоединился к флотилии.

Никаких кораблей по пути не нашли, очень торопились в Тайнборг. Увидев нас живыми, сначала обрадовались, только потом сообразили, что встречающих необычно мало.

Тридцать три головы на частоколе произвели должное впечатление. Но гораздо острее прибывшие переживали резкое сокращение числа жителей борга. Срочно собранную команду мстителей чрезвычайно озаботила информация о втором эльфийском отряде, который ушел в низовья.

Среди прибывших были близкие родственники всех погибших семей, в том числе младший брат отца Кнут и мои двоюродные братья Эрик и Седрик.

Указывать известное нам местоположение ладьи и драккара, сообщенное пленными эльфами, ни я, ни Сигурд не спешили. В этом случае действовало морское право – кто первым захватит потерянное хозяевами имущество, тот и владелец. Не разглашали мы и сведения о месте предполагаемой эвакуации карателей. Нам совсем не улыбалось подарить свою потенциальную добычу – имущество врагов и их корабли – дружине или хераду, собранному не нами.

Старый колдун, поговорив с хевдингами кораблей, предусмотрительно увез эльфов к себе в пещеру.

Родственники, естественно, могли ночевать у нас в доме, с ними я пригласил и Рольфа. Тот не отказался, но как-то замялся. Родня тоже посматривала странно, кроме Снорри, тот вел себя абсолютно нормально. Поэтому я не обратил внимания на мелочи и, как выяснилось, зря.

Неладное обнаружилось, когда братцы начали с хозяйским видом бродить по усадьбе, всюду суя свой нос. Чего дядюшка Кнут, правда, себе не позволил, но и племянников тоже не одернул. Снорри смотрел и помалкивал, пока не вмешиваясь. Я промолчал, но начал закипать. Терпению пришел конец, когда, поужинав в мертвом молчании, ребята решили расслабиться пивом. Младший из них, Седрик, спокойно встал из-за стола и полез в погреб:

– Седрик, золотце! Ты куда это полез? Скажи мне! – полыхнул жар обуревавших меня чувств.

– За пивом, братец, – погано ухмыльнулся родственничек.

– Так разрешения спроси или подожди, пока хозяин достанет, иначе без рук остаться можешь.

– А с чего это трус требует, чтобы его разрешения спрашивали? – включился Эрик.

Вот это да! Осталось понять, кто этих умников просветил.

– И скажи мне, как в ваши куриные мозги попала такая мысль?

– Ты рот закрой, пока язык не вырезали. А кто же, как не трус, тот, кто один выжил из охранявших борг? И появился, когда родичи, что проснулись, почти всех эльфов перебили?

Вот оно что.

– И откуда тебе это известно, скажи мне?

Снорри хрюкнул. Кнут и Рольф недоуменно покосились на него.

– Колдун хевдингам рассказывал. Снорри среди них был, он подтвердит. Так что помалкивай, трус поганый. Нет слова твоего в кругу мужчин.

Снорри заржал в голос.

– Ты, Край, братьев за глупость не режь. Не виноваты они, что у них мозги и впрямь куриные. Родителей их пожалей, не думали они, что сыновья вместо мозгов ушами работать будут. – Братья дернулись, будто их изнутри что-то кольнуло. Снорри повысил голос: – Вы, псы лающие! Да как вы смеете рты на брата своего открывать? Сколько голов на частоколе? Тридцать три? А то, что шестнадцать из них брата вашего работа, пленного не считая, ваши уши не услышали? Грязью не вовремя забиты оказались? – Кнут открыл и закрыл рот, наверное, собирался осадить купчину, унижающего племянников, но вовремя сообразил, что не прав. Снорри продолжил разнос:

– А ведомо ли вам, что у брата вашего в доспехах четыре наконечника застряли, в грудь попавшие? Что пятый болт ему полщеки и полуха содрал? Что он один, раненый, с десятью эльфами на стене и в башне бился? Сражался так, что уцелевших врагов перепугал! Сами, с тына прыгая, ноги себе ломали! А как побил всех на стене, так на помощь в борг побежал! И там эльфов порубил, что последних защитников добивали!

Длинноухие братья открыли рты и вытаращились одновременно...

Вот это называется пиар! А я думал, что информационные технологии – порождение гораздо более продвинутого общества! Куда там Джорджу Бушу с так и не найденным оружием массового поражения в Ираке! Это же надо было кому-то так все вывернуть наизнанку, изобразить меня в наихудшем виде, и при том ведь ни слова лжи! Куда там доктору Геббельсу! С десятью эльфами зараз бился! Ха! Да они бы меня сделали в десять секунд. И доспехи бы не помогли. Стрелял в них, да рубил со спины. Ха! Из всех, мною убитых, только одного эльфа я победил в прямом поединке. Всех остальных либо пострелял, либо порубил, используя фактор неожиданности. Собственно говоря, я выжил только потому, что действовал тактически правильно. О чем, ха, неизвестный пиарщик даже не заикнулся.

Ни черта себе, со старикашкой скорешился! Снорри, при всем к нему уважении, вряд ли мог выдать экспромтом такой репортаж. А вот Сигурду на такое мозгов хватало с избытком. Хотя и Снорри тот еще жук, промолчал, позволил братцам высказаться, а потом и опустил их до уровня канализации, пардон, выгребной ямы.

Кнут молчал. Снорри ухмылялся. Рольф рассматривал меня, будто впервые увидел. Братья, избегая моего взгляда, в основном зыркали друг на друга. Я прикинул варианты, желания деликатничать не было:

– Пошли вон из моего дома. Оба. Нет у меня братьев отныне.

Седрик попытался что-то сказать. Эрик покраснел. Я вытащил из ножен и воткнул в стол мизеркорд:

– Еще слово – и вас вынесут.

– Зачем ты так с братьями? – включился дядя Кнут.

– Какими братьями? Нет у меня их. Не слышал? Мне колдун ничего про трусость не сказал, из выживших тоже никто не обвинил. С колдуном эти двое не разговаривали, даже с детьми не общались. Чужой разговор подслушали, да подслушать толком не смогли. И не разбираясь, в чужом доме, где кровь родных еле высохла, они как хозяева за пивом в подвал лезут? Так братья себя ведут?

Тут прорвалось нервное напряжение последних дней. Я заорал и вытащил из стола кинжал:

– Пошли вон, я сказал! Пока ходить можете!

Дядя Кнут и Снорри вскочили, стали меня успокаивать, стараясь держаться подальше от кинжала.

Братья, не глядя на меня, покинули дом.

Утром, успокоившись, я договорился с Кнутом об аренде семейной недвижимости за десятину от дохода. Он был не прочь переселиться с семьей в Тайнборг. После вчерашнего представления дядюшка даже не торговался.

Тем же утром вниз ушли оба драккара. Погружаясь на них, братья избегали смотреть мне в глаза. Утром экипажи отплывавших кораблей рассматривали меня, как дикий зверя, правда, молча. Снорри со своей шнеккой остался, колдун попросил. Уплыл и Кнут, утром успев наскоро ознакомиться с хозяйством.

* * *

Чуть позже в доме появился колдун, и в моем присутствии состоялся серьезный разговор между ним и Снорри, которого мое участие в переговорах определенно удивило, однако было оставлено без комментариев. Узнав, что его ладья, по всей вероятности, цела и невредима, купчина явственно приободрился. Судьба экипажа нашего драккара не составляла тайны для Снорри, от нас он узнал только подробности. Когда Сигурд сообщил о возможности отомстить и даже на этом заработать, широкая физиономия Снорри стала похожа на морду кота у крынки со сметаной.

Оставив часть экипажа шнекки охранять поселок и посадив крестьян на весла моего корабля, мы спустились вниз. Снорри и колдун даже взяли с собой второго эльфа, чтобы долго не искать. Никто не обращал внимания на вопли бедолаги, когда его тащили на корабль. Лечить переломанные ноги пленного карателя Сигурд и не собирался, только в лубки замотал.

Я остался, исполняя обязанности боргмана и хевдинга одновременно, как единственный выживший в поселке мужчина. Старшим из оставшихся воинов был Эгиль, немолодой мужчина, двоюродный брат матери Эрики... Он, как и все его подчиненные, обходился со мной подчеркнуто уважительно. С просьбами рассказать о подвиге тоже не приставали. Этаким заговор молчания. Я был рад, помня о пословице: «В лучах славы одному купаться нельзя, кто-то должен сторожить вещи».

Застукав нас друг с другом, он воссиял и в дальнейшем всячески выказывал мне свое расположение.

Раненые постепенно выздоравливали. И Хильда, и Эрика уже разговаривали, чувствовали себя получше, даже пытались встать, что действительно удивляло. Это после проникающих-то ранений в грудную клетку! С Ансаром было сложнее, ему до сих пор требовалась помощь наших внештатных медсестер. Попытки девушек высказать неудовольствие тем, что их заставляют ухаживать за человеком, я пресек одной фразой.

– Кто из вас кухонным ножом эльфа в доме убил, оружие снял и на других кинулся?

Ответа не было. Похоже, для Ансара большинство проблем освобожденного раба-человека в общине орков в будущем отпадало. Во всяком случае, даже на вдове жениться ему бы большого труда не составило. Мастер-кузнец, свободен, как воин себя показал. Претендовать на него как лойсинга я не собирался. Свой полный выкуп он уже заплатил, кровью.

В свободное время я занимался женской работой: найдя кучу тряпок нужных цветов, шил гилли-сьют, он же костюм Гилли, он же маскировочный костюм «леший» на основе эльфийского плаща.

Вернулись Сигурд и Снорри на пятые сутки, таща на буксире найденные корабли. Драккар представлял страшное зрелище, испещренный многочисленными заколами от стрел. Почерневшие опухшие тела наших погибших так и застыли в разных позах, только двое из них были в доспехах. Большею части оружия не было, насчет остатков добычи судить сложно – неизвестно, сколько растащили эльфы.

Освободив драккар от всего, что еще могло пригодиться, тела разложили по румам, потом завалили мелко наколотыми дровами и полили маслом, готовя огненное погребение.

Следующим утром все выжившие обитатели поселка, включая специально вынесенных раненых, смотрели, как старый Сигурд выстрелил горячей стрелой по стоящему напротив поселка на якоре драккару. На корабле загудело пламя и страшно закричал привязанный к мачте эльф.

Глава IX

Для перехвата второго эльфийского отряда решили выйти на двух шнеках, нашей и Снорри. Причем в качестве второй шнеки должен был выступить наш семейный корабль – тот самый, на котором я ходил однажды с инспекцией на заимку углежогов. Перед сожжением израненного драккара с телами наших погибших я снял волчью голову с форштевня, намереваясь установить ее на носу своего корабля, таким образом обозначив его перевод в боевой плавсостав. Перед походом наше пока еще торговое судно вытащили на берег просмолить. К слову сказать, значительная часть подчиненных Снорри встретила идею экспедиции с воодушевлением. Поскольку им рассказали о походе в общих чертах, не вдаваясь в детали, большинство решило, что готовится краткосрочный рейд с целью пограбить какой-то из прибрежных эльфийских Домов.

Насчет второго эльфийского отряда возникло предположение, что его могут перехватить родовичи или дружина ярла. Однако ни нам со стариной Сигурдом, ни наиболее опытным воинам из команды Снорри в это не верилось. Уж больно рационально работал этот Охтарон, вряд ли второй командир менее опытен, чтобы не двинуться поближе к дому, когда сильно запахнет жареным. Да и переход по Мертвым землям до места эвакуации требовал времени.

Его-то терять и не следовало. Очень кстати появились наследники погибших и новые переселенцы.

В моем случае это была семья дяди Кнута, прибывшая со своим барахлом и несколькими рабами на шнеке дедушки Ульфа. Дед, разумеется, прибыл с ними, а вот то, что кроме него приплыл Харальд, отец Эрика с Седриком, меня удивило. Но еще больше удивило появление самих братьев.

Я как раз тренировался в полных доспехах и, узнав о прибытии родичей, пошел их встречать.

Церемониально приветствовав деда и дядюшек, я демонстративно обошел вниманием братьев. Харальда это задело, но он смолчал. Пригласив гостей к себе в дом пообедать с дороги, я не включил в число приглашенных ни Эрика, ни Седрика. Харальд снова промолчал, хотя было видно, что хочет высказаться. Взгляды его и моих двоюродных братьев, как, впрочем, и дедушки Ульфа, то и дело упирались то в шрам на щеке, то в следы от стрел на бригантине. Но сообщать обстоятельства получения боевых повреждений я не спешил.

Дед кивнул Харальду. Тот неожиданно низко поклонился:

– Прости сыновей моих за оскорбления, тебе нанесенные. Прими дары от них, виру за оскорбления. Не со зла, по глупости. Ради меня прости.

– Прости их, внук, понимаю, каково тебе оболганным себя чувствовать. Тем более от родных. Когда родители погибли, – включился дед.

Я задумался, сам патриарх рода передо мной унижается, да и дядюшка тоже, а он весьма и весьма гордая личность. Если нахамить, ничего не скажут, но не простят. Оно мне надо? Дед пришел на поклон к внуку не ради этих двух дуралеев, а ради укрепления рода. Потом он братьев, понятно, вымоет и высушит, если уже не сделал этого ранее. Может, добавит еще. Судя по всему, и сын его не избежал выволочки, вон как глаза прячет.

– Только ради вас, дедушка, и вас, дядя. Но не забуду никогда. Попробуют повторить такое, кровью ответят, пусть и родной, – ответил я максимально честно и прямо. Деликатничать настроения не было. Харальда упоминание про кровь задело, да и деду тоже не понравилось. Братья покраснели, если это так можно назвать.

– Приглашаю вас, братья, в моем доме с дороги поесть и с дороги помыться, – как ни в чем не бывало заявил я, выделив ключевые слова.

Те извинились сами, вручив мне дары: в виде неплохой кольчуги двойного плетения, дедовой с дядями работы, и хорошего меча. Лучше бы шлем с ожерельем подарили...

В доме родню встретили Эрика и Хильда, которых я забрал, как пошли на поправку. Когда я предложил Эрике жить пока у меня, ее щеки стали пунцовыми, но тем не менее она согласилась. Учитывая предыдущий жизненный опыт, такая девушка – далеко не самый худший вариант. В любом случае, многоженство не возбранялось, как и разводы. Хотя, вообще говоря, не только о свадьбе, но и об общей постели говорить было рано, пока Эрика окончательно не выздоровеет. Поэтому я поселил девчонок в спальне родителей, повесив на стену кольчугу и оружие эльфа – трофеи Эрики, Ансгара тоже забрал домой, тот лежал у себя.

При виде Эрики дед хмыкнул, глянув на меня. Я пожал плечами.

Как раз появились колдун со Снорри. За обедом посвятили прибывших родичей в некоторые детали плана. Дед был обеими руками «за», отца он любил. Настолько, что собрался идти с нами сам и настоятельно порекомендовал провинившимся братьям присоединиться.

С количеством живой силы проблем не было. Для захвата кораблей нужны были кормчие, знающие побережье и достаточно опытные в морских боях. Я высказал сомнения в том, что удастся перехватить все корабли, способные перевезти минимум сто пятьдесят лошадей и до сотни эльфов, всего двумя шнеккарами:

– Не мало ли?

Сигурд захохотал:

– Ты не иначе, чем в ярлы метишь, а то и в конунги. – У деда дернулось лицо. Колдун продолжил: – У них будет не более восьми-десяти кораблей. Эльфийских из них – один или два, чтобы воинов забрать, а то и ни одного. Или вообще может быть один эльфийский корабль, только для воинов, а лошадей просто бросят. Это же не боевые кони, у эльфов они стоят дешево. Они все вместе не стоят и половины тех доспехов, что с наших поснимали. Вот представь, взяли мы в долю еще два драккара, а эльфов забрать придет один корабль. Как нам добычу делить? Не говоря про то, что с наших родовичей снято, – и его тоже делить придется.

– А если восемь придет?

– Ничего страшного. У них команды небольшие, людей по двадцать, и те не воины, а в большинстве матросы.

– Если команды небольшие, то почему не боятся у берегов Оркланда ходить?

– Вообще-то не Оркланда, а Мертвых земель. До людей там ближе, чем до нас, если плыть. Могут морскому конунгу с островов за безопасность платить или дела с ним иметь, – пожал плечами включившийся в разговор дед. – Или конунгу какому-нибудь из Оркланда. А может, и тому, и другому. Заберут, скажем, лошадей у эльфов по дешевке, сами погрузят, на острова или вон в Брандборг доставят, где нашему же конунгу их и продадут.

– Не понял. Так они и с эльфами, и с нами дела ведут?

– Ну да, – пожал плечами на этот раз Снорри. – Об этом, правда, не болтают, иначе защита конунга на них не распространится.

– Я тебе вот что еще скажу, ты думаешь, эльфы этих кляч от самого своего леса через море тащили? Как бы не так, делать им больше нечего. Купили они лошадей, у людей купили. У людей и корабли наняли, и с высадкой помогли им тоже люди. Заберут лошадей опять-таки люди. А потом, скорее всего, они к нам направятся продавать коняг, уже получив с них доход.

– А люди могут подставить эльфов?

– Могут, только Приносящие Смерть и среди людей известны. Эти живодеры никого не пожалеют. Иногда случалось, что купцы подводили эльфийские отряды под удар дружины, в засады заводили. Но очень редко. Не всякого купца эльфы нанимают.

– Неужто матросы проболтаться не могут?

– Сигурда спроси. Может ли кто, если он запретит, проболтаться, – это буркнул дед.

– Не только не сможет. Но и умрет или с ума сойдет, если к нему в память полезут. И не я один такое умею. Несложное колдовство. Собственно, это умеют все сколько-нибудь сильные колдуны, если было, кому научить. Обойти заклятие можно, но очень тяжело – и то, смотря кто ставил. Это уже удел немногих. Проще сделать так, чтобы не подействовало. Заранее.

– Зачем тогда нам вообще купцов привечать?

– А добычу куда сбывать? Что делать-то с ней, если купцов не будет? А нашим в иных странах вообще нельзя появляться. Или эльфы убьют, или местные люди.

Интересный, однако, расклад! Оказывается, бандитская цивилизация моих новых родственников прочно интегрирована в мировую экономику.

– Но если купеческие суда на горячем перехватить, когда они эльфийских убийц забирают, им никто не поможет. И тогда те, кто ранее этих купцов принимал, будут с них кожу драть. Так что эльфам проще на один торговый корабль сесть и к себе вернуться или на своем уплыть. А матросы купеческих кораблей переловят лошадей, погрузят их на оставшиеся суда и дальше поплывут, продавать. Или еще как могут извернуться. Например, заранее несколько пастухов высадить, те лошадей заберут у эльфов, а корабли потом придут, – развил тему Снорри.

– Итак, понятно теперь, что никто не отдает чужим такой кусок, как пять-десять кораблей купчишек, с эльфами повязанных? Тем более, если они по одному-два приходить будут? Они ведь и не только лошадей перевозят, – наставительным тоном изрек дед.

Ничего себе средневековье! Какие-то коммерческие войны с активным участием спецслужб. И все ради денег. Какая, на хрен, слава? А я-то думал, все просто: «Приплыл-ограбил-оценил». Интересно, наши земные викинги, варяги и ушкуйники свои делишки так же обтяпывали?

Дед уплыл искать кормчих, знающих побережье в нужном районе, и кидать клич желающим сходить в карательный поход к эльфам, увезя с собой не пожелавших принять участие в деле. Я между делом заказал ему практически закрытый шлем с развитыми нащечниками, нарисовав его в натуральную величину. Сказал, что меняю на подаренную двойную кольчугу. Дед хмыкнул, обмерил голову и сказал, что мастера успеют, а с платой, мол, разберемся.

Мы начали готовить шнеккар к походу. Я думал было, что дед, как прожженный капиталист, попытается на своей шнекке в дело влезть, хозяин корабля-то получает по доле за рум. Однако дед посмотрел нашу шнекку, сказал, что хороший корабль, и отбыл. Похоже, я недооценил или его бескорыстие, или разнесенную воинами со слов колдуна свою новую репутацию. С точки зрения деда, это можно понять: в моем лице возникла новая надежда улучшить позиции всего рода в неофициальной табели о рангах клановых родов и составляющих их семей. Еще бы, внук пятнадцать эльфов за раз прикончил. Кому при скандале бросишь в лицо, сразу заткнется. Крыть нечем. Тут и воины, на деда глядячи, сплетничать начнут, не говоря о женщинах.

Словно в подтверждение, меня начали осаждать девушки из прибывающих в борг семей, причем по всем правилам искусства. Спокойно нельзя было даже нужду справить. Из воздуха материализовывалась сразу одна или даже две девицы, кидая на меня ласковые, а друг на друга – злобные взгляды. Иногда с матерями. Эрика чуть не дымилась. Ее родня еще только собиралась к отъезду из Кортборга. Дядька Эгиль, видать, сообщил, что время есть, она в надежных руках. Двоюродные братья и сестры вообще одолели, желая в очередной раз узнать, как это я эльфов рубил. Эрика с Хильдой переехали в старую комнату девчонок.

Дядюшка Кнут с женой, глядя на нас, удивлялись, почему она не поселилась у меня. Похоже, Эрика им понравилась. Страшные слова: «Судьба, это судьба, тебе не скрыться от нее» били по мозгам все чаще, вызывая мурашки по телу.

Вечером накануне отплытия мы долго сидели на пристани.

Поздним вечером, помывшись в бане, я пришел в комнату и почти засыпал, когда услышал шорох. Вошедшая Эрика снимала рубашку. Я сел и привлек ее к себе...

* * *

Утром нас бесцеремонно разбудили. Тетка Сигрид заорала в проем:

– Поднимайся, походник, без тебя уплывут!

Вполголоса выругавшись, я поднялся, начал одеваться, Эрика одевалась за спиной. Перед тем, как выйти, мы обнялись и поцеловались, прижавшись друг к другу.

Раздался новый вопль тетушки:

– Хватит тут миловаться, умываться идите!

Когда выходили, тетка улыбнулась и приобняла Эрику.

– Беги в баню, девочка.

Дядька ухмылялся рядом. Положил руку на плечо:

– Молодец, давно бы так. Хорошая девушка и род у нее хорош, да и силен весьма.

Северный белый пушной зверек! Ну, что за деревня. Все обо всем знают.

Эрика повисла у меня на шее, всплакнула... И вот я встал в строй приготовившихся к смотру походников. Взял с собой топор, оба меча, рогатину, два боевых кинжала, включая мизеркорд, весь комплект доспехов и трофейный арбалет с дополнительным приспособлением для натягивания тетивы, которое недавно сделал. Чуть не забыл сверток с костюмом «леший».

Я старался не обращать внимания на недоуменные взгляды, которые привлекал сначала арбалет, потом его владелец, а посматривали все, вплоть до знакомого хромоногого эльфа. Только старый Сигурд понимающе ухмылялся от рулевого весла.

Интерес к моей экипировке и вооружению усилился, когда начали снимать и укладывать оружие и доспехи в рундуки. Когда я снял кольчугу, очень заинтересовались бригантиной, которую, кстати, без кольчуги я до того носил редко. Особое внимание было уделено квадратным дырочкам в коже, не постеснялись поглядеть и на стальные пластины с обратной стороны. Убедившись в наличии пробоин и вспучившегося металла, качали головами и расходились по местам.

Спустившись к Кортборгу, встретили деда. Старина Ульф не забыл о моем заказе, так что шлем я получил.

Через два дня оба шнеккара подошли к устью реки.

* * *

Благополучно пройдя борги в районе устья, мы развернулись в сторону цели.

Кормчим у нас шел пожилой Ульрик А'Тулл, еще один родственник Эрики, брат ее деда и, что представлялось весьма вероятным, будущий мой родственник. От таких предчувствий меня мутило больше, чем от моря. По крайней мере первое время, пока не привык и к морю, и к двоюродному деду Эрики. Страшно терять свободу в столь юном возрасте, каким бы капкан ни выглядел привлекательным.

Ульрик начал приобщать меня, как хозяина корабля, к основам мореходного искусства. Наверняка по просьбе колдуна или деда. Сигурд как-то абсолютно естественно вошел в роль фактического хевдинга корабля и херсира похода, что меня удивило, честно говоря. Снорри, бывший десятник ярла и успешный купец на своем корабле, всегда отличался независимым нравом. Дедушка тоже не подарок, он выглядел чуть ли не ровесником колдуна а то и старше, и, вдобавок, шел пусть не на своем, но на принадлежащем внуку корабле. И оба даже не вякнули ни слова против, не оспорили командные полномочия Сигурда. Кто же такой колдун, чтобы

обладать таким весомым авторитетом? Да, старик явно не прихвастнул, что не всегда в глуши жил.

Первый же вечер после выхода в море кормчие посвятили допросу эльфа, естественно, при помощи колдуна. Отчего добровольцы из других боргов стали заметно больше его уважать. Я бы сказал, начали побаиваться.

Первый допрос эльфа дал немного информации кормчим, хотя колдун полностью контролировал состояние пленника. Оказалось слишком много похожих одна на другую бухт. И тут впервые за все время нашего знакомства Сигурд меня действительно потряс.

Он достал подозрительно знакомые кисеты, в переносном железном очаге вскипятил воду, намешал эту гадость, подождал, пока заварится и остынет, потом через воронку залил жидкость в глотку эльфа. После примерно часа ожидания эльфа стало распирать от удовольствия, судя по счастливой физиономии, он явно пребывал наверху блаженства.

Сигурд что-то пошептал, помахал руками, потом шевелил слегка светившимися пальцами вокруг головы эльфа еще с часок, к концу которого допрашиваемый уподобился кукле, монотонно отвечающей на вопросы. Колдун попытался еще раз вытащить из эльфа что-нибудь полезное для кормчих, и вновь ответы их не устроили.

Тогда старик достал небольшой хрустальный шар на изящной бронзовой подставке и заставил эльфа смотреть, не отрываясь, на прозрачную сферу, а потом начал задавать вопросы.

Все бы ничего, пока внутри шарика не загорелся огонек. Сам по себе. Согласно законам физики, хрусталу такое свечение не свойственно. Особенно поздним вечером. Сказать, что я был удивлен, значит, приуменьшить впечатление. Но это были еще цветочки. Когда свечение усилилось и заполнило весь объем шара, старик сделал какой-то жест рукой, отчего над хрустальной сферой возникла самая настоящая голограмма. Я впал в ступор. Голограмма изображала именно то, что старика интересовало. А именно, бухту и корабли в ней, выгрузку имущества и лошадей, происходившую среди бела дня. Груз принимали эльфы. Ульрик заорал, что знает эту бухту. Для гарантии прокрутили картинку назад, увидели заход в бухту корабля с этими же самыми эльфами. Запись, как я для себя назвал видеоряд неизвестного технического происхождения, отличалась потрясающе реалистичной графикой, но, к сожалению, была не озвучена. Мы просмотрели еще пару эпизодов. Потом изображение перестало быть связным, пошли какие-то обрывки, разрозненные кадры из жизни допрашиваемого, представлены были все жанры, от блокбастеров до мелодрамы, не брезгуя и низкопробной порнухой. Короче говоря, кинопроектор сломался.

Погасив и спрятав шарик, старик спокойно завалился спать. Эльф все ночь угукал и пускал слюни, даже сходил под себя, бедолага.

Утром Сигурд проснулся как ни в чем не бывало, обратил внимание на эльфа, распротравившего вокруг себя смрад и вонь, воткнул ему кинжал под ухо и выбросил за борт, после чего мы отправились дальше. Я был не в силах удерживать любопытство:

– Слушай, Сигурд! Это что тут было? Что за шарик такой интересный?

– Этот шар называется палантир. А был допрос. Не понял?

– А почему бы его раньше не пустить в ход? Ведь ты память эльфа просматривал? Как, вообще, смотрел?

– Смотрел память, как обычно. Как тебе в свое время. Ты не помнишь, конечно. Перед тем, как мы за столом с тобой говорили.

– Вот как. И что, если бы допрос прошел так же удачно, как этот? Чиркнул бы ножиком?

– Почему ты решил, что я ничего не видел? Твой амулет, например, висел на груди, на тонкой такой цепи. Видел я и, как ты его нашел. – Наклонился и шепнул на ухо, – или хочешь расскажу, как ты горящего раненого тащил из боя?

Да, глубокое воспоминание. Тогда адреналина я хватил с избытком.

– Хотя это все, что я видел. Да, еще как убивали тебя...

Соседи навестили уши.

Сигурд продолжил тихо, почти шепотом:

– Тебе не кошмары снились, это я память твою смотрел. Хоть и без палантира, к твоему счастью. Из-за того, что видел, вас и пожалел.

– После нападения тоже? – обиделся я.

– Нет, просто расспросить было достаточно.

Меня начала душить злоба. Так, надо успокоиться. Злоба – это неконструктивно, тем более, со своей точки зрения он был прав.

– Вернемся к эльфу.

– Палантир придумали для того, что ты видел, и еще для кое-каких вещей. Глубже проникать позволяет.

– А без него как?

– Без него заставить вспомнить то, что надо, тяжело. Почти невозможно. То, что ярко, на поверхности лежит, увидишь без труда. Или то, что связано с этим ярким. А все, что глубже... Зачем мне знать, какую тухлую кашу кто-то ел год назад? А потом в отхожем месте мурьевьев рассматривал? А надо заставить его вспомнить то, что тебя интересует. Палантир подчиняет себе разум того, кого ты спрашиваешь, и ты, управляя через палантир, заставляешь самого допрашиваемого искать в своей памяти то, что тебя интересует. Первые палантиры другими были, они помогали самим видеть, но таких зрелищ устраивать не позволяли. Да только потом быстро придумали, как защиту ставить. Она, к слову, помогает и тогда, когда кто-то без палантира в память заглядывает. Сам любопытствующий с ума сойдет, если вовремя из чужого разума не выйдет.

– А от такого палантира почему не защищает?

– Потому что у него обычных связей с разумом хозяина почти нет, только управляющие.

Вся защита разума в палантире и гаснет.

– А разве нельзя просто не дать кому угодно в разум лазить? Тогда палантир не поможет?

– Как ты глазами запретить смотреть сможешь? И запоминать, что видел? Или слышал?

– Так что с эльфом-то было?

– Овладел я разумом его. И заставил вспомнить, что интересовало.

– А зарезал отчего?

– Все, разум безнадежно потерян. Когда с палантирами по воспоминаниям ползают, такие вещи происходят быстро. Поэтому сейчас при допросах их применяют редко, да и всегда так было. Попытки надежнее, пленные куда больше рассказать успевают. А остальное – так, подтвердить разве что.

– Слушай, а почему у эльфов защиты не было?

– Почему же, была. Я ее еще в борге снял. Пока ты отсыпался. Недостаточно умел был тот, кто ставил им защиту.

Ну, песец! Мне тут, кроме коммерческих войн, еще и ментального программирования не хватало... Куда я попал? Вспомнил:

– Ты же говорил, что защиту снять нельзя? Там, в борге?

– Смотря какую. Таковую, что просто от чужого разума защищает, можно. А ту, что тебя самого убивает, когда начнут смотреть твою память или еще как воздействовать, – нельзя. Ее только хозяин снять может. Или тот, кто его секреты знает.

– А мне защиту можешь поставить? Я, знаешь ли, не любитель кому попало воспоминания показывать, – обозначил я легкое недовольство.

Старик захохотал.

– Доверишь? Только учти, тот, кто ставит, ее всегда снимет. Да, если искусный враг попадется, тоже.

– Куда деваться, кому еще верить, как не тебе, – прошипел я.

Колдун захохотал еще сильнее.

– Ночью. Встанем на стоянку, займемся.

– А откуда изображение попадает в палантир?

– Жертву он выкачивает, ее же силу на показ воспоминаний тратит. В нем самом-то силы не так много, разве чтобы связь установить. Маги Империи хитро придумали. Мало того, что воспоминания берет, так еще и силу самого, кого допрашивают, на это использует. Изображение – обычная иллюзия. Только твой разум этой иллюзией не управляет.

– Так нам повезло, что у них отрядного мага нечисть прикончила? А если чужой облик накинута?

– Если стоять неподвижно будешь. Лицо, к примеру, изменил, шевельнулся, а у тебя подлинное из-под иллюзии полезло. Скрыть иллюзией можно только неподвижные относительно источника вещи. Или управлять ими. Но каждое движение надо безупречно отслеживать...

– А почему ты мне все это рассказываешь? Так подробно?

– Есть причины, но тебе их пока рано знать. Скажу позже. Терпи.

Этим же вечером я подвергся ментальному кодированию с установкой антивируса.

Глава X

Через полторы недели пути мы подошли к искомому району. Пришлось погрести, хотя в основном шли под парусом. Мимо входа в бухту мы прошли именно под парусом, убедившись, что это именно то, что нам надо. Палантир колдуна, к сожалению, не обладал функцией записи изображения, в отличие от более поздних образчиков колдовских камней, по его же словам. Но никто не сомневался. Приметы все, кому было надо, запомнили, тем более что там была характерная гора рядом с портом.

К счастью, местом для эвакуации эльфы избрали ту же бухту, в которой высаживались. По всей вероятности, они не ожидали преследования, а может, еще по какой-нибудь причине. На берегу виднелись каменные пирсы, чуть поодаль – остатки древнего портового городка, очень удобно для погрузки-разгрузки лошадей. Эльфы, во всяком случае, разгрузились без труда. Пройдя километров двадцать, шнеки высадили десант на удобную косу и продвинулись дальше, в подходящую для стоянки бухту.

Эльфов на день выхода из Кортборга точно уцелело около сорока пяти – пятидесяти. Накануне второй отряд карателей обнаружил себя. Пропали два корабля. Их начали искать, наткнулись на эльфов. В общем, когда мы отплывали, у эльфов на хвосте сидели дружинники. Оставалось надеяться, что их погоняют и прорежут побольше.

Мы рассчитывали, что в старом порту соберутся остатки первого отряда и, возможно, люди-пастухи, если эльфы решили пожадничать и забрать лошадок. Маловероятно, что длинноухие оставили кого-нибудь на месте эвакуации заранее. Как очень маловероятное событие рассматривался и такой вариант – второй отряд сразу оторвался от дружинников и успел раньше нас. В это не верилось, слишком далеко, даже для передвижения верхом.

Замысел был прост. Уничтожаем всех, кто уже прибыл к месту эвакуации, и встречаем гостей, блуждающих как по суше, так и по морю. В десант пошли ровно тридцать пять воинов, половина участников похода, включая Снорри, Рольфа, меня, братьев и колдуна. Дед пока остался с кораблями.

Перед высадкой я согнул в станке арбалетный лук и натянул тетиву сперва на свой арбалет, потом еще на два, оказавшиеся на вооружении членов экипажа.

На берег я взял арбалет, рогатину, мечи, оба кинжала, щит, мешок с сухим пайком и бурдюк с водой. Не забыл и о костюме «леший», и о шкуре вместо подстилки и одеяла. Кольчугу оставил вместе с топором на шнеке, ограничился бригантиной в полном комплекте и шлемом с хауберком под него. В результате оказался похожим на грибок, обвешанный разным барахлом. Это живо напомнило некоторых деятелей из моей прошлой жизни. В навьюченном состоянии сходство с грибом было разительным, кстати, их так и называли. Заодно с тоской вспомнил свой рюкзак. Надо будет заняться научно-технической революцией в определенных направлениях, можно даже неплохо заработать. Судя по реакции деда на заказ шлема, успех возможен. Мне сделали усовершенствованный вариант «норманна» с нащечниками. Вот со щитом я здорово ошибся, отсутствовал ремень, чтобы подвешивать за спину – не предусмотрел. Обошелся веревкой, продетой через рукоятку и подвес.

Сохраняя максимальную скрытность, до нужной бухты двигались более двух суток. Время у нас было, а случайности следовало исключить. Даже закоптили все блестящее из вооружения и имущества. Нам совсем не улыбалось наткнуться и быть обнаруженными, например, эльфом, охотящимся в ненужном нам направлении, или попасть под действие какой-нибудь гадости, оставшейся с войны. Колдун-то у нас был, но все равно залезть в рассадник нечисти нам не хотелось. Эльфам из первого отряда, например, обучение мага в этой их Академии не помогло, нечисть его схарчила и не поморщилась. Возможно даже, что обучение придало его мясу некоторую пикантность.

Второй переход мы совершили вечером-ночью, несмотря на возможные осложнения из-за ночной активности крупных животных и той же нечисти. Насколько безопасны окрестности, к сожалению, известно не было, так что это добавляло остроты ощущениям.

Не доходя до остатков городка километров трех, заняли подходящий распадок с текущим по нему ручьем. Самый простой индикатор отсутствия нечисти – наличие лесного зверья и птиц – показывал, что все в порядке. Сигурд подтвердил это и маленько поколдовал, расставляя вокруг лагеря свою магическую сигнализацию.

Потом избранные, в число которых неожиданно попал и я, выдвинулись для разведки населенного пункта и прилегающей местности. Исходя из боевого приказа, наша задача была следующей: выявить количество и местонахождение необходимых для захвата объектов; предварительно оценить силы и боеспособность подразделений обороны и охраны этих объектов, а также размещение и наличие огневых средств на них; наличие, места и характер расположения инженерных заграждений и т. д. Как оказалось, ничего нового я родственникам в этом плане пока подсказать не могу, и без меня все, что надо в таких случаях делать, им в основном было прекрасно известно. Хотя они и обошлись без вышеприведенных штампованных фраз при доведении задачи разведгруппе. Интересно, удалось бы мне подсказать что-то новое в тактике хотя бы первобытным людям, замыслившим налет с дубинами и каменными топорами на пещеру конкурирующего племени в ходе старой, как мир, битвы за ресурсы?

До восхода солнца нам удалось занять подходящую для наблюдения позицию с достаточно широким обзором бухты и частично заросших лесом развалин по берегам.

К сожалению, ни биноклей, ни их аналогов в этом мире не существовало – по вполне понятным причинам. Может, и умели делать при Империи хотя бы подзорные трубы, да, видать, прочно забыли все ноу-хау. Лично меня это несколько напрягало.

В разведгруппе нас было пятеро. Снорри как командир, Рольф, я и двое двоюродных братьев Мика и Свен А'Корты из Кортборга.

Рыжеволосый Мика, здоровенный, как кабан, под два метра ростом, матерый вояка, выглядел лет так на тридцать пять. Татуировку воина он носил на правой щеке. Очевидно, это было модно в свое время. Свен – молодой парень, чуть ниже меня, около двадцати лет от роду. Татуаж он прятал где-то на теле, ко времени его посвящения в моду вошла скромность. Оба в Кортборге жили неподалеку от дома деда.

Копья и щиты в разведку мы не брали, все ограничились мечами, кроме Мики с его здоровенным топором. Взяли немного воды и чуть-чуть пожевать. Снорри с Микой обрядились в чешую. Снорри надел панцирь-жилет поверх кольчуги с хауберком, у Мики был аналогичный, но с приклепанными кольчужными рукавами и юбкой. Рольф тоже носил длинную кольчугу с капюшоном, как и его босс, но на дополнительный панцирь, как и шлем, скорее всего, не хватило денег. Свен, хотя имел приличный шлем, но кольчуга у него была довольно скверной, в коротком кавалерийском варианте с незащищенной металлом шеей, которую немножко закрывал кожаный воротник поддоспешника. Метательное оружие имели я, Мика и Свен. У Мики лук был трофейным, эльфийским.

Все, кроме меня, надели поверх доспехов кожаные рубахи. Я же впервые продемонстрировал родичам изобретение сумрачного альбионского гения в виде трофейного плаща, густо обшитого полосками ткани – результат моей многочасовой работы, завершенной благодаря помощи девчонок, когда те достаточно окрепли. Интерес был весьма сдержанным.

Вид с обрыва, на край которого мы выползли, открывался великолепный.

Слева вдоль поросшей лесом береговой полосы среди развалин виднелись частично сохранившиеся пирсы, полуразрушенные каменные дома, и, судя по всему, когда-то там пролежала булыжная или какая-то еще мостовая. Лес становился гуще только на склоне довольно высокого холма в километре от бухты. Справа под нами протекал знакомый ручей, на его поросшем редколесьем берегу из земли торчали фрагменты обвалившейся внутрь небольшой

боевой башни-донжона, от которой когда-то дугой шла стена влево и вправо, сейчас это была дуга каменных обломков, и то, с одной лишь стороны. Дальше, за бывшей стеной, виднелись руины домов, среди которых попадались и почти целые, разве что без крыш.

В этой части древнего порта пирсы были пригодны для использования и выглядели подозрительно ухоженными на фоне общего запустения. Здесь, как показал допрос пленного, оба эльфийских карательных отряда и выгружали лошадей. Не исключено, что эта бухта служила базовой отправной точкой, откуда начинались рейды эльфов на нашу территорию. Возможно, удобство расположения смогло оправдать расходы на восстановление пирсов.

За пирсами виднелись развалины домов и сооружений, частично скрытые растительностью. В заросли от пирсов уходила если не дорога, то более-менее очищенный от обломков проезд. Еще дальше, у входа в бухту, в основании каменистой косы, под углом уходящей в море, на берегу стояла еще одна башня. Внешне она довольно хорошо сохранилась и, судя по всему, была башней-близнецом донжона, развалины которого лежали внизу, под нами. Третья башня, аналогичная по архитектуре, запирала выход из бухты с другой стороны, от нее по направлению ко второй башне до середины гирла бухты шла прямая линия. Очевидно, волнолом. Приглядевшись к третьей башне, мы заинтересовались ею не на шутку. И дело было не в сохранности этой башни – как и вторая, за исключением верхушки, она была цела. У ближайшего к ней пирса было пришвартовано судно, средних размеров драккар.

Все увиденное облегчало поиск длинноухих злодеев. Поставив себя на их место, логично было предположить, что удобнее разместиться в одной из башен – разумеется, после восстановительного ремонта. Каменные стены надежно защитят от всех хищников и абсолютного большинства нечисти. Вероятность подхода противника с суши крайне мала, при атаке с моря можно либо обороняться в башне, в том числе противостоя десанту, либо уходить. А если на башнях, хотя бы на одной из них установить какую-нибудь противокорабельную зажигательную пакость, то можно нанести серьезный ущерб плавсоставу противника, входящему в бухту. Достаточно не демаскировать себя дымом и огнями, не привлекать внимание проходящих кораблей, чтобы личный состав этой засекреченной базы, временный или постоянный, пребывал в относительной безопасности. Разве что парочка-другая кораблей случайно зайдет переждать шторм. Положим, это затянется на время, достаточное для попытки исследовать развалины. Маловероятно, что кто-то сразу же сунется в руины потешить свое любопытство, все-таки Мертвые земли – это Мертвые земли. Практический интерес тоже можно исключить, ведь по сложившемуся убеждению, портовое имущество, сколько-нибудь полезное в хозяйстве, лет этак пятьсот назад растащено подчистую.

И даже в таком случае всегда есть выход. До обитаемых мест не так далеко, чтобы опытные воины не смогли туда добраться, по крайней мере некоторые.

Оставался вопрос, чей это драккар. Предположить наверняка было сложно. Драккары заказывали для себя или других купцы, торгующие с Оркландом, их могли продавать или захватывать как трофей – вариантов много.

Это даже мог быть оркландский драккар, зашедший в бухту по какой-то причине. Отчего эльфы должны сидеть тише воды, ниже травы и дышать через раз, если еще не сбежали. Тогда был вероятен конфликт с командой драккара, если дело не предназначалось для чужих глаз и ушей.

Мы продолжили наблюдение...

К обеду появилась лодка, и что интересно, довольно большая. Причем отошла не от левой, а от правой башни. Мне это не понравилось. Ткнул в бок Снорри:

- Тут либо эльфов нет, либо дело куда неприятнее, чем казалось поначалу.
- Ты о чем? – влез в разговор Свен.
- Откуда лодка, вот о чем. Ее специально сюда везти надо. А зачем?
- Мне интереснее то, куда она направляется, – добавил Снорри.

– А мне интересно, кто в ней сидит, – хмыкнул я.

В лодке сидели люди, пять человек. В устье ручья суденышко остановилось, все пятеро выскочили и начали наполнять пресной водой находившиеся на лодке бочки, предварительно осмотревшись. Я поглубже спрятал лицо под капюшон маскировочного костюма.

Водовозы были одеты в поддоспешники, без шлемов, но при мечах, которые для удобства позакидывали за спины. Ребята мне не понравились, и в первую очередь, своими мечами. Типично эльфийские инструменты, было время осмотреть собственные трофеи. А еще пятеро людей не понравились мне спокойным, несуетливым поведением.

Логично предположить, что они либо искомым нами эльфов вырезали и поголовно вооружились трофеями, либо разжились мечами раньше, что весьма и весьма говорило об их крутизне и ставило под вопрос возможность разойтись миром, если нас обнаружат. Тут, судя по лодке, была организована постоянная база. Не факт, что хевдинг ее хозяев позволит кому-то перехватить без него судно повязанных с эльфами купцов или разрешит войти в долю, учитывая возможный размер куша. О естественном желании сохранить базу в секрете говорить не стоило. У нас были два корабля и больше воинов, но тоже не факт, что у людей поблизости не имелось ничего покрупнее лодки и никого, кроме этих пятерых бойцов.

Когда лодка отошла дальше, чем на треть поперечника бухты, метров на пятьсот, и стало ясно, что она возвращается к правой башне, Снорри ткнул меня кулаком в бок:

– Сейчас, вместе со Свеном, бегом к Сигурду. Расскажите все что видели, скажи, здесь короткоухие. Тут их самое меньшее двадцать, если по пресной воде брать. Про драккар не забудь. Осторожно по лесу идите. Такой прорве мужчин много мяса надо, могут охотиться. По всей видимости, обе башни ими заняты. Возвращаться не надо, сами вас найдем.

Добравшись до лагеря, я доложил разведданные. Сигурд неожиданно резко усилил охранение и начал инструктаж пятерых опытных боевиков, которого я не слышал, ибо он отправил меня заменить одного из них на периметре. Чередую сон с заступлением на пост, я охранял лагерь. Сам Сигурд, дождавшись Снорри и покормив разведчиков, исчез вместе с ними всеми, включая отобранных, и появился только после обеда, позавтракав остатками сухого пайка. Есть было почти нечего, так, на раз осталось, а костры не жгли по соображениям секретности.

Позавтракав, колдун прикорнул на пару часов. Когда он проснулся, я уже отирался рядом.

– Что случилось? Что за суета такая?

– К делу готовились.

– Неужто нельзя попытаться миром договориться? – удивился я.

– С этими нельзя. Короткоухие это. Не наши.

– Не понял?

– Люди, что эльфам служат, понятно? Потом спрашивай, хорошо? Все, что интересует, расскажу. А сейчас некогда.

Времени на расспросы действительно не было, потому что старик занялся раздачей боевых приказов.

По оценке Сигурда, силы противника доходили до пятидесяти или даже более людей и эльфов, располагавшихся в обеих башнях. Кроме того, на холме слева находился наблюдательный пост. Зачем он был выставлен там ночью, неясно. Командиры противника перестраховались, по всей видимости, но это было кстати.

По решению Сигурда, мы должны сначала уничтожить наблюдателей. По возможности, взяв кого-нибудь живым. После уточнения информации о противнике уничтожаем его, атаковав башни с использованием фактора неожиданности.

По данным наблюдения, большая часть врагов ночевала в левой башне, рядом с драккаром.

Для штурма башен осторожно, без лишнего шума вырубили, а точнее аккуратно вырезали довольно тяжелый деревянный таран. Мы разделились на три отряда. Первый, из десяти бойцов, вооруженных луками и арбалетами, блокировал правую башню и должен был зажать ее гарнизон по объявлении тревоги. Вторую башню блокировал отряд из пятнадцати воинов – на тот случай, если наблюдатели по амулетам подадут сигнал, что на них кто-то напал. Таран забрала вторая группа. К счастью, резюмировал я, здешняя научная мысль еще не дошла до симплексной и дуплексной магосвязи. Максимум, что могли сделать вражеские наблюдатели, это подать сигнал: «Что-то не в порядке».

Остальные, из них только я с арбалетом и Свен с луком, получили задачу уничтожить пост и потом присоединиться ко второй группе.

Глава XI

Пост располагался в небольшом срубе из небрежно отесанных бревен, с узкими окнами-бойницами под арбалет на каждую сторону и с дверью из плах, расколотых клиньями. Стоял на старом фундаменте с остатками стен.

Для взятия этой Бастилии с земляной крышей колдун собрался пожертвовать даже остатками своих порошков, закинув тючок с горячей берестой и тлеющей травой, посыпанной порошками, в бойницу. Он рассчитывал, что спросонья наблюдатели не найдут амулеты, а потом будет поздно, одуреют, после чего мы вырубим дверь.

Все удалось блестяще, пришлось только поволноваться, когда подкрадывались к срубу. Там все спали, даже долженствующий бодрствовать. Неожиданности начались потом, когда все трое пленных умерли при попытке Сигурда их допросить как при помощи палантира, так и без него. Снять защиту ему не удалось.

Это его несколько раздосадовало. Он обратил мое внимание на одинаковые серебряные амулеты у всех троих. Ругался нехорошими словами, показывая:

– Смотри, от морока амулеты, против отвода глаз. Поэтому и снять не удалось. Но без этого амулета попытка отвести глаза убивает.

– Ты же говорил, что нельзя запретить в разум залезть? Только неискусному?

– Говорил, только у них сердце остановилось сразу, как я их разума коснулся.

– А разве амулеты не мешают?

– Мне – нет. И любому, кто знает много. Это через палантир к хозяину не пройти, а такие амулеты разве что морок рассеять смогут, который на всех подряд цепляется. Они полезны еще, когда морок ради кого-то одного накладывают, чтобы именно на него подействовало... Также они умерли бы, если бы амулет ослабел ниже назначенного предела. Того, кто им защиту ставил, жизни их не интересовали, даже если случайно помирать будут. Он и сам, наверное, защиту снять не сможет. Слишком чуткая. Хотя это от слабости, наверное. Если бы не так чутко ставил, можно было попытаться. Хоть с одним могло повезти. Но, увы, не повезло. Страшное дело, после такого мага всю жизнь амулеты нельзя снимать.

Потом Сигурд оставил мысли об ужасах и жестокостях мира, обреченно махнул рукой:

– Хотя от эльфов следовало этого ожидать. Для них смертные, особенно те, что им служат – что курицы из курятника. Надо – голову отвернут и бульон сварят.

Опять задумался. Потом кашлянул:

– Пошли.

Мы начали спускаться по склону, по натопанной противником тропе, когда наконец встретились с местной нечистью.

* * *

Сигурд шел впереди, с копьём в руках. Внезапно он остановился и начал крутить головой, будто приносящаяся, но было поздно.

Сзади слышался непонятный шорох, хрустнуло, слышался звук удара и раздались крики.

Голая бледная человекоподобная фигура с длинной бородой на моих глазах свернула шею орку, неудачно попытавшемуся ударить ее рогатиной, и скользнула по цепи дальше, к Свену. Сзади из кустов торчали ноги шедшего последним.

Свен был удачливее – в смысле удачного удара в живот твари, чуть выше бедренного сустава. Но недостаточно, поскольку у него рогатина была боевой, без перекадины. Тварь дернулась, и рогатина, распоров бок, освободилась. Больше он ничего сделать не успел, кроме

неудачной попытки отшатнуться. Тварь махнула рукой с огромными когтями на пальцах, и голова Свена откинулась на спину.

Мы, это я и бежавший впереди Торин, поравнялись и разошлись в стороны, выставив вперед копыя. Следующей жертвой тварь выбрала меня. Технично скользнула в сторону и зашла с моей стороны. Даже чуть не увернулась от копыя, однако я резанул ее горизонтальным ударом, тоже в живот, сразу же уйдя назад и в сторону. Зашипев, тварь попыталась отбить наконец-ник, одновременно нацелившись рубануть по рукам. Отбила, но отлетели несколько пальцев с когтями, а когда острие копыя ушло в сторону, тварь кинулась на меня. Удар в щит... рука с когтями, угодившая в многострадальный хауберк. Сильнейший удар в колено сбоку, падение. Чуть не сработал некий орган с названием из четырех букв, когда, падая, я увидел рожу твари в непосредственной близости от моей. И нисколько не стыдно – горящие зеленым глаза над пастью, открывающей чудовищные зубы, на кого угодно нагонят страху. В падении я выпустил копые, едва успел нащупать кинжал. Возникший сбоку Торин вбил рогатину в грудную клетку нежити, шевельнул древком. Я ударил ногой в окованном сапоге под колено твари. Та завалилась назад, Торин одновременно попытался пригвоздить ее к земле. Неожиданно тварь обмякла.

Позади стоял колдун.

Все трое погибли. У Свена вырвано горло до позвоночника, у других сломаны шеи. К моему счастью, когти не смогли пробить доспеха.

Нежить когда-то была довольно крупным человеком.

Тела убитых мы оставили на месте и продолжили спуск.

По пути расспросил Сигурда о противнике:

– Это еще что за демон?

– Умертвие обычное.

– Обычное?! Так какие же тогда необычные?

– Почти такие же, только с оружием и умением его применять. Представь такую тварь в хорошем доспехе...

– А как получают они?

– Обычные – это поднятые тела мертвых людей, эльфов и прочих, или там животных, неважно. Разум они не сохраняют, естественно. То, что колдуны вложат, тем и думают, но в таких много и не вкладывают. А в необычных достаточно вложено, чтобы возникло подобие разума. Хватает, чтобы оружием махать, особенно если тело воину принадлежало, и память тела сохранилась.

– Я слышал, чтобы оживить тело, нужно душу в тело вернуть.

– Зачем? Достаточно восстановить тело и создать подобие души, куда проще и безопаснее. А то попытаешься душу подсадить, а выгонишь демона какого, тогда свою бы потом сохранить.

– Так оно что, живым было? Крови же не было?

– Нет, мертвым оно было. Почему его умертвием и называют. Та сущность, что маг создал, мертвым телом управляет. Лечит его, если повредили, и прочее. Собственно, это тело и мертвым назвать нельзя. Что-то среднее между мертвым и живым.

– А энергию, тьфу, силы умертвие откуда берет?

– Убивая. В крови одной знаешь, сколько силы для таких, как эти твари? Они и мясом не брезгают. Бывает и самой смертью питаются. Если точнее, кормятся той энергией, что выделяется при разрушении тонкой оболочки, как при жертвоприношении.

– Если тела мертвы, то как они переваривают пищу?

– Как-то получается.

– Серебро им вредит? – припомнил я штампы массовой культуры.

– Нежити? Обжигает разве что. Раны потом у них плохо срастаются. Но больших преимуществ перед сталью нет. Такую нежить хоть всю серебром истыкай, все равно не помрет. Хотя опасной надолго быть перестанет. Голову разрубить надежнее. Неважно, сталью, серебром ли.

– А голову почему?

– Мозгами мы думаем, как мне кажется. Они тоже стараются.

– Мне представляется, такие умертвия серьезной работы от магов требуют? Отчего их в Мертвых землях тогда так много?

– Не всегда. Там, где когда-то в сражениях бились много магов, нечисть сама собой образуется. Только не умертвия. Гораздо менее опасные твари, просто мертвяки ходячие.

– Почему?

– Тела, например, не умеют раны лечить. Или умеют, но восстанавливают к состоянию пролежавшего пару дней на жаре трупу, каким когда-то восстали. Все, что угодно, может повстречаться на местах сражений. Если в могильник сам не залезешь, эти почти не опасны – не почувствуют. Зато вот такие твари, как мы только что убили, по Мертвым землям могут ходить из конца в конец. Сегодня хоть детей выпускай, а через день сам в одиночку не выйдешь.

– Необычные умертвия, как ты говоришь, тоже с когтями?

– Нет, когти помешали бы держать оружие.

Далее разговор пришлось прекратить. Показалась башня.

* * *

Трехэтажный неправильный восьмиугольник, часть третьего этажа вместе с венчавшей его площадкой разрушена, на первом этаже отсутствовали бойницы – вот такое укрепление нам и предстояло штурмовать. Внутри можно было проникнуть только через дверь, уже запертую и, возможно, заваленную изнутри чем-нибудь тяжелым.

Сигурд собирался штурмовать башню единственным возможным для нас способом, а именно – с налету. Пока мы будем выбивать дверь, полагал колдун, люди в темноте не сумеют достаточно быстро продрать глаза и организовать, не говоря уже о том, чтобы успеть надеть доспехи. Мы не надеялись достаточно быстро перебить ночующих на первом этаже, поэтому наиболее упорное сопротивление ожидалось на втором.

Вряд ли все враги сосредоточатся на одном этаже, не так уж много места, чтобы свободно, не мешая друг другу, здесь могли вести бой тридцать-сорок воинов.

Я попытался оценить возможности проникновения внутрь через бойницы при помощи лестниц или на загравке друг у друга и даже собрался проявить инициативу, но вовремя передумал. Мысль о том, что вот он я, такой молодой и красивый, лезу в бойницу, а какой-нибудь короткоухий злодей вытаскивает неприятного вида ножик и втыкает его в мой нежный и ранимый организм, пришла как никогда вовремя...

По сигналу колдуна восемь бойцов покрупнее приподняли за поперечные рукояти чушку тарана и резво потащили ее к дверям башни. В число избранных вошел и я, поскольку оказался единственным, кто признался, что хорошо владеет левой рукой. Возможно, кто-то не признался из нежелания встать туда, куда угодил я, первым с правой стороны.

По возможности маскируясь кустами и деревьями, стрелки выбежали вперед, чтобы не дать караульным стрелять по таранщикам, когда их обнаружат. Тут часовые не спали, но и у бойниц не дежурили. Определенно кто-то мог услышать пыхтение или звяканье, все же двадцать два мужика в железе при всем желании не могли подкрасться абсолютно бесшумно, тем более с таким бревном на руках. Но было поздно.

Мелькнула тень в бойнице, раздался тревожный крик в башне, шелкнули выстрелы в эту тень, посыпались стрелы.

Таранная группа с разбегу ударила в двери. Весь расчет был на их недостаточную для противостояния тарану прочность. Затрещало дерево. Сигурд ободряюще заорал. Мы, ухая, били в дверь, она поддавалась, треща все громче с каждым ударом, наверху сустились враги, лихорадочно готовясь к обороне.

Еще удар, многоголосый вопль радости, летят щепки, засов скоро отвалится. Громко треснула расщепленная плаха, завизжали петли распахнувшейся двери, из темноты первого этажа полетели стрелы. Тут же одна скользнула по наплечнику, другие просвистели там, где только что были отшатнувшиеся от брошенного тарана парни, один из них упал.

Времени терять нельзя. Решаюсь. Перехватываю малхус и, закрывая щитом тело, лезу в дверь. Удар в щит, рикошет от шлема, успеваю закрыться от удара мечом справа, он пришелся в оковку щита, одновременно сильный удар слева и снова рикошет, шлем выдержал, а за спиной в проем уже лезут наши.

Внутри башни горит лучина.

Я ударил в бок бывшего меня мечом в лицо человека. Противник без доспехов, только со щитом и мечом. Он падает, и я резко ухожу в его сторону, прочь из пятна ночного света Сегулы, одновременно освобождая дверной проем, не забывая закрываться щитом от кольчужника справа. Орк за моей спиной перерубает ему руку. Рублю второго, он в кольчуге, но без щита. Удар от третьего. Закрываюсь щитом, отрубаю руку возвратным движением меча, одновременно двигаясь вдоль стены, вскрываю горло четвертому. Они нас почти не видят. За спиной слышу яростные крики. Парень в кольчуге, но без шлема, пытается понять, кто перед ним, видя только тень. Я отжимаю его меч щитом и, присев, отрубаю ему голень. Крик боли, падающая фигура. Вставая, разворачиваю меч, крик захлебнулся.

Шаг вперед, несколько человек рядом пытаются решить, что делать. Трое прыгают в моем направлении, один споткнулся и упал, второго встречаю ударом в голову, шлем, похоже, раскалывается, закрываюсь от третьего щитом. Но тот вообще промахивается. Чуть сдвигаюсь, промахнувшегося противника рубит появившийся непонятно откуда четвертый и тут же получает удар топором в спину. Отрубаю голову первому из прыгнувшей троицы, движение он заметил слишком поздно. Добиваю жертву, как говаривали в моем прежнем мире, «дружественного огня». Владелец топора бьет мужика у лестницы, раскалывая его шлем.

Сверху усилился свет, открывают амбразуры и зажигают факелы или что-то еще. На орка нападает парень без шлема и щита, с одним мечом и кольчуге, с колчаном на боку. Наш, уходя в сторону, закрывается, парень мажет, я наношу ему рубящий удар в спину. Сильнейший удар сзади отбрасывает меня вперед, продолжая движение, я приседаю с одновременным разворотом и размашисто бью на уровне колен. Меч отрубает человеку голень. Вставая, пробиваю тычком малхуса грудь соседнего противника, стоявшего позади, для рубящего удара возможностей не было. Меч, разумеется, застрял в ребрах. Появившиеся рядом фигуры наших оттесняют врагов от лестницы, идущей наверх вдоль стены, и рубят еще живых, но уже сломавшихся морально врагов, пытающихся уйти на второй этаж.

Подбираю меч убитого, орк с топором спешит по лестнице наверх, я тороплюсь за ним. Передо мной успевает проскочить еще одна фигура. Смыкаем щиты, ныряем в проем, я прикрываю сзади. Мы не одни, за нами наверх поднимаются еще несколько орков.

Щелчки, удары в щит болтов или стрел, одна, скользнувшая под щитом, задевает бок. Сосед падает на лестницу, уворачиваюсь от сползающего тела. Встречные удары мечами – открылись сразу несколько противников, мой укол в пах ближайшего и его рубящий удар, скользнувший по назатыльнику шлема. Удачный удар противника рядом по наплечнику. Шаг вверх, вытасненный из паха согнувшейся жертвы меч бьет следующего врага чуть поверх ступни. Скользнувший по броне удар в живот копьем и удар топором, пробивший насквозь мой щит, не останавливают меня.

Противник пытается вытащить топор. Возвращая унесенный инерцией клинок, разворачиваю лезвие и, выбрасывая руку, перерубаю бедняге ногу под коленом. Одновременно получаю удар в шлем, рикошет. Удар в лопатку, шаг вверх по лестнице, удар в щит, отрубленная нога мужика у основания лестницы. Арбалетчик, бросающий арбалет и схватившийся за меч. Удар в левый наруч, отмах, мимо. Меня буквально выталкивает толпа, давящая снизу. Отбив оковкой щита удар наскочившего противника, наношу укол в район его печени, проворачиваю клинок в ране, он падает на колени. Принимаю удар в наплечник, ответный попадает в щит. Удар в шею, мокро, спотыкаюсь о тело орка с топором, теряю равновесие, отмахиваюсь мечом, снова мимо. Удар. Аут.

Глава XII

Я очнулся, когда уже было светло. Болели голова, шея, спина, левая рука и правая нога. Сфокусироваться удалось не с первой попытки. Рядом на снятой бригантине и пробитом щите валялся шлем с заметными вмятинами и зарубками на куполе. Три меча, включая, видимо, тот самый, с которым лез на второй этаж, и пояс с кинжалами под щитом.

Еще дальше восемь тел. Четверо в доспехах. Двое без брони подавали признаки жизни. Большая куча тел в дальнем углу. Пол буквально залит кровью, запах, как на бойне.

Снизу поднялся Торин. Тоже без доспеха, левая рука в окровавленных тряпках. Увидел, как я хлопаю глазами.

– Очнулся? Молодец, повезло тебе. Первым в башню и на второй этаж зашел. Считай, что лишняя доля с похода за тобой.

Я попытался навести порядок в мыслях.

– Что это было?

– Мутит? По голове тебе стукнули. Как только шлем не раскололи.

– А под повязками что?

– Раны, куда от них денешься. Кстати, а почему у тебя значка воина нет? Я думал, что он на теле выколот.

– Некогда было, забыл совсем про него. Где все?

– Вторую башню осаждают.

– Убитых много? Раненых?

– В башне? Шестеро погибло. Разве что в последнее время. Раненых с десятков. Но серьезно пострадали только вон эти двое. Внизу парня в дверях убили. Всех остальных положили на втором этаже.

– Помогите встать...

– Не навоевался? Сиди, до ночи времени много.

– Почему до ночи?

– Потому что мы ночью видим, а они нет. Ночью колдун штурмовать будет. Сейчас поесть дам. И сам с тобой поем, а то и пожрать некогда. В любом случае отдыхай. Ты в ногу ранен, какой тут штурм...

– Тебя самого когда ранило?

– Тогда, наверху.

– Скажи, а откуда у меня на ноге раны? Не помню...

– Это один из тех, кому ты ноги укоротил, тебя порезал. Силен духом был воин, жалко, эльфам служил.

Торин принес мяса и хлеба из запасов противника. Поели. Торин подал здравую мысль – поспать. Этому весьма разумному совету я с удовольствием последовал.

Я проснулся вечером, опять поел. Пока я спал, количество наших, убитых в башне, пополнилось телами убитых нежитью. Появился колдун, напоил каким-то отваром, я снова отключился.

Утром стало лучше, я смог встать самостоятельно. Число погибших дошло до десяти. Тяжелораненых четверо.

Появился Сигурд. Положил мой арбалет к оружию.

– Что со второй башней?

– Взяли ее. Ночью взяли. Никто, надеюсь, не ушел. Готовимся отряд встречать.

– Где встречать?

– Дорога тут есть, они по ней уходили. Тем же путем должны и вернуться. Поищем удачное местечко для засады.

- Ты обещал про короткоухих рассказать, кто такие.
 - Обещал, обещал. Хорошо. Только вот отвара попей.
- Я попил.

– Так вот. Когда настал Великий мор, множество людей побежали к бессмертным за спасением. Кому-то повезло. Когда кончился мор, в голод опять все повторилось. Позже эльфы уже сами людей ловили.

– Сейчас каждому эльфийскому княжескому дому служат люди, чья работа положена в основу его процветания. Кузнецы, что доспехи куют, крестьяне. Эльфы там господа. Понятно, не бессмертных дело с сохой ходить. И людей много, вплоть до торговцев и воинов. Но это другое. Они считаются почти равными, хотя все равно ниже эльфов. Это люди из касты воинов дома Серебряного Волка. Они приравнены к полукровкам, да и действительно, в жилах многих воинов эльфийская кровь течет. Как сделает эльф ребенка женщине из людей, по праву крови ему дорога только к купцам или воинам. Хотя поначалу наличие эльфийской крови было необязательным. Что тут еще сказать?

– А почему те эльфы не сказали, что помимо Приносящих Смерть, князь еще людей дал?

– А мы их спрашивали? Сглупил я, вот почему. Сильно сглупил. Может, не знал он про них.

– Слушай, а зачем они здесь вообще появились?

– Кто знает? Может, порт понравился, может, князю захотелось пограбить купчишек, не знаю. Пленных мы не взяли. Эльфов было семеро. Один – явно командир этих людей. В таких же доспехах и со значком.

– Как башню-то взяли?

– Щиты большие связали. Закрываясь ими, накидали дров и хвороста под дверь, потом подожгли дверь, и она выгорела. Все эльфы там ночевали, да людей пятеро. Последние двое, эльфы, с башни сами прыгнули.

– У нас сколько погибших?

– Трое от нежити, шесть в этой и один во второй башне. Десять.

– Врагов?

– Пятьдесят один.

– На драккаре сколько румов?

– Двенадцать.

– Это двадцать четыре человека, только одна смена на веслах. Должно быть около пятидесяти людей.

– Я тоже об этом думал. Одна надежда, что этот драккар должен был забрать эльфов.

– Остается надеяться.

– Такое возможно. Тут, мне кажется, эльфы не первый раз высаживаются. И забирают их, возможно, тоже нередко. Бухта-то в заливишке находится, корабли его напрямик обычно переходят. Сюда разве что специально завернут. Тут даже конюшни есть.

– Так сотню эльфов драккар не возьмет, – напомнил я.

– Это так, а вот на эльфийский парусник их может запросто по очереди перевезти. И никто не поинтересуется, что это эльфы у берега потеряли. Мутные тут дела творятся. Ярлу или конунгу обязательно сообщить надо будет.

* * *

Доспехи требовали достаточно серьезного ремонта. Бригантину здорово измолотили, пробоины в левом наруче и наплечнике, на поножах, на спине. Раны, к счастью, неглубокие, самая глубокая – на лопатке, до кости. Хауберк тоже разрубили, но этот, в другом случае без-

условно смертельный, удар задел край панциря. На шее легкий порез кожи над дельтовидной мышцей, и все. Чуть меньше угол удара – и я наверняка отбегался бы.

Когда пришли корабли, я забрал со шнеки свое барахло.

Деду доложили о внуке во всех подробностях, отчего он одновременно загордился и обозлился.

– Ты что, внучек, с ума сошел? Думаешь, бессмертен? С эльфами не успел подраться, так на серебряный браслет замахнулся?

Серебряный браслет, бывало, и с драгоценными камнями, являлся знаком отличия первого, кто взойшел на крепостную стену. Это правило действовало в дружинах. Но конунг или ярл могли наградить и воина ополчения.

– При чем тут браслет? Кто знал, сколько их там наверху было? Нужно было ждать, пока они в доспехи полностью обрядятся? Знаешь, сколько я там ног порубил, потому что их хозяева поножи одеть не успели? Сколько бы нам жизней потом это стоило?

Дед замолк. Потом высказался:

– Родителям погибших будет не легче, если тебя вскоре за ними убьют. Тебе сестру воспитывать и замуж отдавать еще надо. Да и у тебя самого детей нет, род от отца твоего обрваться может. Я этого не хочу.

– Я на Валгаллу попасть предпочитаю лет через семьдесят, а то и через сто самое меньшее. Вверх пошел потому, что так надо было, не более того. А на браслет не претендую.

Дед прокашлялся.

– Ты-то не претендуешь, а те, кто за твоей спиной по лестнице бежали, совсем не прочь его на тебе увидеть.

– Я-то тут при чем? Да и кто мне его даст?

– Вернемся, женю, – стальным голосом заключил дед.

Ну, все, приплыли, на кой черт я туда полез. Инициатива наказуема. И на данные о проценте распада ранних браков не сошлешься. Да и с дедом ссориться ни к чему, тем более из-за Эрики. Представим, что она беременна. Понадеемся, что лет через десять она не будет бить меня сковородой с воплями: «Ты, изверг, погубил мою молодость!»

А приступов нежности ко мне я за дедом ранее не замечал. Неужели смерть отца так повлияла? Вообще и с матерью он не очень-то поддерживал отношения.

– Почему у тебя нет значка воина? – неожиданно напомнил дед.

– Некогда было, да и кому? Все наши погибли, вам некогда, чужим не надо.

Вечером мне на правое плечо набили рисунок, руны альгиз и тейваз в сложном узоре, который еще что-то означал.

Трупы людей и эльфов вывезли и сбросили в море. Орков похоронили недалеко от башни. Разбирая трофеи, я обнаружил доспехи и оружие отца и братьев...

* * *

Нашим замыслам дожидаться отряда эльфов, темной ночью навестить их стоянку и отправить всех по звездному пути не суждено было свершиться.

О полном уничтожении второго отряда говорить, возможно, пока не стоило. Мы не могли ни отдалиться от кораблей, ни дать уйти конному противнику. Оставалось только готовить засаду в окрестностях бухты с целью нанести урон эльфам. Либо надеяться, что они, увидев свою разгромленную базу, тем не менее, встанут там лагерем. И даже не озаботятся усилением охраны.

Несколько напрягало отсутствие информации о противнике. Подготовка нападения на конный отряд в сорок душ – не то же самое, что подготовка к схватке с десятком. Десять противников вполне реально перебить полностью, и никакие кони не помогут. А вот с полусот-

ней пехотинцев создать тяжелую тактическую ситуацию для тридцати всадников достаточно сложно. Если только эти конники не новобранцы.

Кавалеристы, атакующие до последнего, – это для Голливуда. В жизни проще. Как только противник сломался морально, он отступает. Пешего можно настигнуть и убить, развивая успех, с конным сложнее. Весьма немногие прямоходящие способны, неся двадцать – двадцать пять килограммов железа, догнать лошадь.

Местность в окрестностях бухты состояла из участков леса, перемежаемых поросшими кустарником пустошами. Для засады избрали поляну с торчащими из земли валунами, заросшую высокой травой, кустарником и редкими деревьями, километрах в пяти от бухты.

Скорее всего, противник двинется по дороге. Только она в этих местах ведет в нужном направлении и хоть и не сильно, но наезжена. Нужно обладать исключительной подозрительностью, чтобы тащиться по лесу. Тем более в составе достаточно крупного отряда с большим количеством лошадей.

На небольшом взгорке с краю поляны разместили наблюдателей. Тут костюм «леший» был по достоинству оценен.

Предварительный замысел состоял в следующем: пропустить походную колонну в огневой, точнее, стрело-болтовой мешок, для чего предварительно выдвинуть на дистанцию прямого выстрела от дороги группы стрелков и замаскировать их, забросать противника стрелами, уцеливших добить в рукопашной. Так как основное преимущество противника заключалось в наличии лошадей, лучники получили задачу уничтожать в первую очередь их. Если бы дружинники не дали возможности эльфам сохранить вьючных животных, то задача могла упроститься.

Две группы по десять лучников и одна в двадцать стрелков растянулись примерно метров на сто вдоль дороги при выходе с поляны. Крайним была поставлена дополнительная задача – перекрыть пути отхода либо прорыва. Мы взяли все трофейные арбалеты и даже станки для натягивания тетивы. На кораблях оставили тоже десяток: всех, кто ранее пострадал при штурмах башен, старшими оставили кормчих. Я от такой чести отказался, дед поморщился, но ничего не сказал. Все ценное из захваченного имущества уже было погружено.

Естественная реакция попавших в засаду – бежать или атаковать. С точки зрения безопасности идеальным развитием событий была бы паника и попытка отступления под градом стрел. Однако спастись могли многие. К сожалению, преследование противника неизбежно. Лук – это не АК-74, а арбалет – не пулемет ПКМ. Как по пробивной силе, так и по настильности траектории. Но организовать результативную погоню мы бы не смогли, поэтому махнули рукой. В случае неудачной атаки всегда можно было уйти в лес, там лошади не имеют преимущества.

Нельзя было забывать и о головном дозоре эльфов. Это могли быть четверо-пятеро готовых к бою всадников, что в данной ситуации много.

Наконец, после нескольких дней ожидания под дождем и питания трофеями всухомятку, в поле зрения появились эльфы.

* * *

Их было пятеро. Убедившись, что походной колонны за ними не видно, Сигурд задумался.

– Всем взять арбалеты, прочее тоже не забудьте. Ползите назад, пропустим и расстреляем. Нельзя их оставлять позади и главное, чтобы никто не ушел.

– Снорри, ты команду тут.

Арбалетчики, маскируясь за кустами, отползли и побежали назад. Сигурд что-то шипел им вслед.

Я однажды уже поплатился за излишнюю самостоятельность, но, тем не менее, поколебавшись пару секунд, взял вместо рогатины второй, также трофейный, арбалет, после чего, матерясь, продрался через кусты к дороге, чуть пробежал назад и сполз на обочину в замеченную ранее яму.

Второй арбалет был похож на первый, но при этом не рычажный, а приспособленный под поясной крюк. Ширпотреб вместо оружия элиты, как я понимаю. Я зарядил его и уложил рядом, бросив взгляд назад. Сигурд корчил страшные рожи из кустов неподалеку и грозил кулаком. Рядом с арбалетом я пристроил готовые к применению мечи. Замер, накрывшись гилли-сютом. Появились эльфы.

Приносящий Смерть, облаченный в черное, дядя в чешуе и трое кольчужников. Из-под капюшона маскировочного костюма их приближение хорошо просматривалось. Оставалось надеяться, что несмотря на прославленную эльфийскую наблюдательность, они не заметят торчащие в разные стороны дуги арбалета.

Когда эльфы подъехали метров на пятнадцать – двадцать, я счел, что пора. Я принял положение для стрельбы лежа с упором, ударил по эльфу в черном, как по самому опасному. У того вытянулось лицо, больше ничего сделать он не успел, болт пробил ему левое легкое. Эльф сполз на бок, его конь пошел боком, по сторонам защелкали луки и арбалеты, заржали другие кони. Два кольчужника упали вместе с конями, третьего раненый конь сбросил. Мужик в чешуе, раненный в левое плечо, прыгнул с падающего коня, упал на колени, вскочил на ноги и тут же получил в живот болт из моего второго арбалета. Это его не остановило, разогнувшись, он выдернул меч и кинулся на меня. Две стрелы срикошетили от панциря, одна от шлема, несколько пролетели мимо. Прежде чем мы сошлись, стрела какого-то идиота чуть не попала в меня. Против двух мечей у него, раненого, шансов было мало. Отклонив удар меча цзянем, я разрубил ему шею малхусом и только потом разглядел еще один болт, торчавший в его бедре.

Двое эльфов, включая подстреленного мною, были еще живы. Сигурд на ходу злобно прошипел что-то в мою сторону и занялся допросом, загрузив нас уборкой дороги и маскировкой следов нападения, что ввергло нас в уныние.

Злобно пыхтя и матерясь, мы убрали с дороги трупы невезучих, или везучих, – как посмотреть, – эльфов. Раненый конь убежал, его застрелили потом в лесу, повод второго Приносящий Смерть не выпустил. Нам от этого было не легче, в любом случае, удовольствие маленькое – вручную волочить с дороги тяжеленную тушу, даже пробив ее для удобства копьями. К счастью, убили только трех коней. Вдобавок тревожила мысль, что усилия напрасны, эльфов больше не будет. Но порядок есть порядок...

К сожалению, убрать все следы не удалось, но все равно довольный, как кот, объевшийся сметаны, Сигурд махнул рукой, сказав, что и так сойдет.

Живых эльфов утащили в кусты, где Сигурд продолжил допрос. Приносящий Смерть оказался крепким орешком, от путешествия по лабиринтам его разума пришлось отказаться. Защиту разума второго эльфа Сигурд сломал почти сразу, еще когда мы возвращали участку дороги мирный вид.

Как ни удивительно, но прирезал он только Приносящего Смерть, молодого добросовестно связал и даже заткнул ему рот.

– Отчего такое милосердие? Про запас на суп оставил?

– О чем ты? – поднял брови Сигурд.

– О мясе. Печени и почках, например. Ты его допросил, зачем он тебе?

– Пригодится. Строго говоря, он не наш кровник, так что живым он некоторое время полезнее будет, и еще надобна парочка таких же молодых недоумков. Имейте в виду, пленные будут нужны. Много не надо, пять-шесть хватит.

– А сколько еще их осталось, и где они бродят? Ты чего тут выдумываешь? Тридцать – сорок конных эльфов, как бы нас не потоптали, а ты уже на пленных замахнулся.

– Двадцать семь, заводных лошадей всего десятков остался.

– Так зачем нам пленные? – настаивал я.

– Подумай, почему эльфы сами пошли в набег, а не отправили людей?

– На баб так надежнее впечатление произвести. А командовать – сопливые еще.

– Верно, но не только это. Эльфы в своих домах – высшие, кстати, люди дома их так и называют. Людей-воинов не каждый род может себе позволить, не говоря о том, что не все рода, даже богатые, имеют такое право. В большинстве своем короткоухие служат князю. Эльфы собирают обычное ополчение, ледунг, как и мы. Тебе, коли эльфов пощупать захочешь, конунг или ярл своих дружинников в подчинение даст?

Я фыркнул.

– Ну, ярл-то, может, и даст, – неожиданно тоже хмыкнул Сигурд. – Но этим соплякам подчиненных не досталось, сами отряд и сколотили.

– Понятно, шляхта, – я остановил его лекцию. – Ты мне поясни, зачем нам пленные?

– Что за шляхта? – как ни в чем ни бывало, спросил Сигурд.

Пришлось отвечать:

– Благородное сословие долго и много воюющих стран. Благородных как грязи, владений на всех не хватает. В результате бывает, что от крестьян они отличаются исключительно наличием герба. Если только на войне не кормятся.

– Правильно понял. Эльфам, правда, никто не даст землю пахать. Но по сути верно. Так на чем я остановился?

– О пленных мы говорили, о пленных. Зачем они нужны?

– Не пленные нам нужны, а выкуп или сведения.

– Какой выкуп, если их Совет князей такие грозные указы издает?

– При чем тут Совет князей, если наследник рода в яме сидит? Вот такой, как этот лоботряс? У них дети редко рождаются, над каждым трясутся.

– А меняют как? Пустынный островок, лучники с двух сторон и все такое?

– Тебе этот, в чешуе, по голове, случайно, не успел стукнуть? Зачем такие сложности, если есть купцы? Проще говоря, эльфы выкуп передают купцу, тот в Оркланде рассчитывается с нами и забирает пленного. Ничем не отличается от того, как людей пленных выкупают.

– Подожди, благородные пленные – это добыча только конунга да ярлов?

– Нет, это если поход под их предводительством или под их именем. А тут, – Сигурд мечтательно прищурился, – золотые самородки, можно сказать, сами в руки идут.

– Что, родных убивали? – Логика была понятна, но спросить хотелось.

– За родных мы рассчитались, все, кто на Тайнборг напали, уже мертвы, – включился в разговор появившийся дед. – А тут разговор о деньгах идет.

– Они других убивали.

– За других пусть их родня мстит. На тех кораблях наших родичей не было, – рассудительно пояснил дедуля.

– Поссорится не рискуем?

– Пусть первыми такой же выкуп платят, какой мы с родичей этих эльфов запросим. Им отдадим, нам не жалко, – пожал плечами Сигурд. – Не могут сами отомстить, почему мы за это платить должны? А взять за этих можно много. Эльфам из обычных, незнатных родов князь никогда никого не выделяет в помощь отряду – ни Приносящих Смерть, ни даже короткоухих. Даже если люди-воины не только молодежь охраняли, они в любом случае исполняли волю князя.

– Ты, похоже, Черным Рекином стать мечтаешь? – неожиданно спросил дед.

– Это еще кто?

– Был такой хевдинг, у серых, лет сто назад, у него тоже эльфы семью вырезали. Так он мстить начал. Никого не жалел, резал и молодых, и старых, и людей домов, и эльфов, не разбирая. Как эльфы в Тайнборге. Под конец дюжиной кораблей владел, в дружине кого только не было, изгнанники и преступники в том числе. Лет десять веселился.

– И что?

– Что-что. Кожу с него содрали в конце концов, вот что. Хотя и с мертвого. Повезло хоть в этом. Тем, кто из его воинов в плен попал, хуже пришлось, на колья угодили.

– Нет, на кол не хочу.

– Вот и хорошо.

– Ладно, понял, – сказал я. – Надеюсь, что супом из эльфов нас кормить не станут, хоть на душе полегчало.

– Так вот что тебя волнует, – прищурился колдун, – у нас что, нормального мяса не хватает? Зачем нам эльфов и людей жрать?

– А при чем тут нормальное мясо и все такое? – Эрик с Седриком, лежавшие неподалеку, вытаращили глаза. – Считается же, что храбрость – в печени?

Дед хмыкнул, Сигурд тоже ухмыльнулся:

– Мало ли что среди молодежи болтают. Печень – это просто мясо. Стоит повзрослеть, это всем становится ясно. То есть большинству.

– Так отчего такие пиршества на поле боя бывают? – я заинтересовался злободневной темой.

– Когда воину действительно страшно становится? – поднял вверх указательный палец Сигурд. Я молчал.

– В первом бою, как принято думать, но это не так. Новик просто не знает, что такое битва и смерть. А если сражение не слишком удачное, то видит он не столько убитых врагов, сколько искромсанные тела своих. Потом, после сражения, примеряет эти раны на себя, вот тогда ужас и приходит. И с этим он в следующее сражение и идет. Как этот страх рассеять?

– Понятно, можешь не продолжать. – Все было ясно. Кошмар, чем не тема для диссертации: «Людоедство-эльфоедство у орков как средство для снятия стресса после сражений».

Сигурд, тем не менее, добил:

– Потому-то никто на людей, убитых в башнях, и не посягал. Храбрые враги, зачем их унижать? Воины у нас и так все опытные, трусов нет. Только молодежи, то, что тебе тут рассказали, не объясняя, я тоже когда-то верил. Полезную сказку кто-то когда-то придумал.

Великолепно. Потрясающий прагматизм. Как молодого затрясет после боя, ему: «На, отдавай печени, дружище, восстанови запас храбрости». Психотерапевты, куда там. Бррр!

– Мы отвлеклись, сколько их, ты говоришь, осталось? Двадцать семь? А почему эти пятеро вперед ускакали?

– Разведка, разузнать, что в бухте происходит. Остальные за ними чуть погода должны были выйти. Недавно тоже на нечисть напоролись, раненые у них.

– Много?

– Трое, один лежащий. Он вообще-то двадцать восьмой, его я не считал. Передвигаются в основном без доспехов, жарко. Поэтому разведку вперед и выслали. Заодно предупредить, что отряд подходит.

Меня обуяла самая настоящая зависть. За дни, проведенные в засаде, я потерял с потом, наверное, килограммов десять. А эти сволочи, или, как они считают, длинноухие brutальные мачо, на конях с голой волосатой грудью разъезжают.

Помяни лихо, а оно тут как тут. От дозорного по цепи прошел шепоток, что появились эльфы.

* * *

Засады они не ожидали, головного дозора впереди не было, по крайней мере пока. Все меры предосторожности ограничивались отправленной вперед разведкой, скорее всего для очистки совести. Расслабились, чувствуют себя после тяжелого перехода почти дома. О встрече с противником всерьез не думают.

Ничего сверхъестественного, выходит, в эльфах нет. А истина, гласящая, что все на свете имеет свою меру, только две вещи безмерны – Вселенная и человеческая глупость, относится и к эльфам, пусть они и бессмертные.

Сигурд пополз вперед, оценить ситуацию. Мы начали дозаряжать трофейные арбалеты, у меня их было аж четыре штуки.

Появилась колонна, растянувшаяся по два-три коня в ряд. За некоторыми всадниками двигались лошади с поклажей.

Я выбрал себе цель, парня в поддоспешнике в первом ряду. Под прямым углом стрелять не стоило, больше шансов промахнуться.

Колонна полностью втянулась в приготовленный стрело-болтовой мешок. Первый всадник остановил коня, видно, заметил неладное на том месте, где мы порешили разведгруппу. Сигурд с эльфийским луком в руках вскочил, выбежал вперед и крикнул, давая сигнал стрелкам.

Я выстрелил, вокруг защелкали стрелы, на дороге закричали. Не глядя на результат, я схватил второй самострел, снова выстрелил. Отбросил, схватил третий, за ним последний. Расстояние – пятнадцать – двадцать метров.

На дороге образовалась каша из вопящих эльфов и ржущих лошадей. Слева часть стрелков, вышедших прямо на дорогу, расстреливала колонну продольным огнем, остальные долбили с фланга. Заряженные арбалеты кончились. Схватив рогатины, по команде Сигурда мы пошли в атаку. Некоторые всадники пытались уйти, другие атаковали лучников. Атаковавших расстреляли вместе с лошадьми, остальные метнулись в лес, один – пеший. Вокруг носились раненые кони.

На беглецов внимания можно было пока не обращать. Оставшиеся без коней эльфы взялись за луки, некоторые пытались скрыться в лесу, маскируясь кустарником. Им стреляли в спины. Выскочив на дорогу, я всадил рогатину в живот промахнувшемуся лучнику. Рядом выбежавшие из леса стрелки били всех подряд, бывшие арбалетчики кололи и рубили противника. Эльфы сломались, большинство бросились бежать, но спастись удалось немногим. Я видел, что в лес нырнули всего трое, хотя лес был недалеко, один убежал с двумя стрелами в спине.

Сигурд командовал Рольфу и Снорри, чтобы выставили охрану. Остальные приступили к осмотру побитой колонны.

Взяли пятерых пленных. Тяжелораненых Сигурд браковал, как, впрочем, и пожилых, каким-то образом с первого взгляда определяя состояние здоровья и возраст. Их тут же добивали.

Все прошло почти идеально. Эльфы умудрились ранить одного из наших, второй был убит стрелой в глаз, еще один пострадал в рукопашной, нарвался на умелого мечника. Того изрешетили стрелами сразу, как орк упал. Еще одному орку по его собственной глупости почти отрубил ногу притворившийся убитым молодой эльф.

Наскоро переловив часть уцелевших коней, мы загрузили их трофеями, снятыми с убитых. Для этого тут же соорудили волокуши. Оказали медицинскую помощь раненым. Половина отправилась к кораблям с трофеями, пленными и ранеными, оставшиеся приступили к охране

кровно добытого имущества. Бежавшие эльфы вернуться не рискнули. Ушли пятеро. Шестой, со стрелами в спине, упал и умер уже в лесу.

Нам здорово повезло, что эльфы были без доспехов и охраны. Фортуна лишний раз показала, что расслабляться можно дома с женой. В походе все может закончиться быстро, грубо и жестоко.

Остаться в бухте смысла не имело. Из семидесяти одного участника похода убиты одиннадцать, двое на некоторое время выведены из строя. Это парень с разрубленной ногой, которую Сигурду удалось сохранить, и тяжело раненный в голову при штурме башен. Про обоих Сигурд сказал, что оправятся в течение годика. Оптимистические прогнозы относительно добычи не оправдались, однако она была все же неплоха.

Хороший двенадцатирумный драккар, имущество гарнизона базы, доспехи и оружие более чем на полтора десятка воинов, а также отбитые трофеи тянули на неплохие деньги. Особенно, если учитывать качество трофеев, – одни кольчуги и чешуя. Также досталось некоторое количество золота и серебра.

Такое количество хороших трофейных доспехов само по себе ставило поход в разряд выдающихся. В обычных условиях пара десятков комплектов на корабль считались превосходным результатом. Особенно в сочетании с небольшими потерями. Вырезанная база и истребленный отряд эльфийских походников еще более увеличивали возможность прославиться.

На этом фоне жадничать и забирать еще коней значило дергать судьбу за нос. В деле разбоя и грабежа самое главное – вовремя остановиться. Иначе даже имеющиеся трофеи рискуешь потерять. О чем Сигурд, дед, Снорри и оба кормчих и заявили некоторым обуянным жадностью участникам похода.

Коней всем было жалко, хотелось их отпустить, спалив конюшни и прочие хозяйственные постройки в бухте, однако пришлось перебить, чтобы ими не воспользовались уцелевшие эльфы.

В ночь перед отплытием выставили усиленные караулы. Сигурд старался подстраховаться от любых случайностей, включая возможность поджога кораблей выжившими эльфами.

Следующим утром обе шнеки и драккар вышли домой. Пленных разместили у нас, поближе к Сигурду. Тот, по всей вероятности помня допрос плененных в борге, сразу начал буквально потрошить несчастных. По очереди, для соблюдения техники безопасности, дабы пленные не потеряли товарного вида вследствие лишения разума. А мы бы избежали финансовых потерь.

Зрелище допроса произвело впечатление даже на нас, наблюдателей. Что уж говорить о самих объектах потрошения мозгов. Четверо сломались и пускали слюни при одном взгляде на них нашего колдуна. Пятый оказался парнем волевым, резал всех ненавидящим взглядом и каждый раз пытался оказывать сопротивление копании в его мозгах. По словам Сигурда, этот имел какие-то магические способности и даже был кое-чему обучен. Попытки ментального сопротивления эльфа определенно забавляли нашего старика, заставляя его уделять парню больше внимания, чем остальным. Тот не сдавался, держал марку.

После одного из таких сеансов я не выдержал:

– Палку не перегибаешь, свихнется же?

– Пока нет, но если он спятит, то, может, и к лучшему. На кой нам будущего Приносящего Смерть отпускать?

– То есть? – заинтересовался я.

– Его папаша – сотник Приносящих Смерть в дружине князя. То есть главный убийца на службе их дома.

– А он?

– Молод пока, решил себя показать в рейде. Папа у него суровый тип, без боевого опыта никого не берет. Даже родню, включая собственных сыновей.

– Ну, хоть кто-то здравомыслящий среди малолеток оказался. Не все у них там тупые и озабоченные. – Пришедший тем временем в себя парень повернул голову и бросил на меня удивленный взгляд.

– Да, здравомыслия у него хватает, судя по тому, что я видел. Хороший воин. – Теперь жертва вперила взгляд в колдуна. Сидящие рядом остальные пленные тоже.

– Так что, Приносящих Смерть в отряд по знакомству выделили?

– Отчасти, – Сигурд взял пленного за шиворот и потащил к остальным, споткнулся о чьи-то вытянутые ноги, бросил бедолагу и наделил не успевшего убрать ноги тугодума царственным пинком, от которого тот отрубился. – Папу просил с князем поговорить о набеге и прочем.

– Вообще, что ты вызнал?

– Многое, – пожал плечами Сигурд. – Все пятеро из богатых родов, так что выкуп можно получить. – Пленные зашевелились. Слышавшие разговор наши соратники тоже, но с досадой. Им доля с выкупа не светила. Если, конечно, руководители похода не отдадут пленных. Все, на что они могли рассчитывать – это доля от цены за пять обычных молодых и здоровых рабов.

– Говоря прямо, самая ценная птичка – это он, хотя дело и не в деньгах. – Сигурд кивнул на многострадального парня. – Уж больно папаша высоко стоит, да и как Приносящий Смерть он почти созрел. Остальные – бестолочь. Почитай, все, что с них можно получить, в сундуках их родителей лежит. – Пленные опять зашевелились. Будто не знали, радоваться или оскорбляться презрительному отношению колдуна. Сомнительно, однако, что примеру Юлия Цезаря при назначении суммы выкупа последует хоть один.

Тот, будучи захвачен пиратами, возмутился назначенной суммой выкупа, заявив, что стоит гораздо дороже. Увеличил вознаграждение труженикам морских путей сообщения вдвое, внес выкуп, а потом, не медля, вернулся с боевыми кораблями, набитыми legionарями. Всех, уцелевших после штурма пиратской базы, распяли. Даже подзаработал, не только вернув свои деньги, но и ограбив самих похитителей.

Я не сдержался и задал давно заготовленный вопрос:

– А как ты в чужой разумходишь? И другое тоже интересует, ты понял, о чем я.

– Любопытно стало?

– Давно, с борга еще.

– А я все думал, когда тебя любопытство одолеет.

– Ждал?

– Естественно, ждал.

– Способности для этого нужны? – задал я естественный вопрос. – Есть они у меня?

Возможности колдуна произвели на меня серьезное впечатление. Настолько, что захотелось расширить свои.

– Есть. Учиться хочешь? – улыбнулся колдун.

Я задумался. Плюсы были, и немалые.

– Вообще да, но сколько мне это будет стоить? – Бесплатный сыр бывает только в мышеловках, бесплатных знаний не бывает в принципе.

– Тебе – ничего.

Я так и знал, что он это скажет.

– Это не ответ, такие знания на дороге не валяются, чтобы кого попало бесплатно учить, – я проявил врожденный цинизм и недоверие. Соратники и даже пленные, подслушивающие наш разговор, все, включая деда, удивленно уставились на меня.

– Ты – не кто попало, а ученик мне все равно нужен. Вон, у эльфов Академия каждый год магов выпускает. У нас Академии нет, но ученики нам тоже нужны. А я кого попало не возьму, знаю слишком много. Не каждому эти знания доверить можно. Почему тебя я готов взять, ты знаешь, еще в борге тебе сказал.

Я был растроган. Чтобы исполнение своего долга произвело такое впечатление на старого убийцу, залитого кровью по уши, до сих пор не верилось.

– Много времени это займет? И какие ограничения на меня будут наложены как во время обучения, так и после него?

– Срок от тебя зависит. В обычных условиях от трех до пяти лет. Можно еще быстрее, но на это способны немногие. Позже поговорим, когда вернемся. Условия обычные, как у всех учеников. После обучения никаких ограничений, разве что в походы как колдун ходить будешь, а не как обычный воин. Участвовать в делах школы, со мной, да и с другими моими учениками – это само собой разумеется, сам понимаешь, о хранении секретов не говорю...

– И много ли у тебя учеников, в смысле, в школе? – мне становилось все интереснее.

– Достаточно, – осклабился старик. – Больше, чем многие думают.

– Только дед меня женить собрался по возвращении, не помешает? – вспомнил я, скосил взгляд на деда и ухмыльнулся.

Старики переглянулись и скорчили одинаковые глумливые рожи. Меня передернуло. Ожидания оправдались.

– Даже поможет, – влез в разговор дед.

– Действительно, – согласно кивнул Сигурд, – хорошая жена – неоценимая помощница в обучении.

Вот интриганы! Они успели обо всем договориться между собой!

Глава XIII

Добычу мы делили на берегу, рядом с пристанью Кортборга. Рядовой воин получал с похода одну долю, по две доли полагались десятникам и приравненным к ним по положению или статусу опытным воякам, по три доли – кормчим и командирам корабельных херадов, по одной доле за рум начисляли владельцам кораблей, пять долей полагались хевдингу похода. Кроме того, за храбрость или по другим причинам воинский коллектив по представлению хевдинга мог дать согласие наградить отдельных участников похода долей сверх нормы. На сию честь претендовал пока я один, инвалидов с их временной нетрудоспособностью забаллотировали. Сигурд взял пять долей как хевдинг, но на три дополнительные доли колдуна претендовать не стал. Таким образом, все прошло в строгом соответствии с договором о разделе добычи перед походом.

Вообще условия могли меняться. Ярлы обычно брали по две доли за рум. Но они кормили свою дружину, поэтому лидманам возникать было не с руки. Кроме того, в отличие от порядка, обычного для свободного херада и дружины в отношении бессемейных, в дележ включили погибших, родня все-таки.

Подсчитать количество долей было нетрудно, чем я на глазах общества и занялся. Семьдесят одна доля участников похода всего, плюс пять долей пятерых выживших десятников, плюс четыре доли Снорри и деда как хевдингов корабельных херадов, четыре дополнительные доли Сигурда, двенадцать долей моих и Снорри как владельцев кораблей.

Сигурд, деликатно кашлянув, рекомендовал прибавить еще одну долю мне, за башню. Народ сохранил молчание, хотя кое-кто и поморщился. Наверное, подумали, что мне и так хватит, но высказать сомнения вслух никто не рискнул. Наследники погибшего при штурме второй башни Бешеного Свена в любом случае вторую долю не получают, так что наживать врагов в лице колдуна, деда и, если не ошибаюсь насчет моей репутации, меня самого из-за пары лишних копеек не имело смысла.

А вот со справедливой дележкой награбленного действительно были проблемы. Те же доспехи сами по себе имели разную цену, даже не принимая во внимание повреждения. Каждый предмет из захваченного имущества требовалось оценить, приняв во внимание цены на рынке, и разделить их на девяносто семь долей так, чтобы ни у кого не было претензий. Кровь при разделе добытого не часто, но иногда все-таки проливалась. В любом случае, попытки обмануть соратников вели к утрате авторитета лиц, руководивших походом и дележом. Хотя умный и грамотный хевдинг в контакте с купцом и на самом дележе могли неплохо заработать – к этому общественность относилась с пониманием.

На одной перепродаже драккара, самой ценной части захваченного имущества, можно было сделать неплохие деньги. Но это требовало вложения капитала для выкупа долей других участников рейда и путешествия в Брандборг или на острова – там корабли стоили заметно дороже.

К счастью, конкурентов Снорри и деда, достаточно платежеспособных, чтобы выкупить боевой корабль, в Кортборге не нашлось, в результате сошлась мнениями в вопросе о назначенной ими цене, а также согласилась получить меньшие деньги сразу и не ждать продажи драккара. Часть выплат могла быть произведена в натуральной форме. Но отдавать в зачет цены корабля доспехи и прочее следовало с большим разбором. Доспехи, например, в Брандборге стоили довольно дорого, особенно эльфийские. Более того, в их скупку здесь, на месте дед со Снорри собрались вложить все свободные средства, чтобы впоследствии заработать еще больше. Я даже сам пожалел, что большая часть моих собственных денег осталась в Тайнборге.

Итак, сначала делили вооружение. Под крики, вопли и споры все предметы разложили на девяносто семь куч, основой каждой послужил полный целый или незначительно пострадавший комплект, оставшееся раскидали согласно стоимости предметов приблизительно поровну.

Умничать не стали, каждую кучу пронумеровали, номерки, вырезанные на деревяшках, уложили в мешок. После чего все по очереди тянули жребий, начиная с рядовых воинов, дабы не отнимать у них время.

В мою долю вошли доспех и вооружение Приносящего Смерть – кстати, именно того, кого я подстрелил на дороге – с пробоиной в панцире под правым соском, а также восемь полных комплектов доспехов и оружия остальных эльфов, короткоухих и орков (это уже из отбитых трофеев). В довесок я получил кольчугу-хауберк гномьей работы и кольчужные чулки, судя по всему, изготовленные людьми. В один из наборов входила отцовская байдана, а кольчуга из того же лота, если я не ошибся, раньше принадлежала брату Эрики, Кори.

С оружием тоже было неплохо: четыре копыя, пять луков и арбалетов, девять мечей, десяток ножей и кинжалов, топор, булава и пять щитов.

Захваченные деньги поделили между рядовыми участниками. Причитающиеся колдуну, Снорри, деду, двоюродным братьям и мне двадцать семь долей ушли по взаимозачетам за корабль и пленных. То же самое повторилось в отношении прочих трофеев, хотя тут и мы выбрали, что приглянулось – на память. Я удовлетворился тремя плащами, рубашками, штанами и мягкими сапогами эльфийского, или, если верить Сигурду, производства людей эльфийского дома – уж больно удобны были. К моему удивлению, так же поступил и Сигурд.

– Неужели носишь?

– Конечно. Умеют шить, а главное – ткань хороша. Насекомые не заводятся, на солнце прохладно, в холодную погоду греет. Только ты в Брандборге или там, где тебя не знают, старайся в них не ходить. Молодежь не оценит. Примут за полукровку из людских королевств и попытаются либо избить, либо на поединок вызвать. Убивать придется, а на кой тебе лишние трупы? Одного жениха-неудачника вполне достаточно.

– Какого жениха? – не очень понял я.

– Которого ты в Тайнборге заколол, – ядовито ухмыльнулся старик. – Что, думаешь, этот Эрик с Рольфом у Снорри в охране делали? Любовь заманила.

– Кого?

– Покойного Эрика. За дочкой Снорри охотился, Рольф на пару с ним к Снорри пришел. Одному, сам понимаешь, в хераде другого клана служить не с руки.

– Так я что, Снорри дочь пристроить помешал?

– Да что ты! Говорили мы с ним на эту тему, к тебе он ничего не имеет. Дочка страдавший парня не оценила, а ему самому как зять Эрик тоже не приглянулся. То, что полукровка от какой-то пленницы, по словам Снорри, не страшно, просто был чересчур смазлив, глуп и нагловат. Хотя папаша и сотник конунга.

Неожиданно подмигнул и улыбнулся:

– Ха! А за Рольфа, говорит, хоть завтра отдам. Парень надежный, хотя и небогат, такому и спину, и любимую дочь доверить можно.

Сзади что-то брякнуло, я оглянулся. За спиной стоял упомянутый Рольф, он случайно подслушал наш разговор и был настолько потрясен приятным известием, что замер с отвисшей челюстью и довольно забавным выражением на физиономии.

С ума сойти, что за народ! Кровь, как водицу льют, людьми закусывают под настроение, а тут такая сентиментальность.

– Не подслушивай, так оглохнуть можно, – пригрозил пальцем Сигурд и понизил голос, – а Снорри о дочери намекни, если нравится. Не ему же разговор затевать.

Рольф отошел прочь, забыв, что хотел от колдуна. Сигурд глянул в его сторону и абсолютно серьезным тоном обратился ко мне:

– Остается надеяться, что теперь папаша не узнает, как на самом деле сына убили. Иначе беречься тебе в Брандборге придется. Судом тебя не достать, а желание отомстить все равно появится.

* * *

В воротах Кортборга на меня бросилась некая девица и, нисколько не постеснявшись народа, повисла на шее и запечатлела на моих губах страстный поцелуй, причем не один. Эрику – а это, разумеется, была она – как оказалось, забрал к себе жить ее дед, поселив в доме погибшего отца родню. С дядькой жить она отказалась, памятуя, что я в Тайнборге оставаться не собирался, а проживание двух хозяев в одном доме ни к чему хорошему не приведет. Дед обязался выплатить стоимость имущества в качестве приданого за счет выдела переселившегося дяди и вытрясти из последнего разницу. Тот согласился, для него в любом случае это было выгодно.

За нашей долгожданной (для многих, как я теперь понял) встречей как раз наблюдали дедушка Эрики, Оттар, пятеро оставшихся в борге его сыновей со своими женами и детьми и двое дедулиных младших дочерей, тринадцати и восьми лет. Тети-по-закону, ха-ха. Потом возник кормчий Ульрик и начал делиться новостями, в том числе, вероятно, и в отношении меня – как иначе было расценить повернутые в мою сторону головы и взгляды, сопровождаемые одобрительными кивками в процессе разговора. Еще чуть позже степенно подошли дедушка Ульф и колдун, приняв участие в обсуждении. После чего на лицах дам появились улыбки. Братцы отправились сопровождать трофеи до усадьбы, синхронно бросив на меня завистливо-затравленные взгляды. На то, что их также встречали девушки, дед внимания не обратил. Пленных увел Снорри, у него на подворье как раз была подходящая яма.

Представление будущей родне прошло замечательно, патриарх рода А'Тулл даже прижал меня к сердцу, как родного – ну, почти. Его сыновья тоже сочли долгом пообнимать да похлопать по плечу. Тетушки Эрики захихикали, старшая, Ингрид, что-то зашептала на ухо Эрике, смеясь и одновременно стреляя в меня глазками.

Вечер был посвящен реализации части вооружения, не сулящей больших доходов, бартеру и прочим коммерческим делам, в результате чего я с изумлением узнал, что с соратниками мы полностью расплатились, а кое-кто нам даже должен. Закончилось все грандиозной пьянкой.

Близкая наша родня, колдун с оставшимся в Кортборге учеником, Снорри и лица, нужные деду в политическом отношении, бухали на нашем родовом подворье. Кроме того, мой дедуля пригласил поучаствовать в мероприятии клан А'Туллов, ухмыльнувшись в мою сторону.

Те пришли чисто мужской компанией и напились до посинения, включая стариков. Но пока старики были еще при памяти, дед успешно осуществил свои угрозы. Подскочив словно ужаленный, старый Оттар возжелал меня увидеть, пролил скупую мужскую слезу, обнял, слюняво облобызал, дыша трофейным винищем, назвал сыном, сказал, что такую замечательную внучку от сердца отрывает, только мне и отдаст, другому бы ни за что так рано не подарил. В общем, было объявлено, что я чрезвычайно везучий человек – виноват, оговорился – орк, коль захомотал такую девушку. Потом мы с новой почти родней выпили за сговор молодых по кубку довольно крепкого винца, что пришлось повторить с каждым А'Туллом, можно сказать, на брудершафт. После чего даже я, лишь немного выпивший к тому времени, изрядно окосел. Старый Оттар, достигнув состояния блаженства, попросил меня рассказать о бойне в борге и взятии башни, после рассказа пролил скупую мужскую слезу и заявил, что такому мужчине одной жены мало, нужно самое меньшее три. В качестве второй, если пожелаю, где-то через годик могу забрать его дочку Ингрид, как подрастет, пока это место не заняла какая-то глупая

и бесхозяйственная дура, которая вряд ли сумеет поддерживать мир и порядок в семье с его такой золотой внучкой. Не менее пьяный дедушка Ульф взгрустнул и заявил, что от бабских разборок мужики седеют больше, чем от битв. Все с ним согласилось и предложили за отсутствие женских разборок выпить. Я ухватился за кубок как утопающий за спасательный круг. Остаток вечера запомнился смутно.

Через три дня мы с Сигурдом отправились в Тайнбург – забрать имущество и перевезти к деду Хильду. Я озаботился трофеями и прочей личной движимостью, старик тоже собрался продавать что-то из ранее накопленного, а также кое-какие изготовленные им амулеты.

На корабле я получил первый урок колдовского мастерства.

* * *

Урок прошел решительно не так, как я себе представлял.

Рабы собрались на носу стоявшей на якоре шнекки, мы со стариком сидели под тентом на корме, вдоль реки дул легкий ветерок, когда он вытащил из мешка палантир.

– Как полагаешь, приступим? Не раздумал? Еще можешь отказаться, потом поздно будет!

– Нет. Но с чего начнем, не представляю. От этого не по себе.

Старик уселся поудобнее и установил шар.

– С палантира и начнем. Можно тебя, как меня когда-то, по старинке учить, с книгами и долгими упражнениями, пока разум не натренируешь, чтобы знания напрямую от учителя получать. Можно и по-другому. Из того, что я в твоей памяти узрел, следует: разум твой уже достаточно подготовлен, чтобы обрабатывать информацию. Выбирай, как учить тебя.

Я в очередной раз поразился личности Сигурда. Даже не из-за предложения выбрать самому методику обучения. Удивило само наличие в орочьем языке выражения «обработка информации». Однако попросил дать разъяснения.

– Все очень просто, – ответил колдун. – Я свои знания и, частично, умения вкладываю в твою голову. Сразу у нас на это никто не идет, поскольку для разума ученика сия задача может оказаться непосильной. Результат тот же, что ты видел при допросах пленных. Когда же ученик чтением и упражнениями свой разум достаточно к прямому контакту подготовит, тогда и начинается настоящее обучение. Это у нас, орков. Еще имперские маги так личных учеников обучали. У эльфов делается в основном не так, разве что при обучении родных детей: мало ли кто за вечность врагом стать может, да и одаренным надо быть, а дети не всегда полностью наследуют дар. У них почти все маги в Академии обучаются. Если учитель не слишком талантлив, ученик, с чьим разумом он работает, может сам либо лишнее из памяти ухватить, либо ключи к защите позже подобрать, когда достаточно много усвоит. Как и наоборот. Известно также, что за попытку вторгнуться в разум у эльфов просто убивают – любого, не важно, кто к кому в память полезет.

– Понимаю их, – Сигурд при этом поморщился, а я продолжил: – Как ты, палантиром пользоваться, они не догадываются?

– У нас догадываются, да и у них тоже. Им просто это не надо. Нормальный эльф никому не позволит в своем разуме шарить. Даже преподавателю Академии, если он не очень близкий родственник, и то не всегда.

– Так шарить в разуме и вкладывать информацию – разные вещи?

– Не совсем, без полного контакта как ты определишь, не слишком ли много или не слишком сложное что вложил? Спятит ученик, и все. Другой вопрос, что учитель память ученика и его секреты может и не просматривать. Только безопасным усвоением материала заниматься. А коли учитель хитер и подл, может и закладку в разум вложить. А потом врагу продать или сам ею воспользоваться. Потому-то эльфы и не хотят вечностью своей рисковать. Применяют этот способ только для решения несложных задач. У нас проще, еще в Империи над

этим подумали. Ты разум и память об уроке сохраняешь и даже можешь свои воспоминания от учителя закрывать.

Это самое первое заклятие, что в разум вкладывается при таком обучении. После него учитель может с твоим разумом все что угодно делать, но только с твоего согласия и с гораздо большей для тебя безопасностью. А если чей разум его, заклятие, все-таки сломает, ты просто умрешь, а сломавший, скорее всего, с ума сойдет. Эльфы этот секрет так и не узнали, да и у нас немногие знают. Решай, как будешь учиться. Но учти, без контакта разумов все равно не обойтись. Многое словами не объяснить, а книге не доверить.

Я задумался. Если старый говорил правду, сроки обучения могли существенно сократиться. Но давать копать в своем разуме желания не было совершенно, я действительно понимал эльфов. С другой стороны, если про первое заклятие он говорил правду, то минусы исчезали. Следовало либо рискнуть, либо нет. Я рассудил, что коли старый колдун захочет, то заложить какую-нибудь гадость мне в голову он все равно сумеет без всякого предупреждения, если еще не заложил, а значит, ломаться нет смысла.

Через несколько минут я смотрел на холодное пламя внутри палантира, впадая в полусон-полуявь, еще через некоторое время осталось только пламя. Потом я почувствовал кого-то еще, осталось стойкое ощущение излучаемой этим кем-то иронии. Потом в мозг, как будто начали вкручивать здоровенное сверло, распадающееся в мозгу на некие образы или еще что-то.

Проснувшись или, пожалуй, очнувшись утром и вставая на ноги, я едва не свалился из-за проблем с координацией, хотя голова оставалась вполне ясной. Не дал упасть лично Сигурд, он же успокоил вестибулярный аппарат, положив руку на голову и наведя какую-то волшбу.

– Замечательно. Все хорошо. Теперь тебе дня три отдохнуть надо, потом продолжим.

* * *

Наше прибытие в Тайнборг ознаменовалось не менее выдающейся пьянкой, чем в Кортборге. Единственный выживший малолетний сын боргмана Вольф, бывший теперь на попечении родни до совершеннолетия, заплакал от радости, узнав, что мы вырезали и второй эльфийский отряд. Пришлось поделиться впечатлениями о путешествии. После получения информации об уничтоженной эльфийской базе с отрядом короткоухих, кроме отряда самих эльфов, в борге начались народные гуляния. Народ высыпал на площадь, наташил столов, выпивки и закуски и дружно принялся отмечать победу. К слову, в пьянке был замечен и мой бывший раб Ансар, он так и жил в своей старой комнате, повесив на стену чешуйчатый доспех убитого им эльфа. Работал он у дядьки на кузнице, обучая нескольких рабов. Замечу, что общением с ним никто из орков не брезговал.

Праздник с обильными возлияниями закончился для меня пробуждением без штанов, а если точнее, то вообще голышом, в чьей-то бане, будучи прижатым к стене женским телом вполне привлекательных очертаний, правда, крупноватым на мой вкус. Телу было лет двадцать пять или тридцать на вид, одежды на нем было нисколько не больше, чем на моем. Лицо показалось знакомым, хотя имени не помнил. Но вот забрезжили смутные воспоминания и развеяли завесу тьмы и беспамятства – как над тем, чем мы с ней занимались в нашей кузне (или не с ней?), затем в ее бане, так и над тем, что дама была замужем... Причем муж был сейчас в борге, во всяком случае, присутствовал на вчерашней общегородской вечеринке. Я поспешил избежать встречи с ее мужем, хотя и поддержал марку, поцеловавшись и простившись с безымянной обладательницей пышных форм, после чего оделся и, старательно избегая чьего-либо внимания, сиганул через изгородь. Встречи с мужем, однако, избежать не удалось. Тот обнаружился на площади в абсолютно невменяемом состоянии, да и не он один...

Я совсем не удивился тому, что утром дама холодно поздоровалась со мной, как с едва знакомым родичем, и спокойно пошла по своим делам. Простые средневековые нравы, горячие женщины-орки – кто их разберет...

У Сигурда в его пещере обнаружили семеро рабов – четыре женщины и три мужика, и куча требующего продажи имущества, включая два полных доспеха имперских легионеров, в том числе пластинчатый доспех командира-кавалериста, хотя и без оружия. На мой молчаливый вопрос Сигурд ответил:

– Сборные, хотя на этот, – он указал на командирский, – только поножи нужно было добыть и кожу, пластины заново понабивать. Части доспехов у меня еще есть, только на полный доспех набрать не получается. Найти целый при раскопках – большая редкость.

– А кто пластины перебивал?

– Я сам, да и раб у меня кузнец, там вторая пещера, – колдун указал, где, – а в ней кузница.

– Так ты, учитель, – старик улыбнулся, я мысленно тоже, – сюда переселился, потому что здесь богатые места в смысле раскопок?

– Именно так, – кивнул Сигурд, пакуя командирский доспех в мешок.

Я принялся ему помогать с другим комплектом.

– Да, на доспехах неплохо можно приподняться, особенно если знать, где искать, – припомнил я земных лозоходцев и слухи о частом наличии колдунов в бандах людских ватажников.

– Разумеется, – согласился старик. – Только это все мелочь по сравнению с тем, что артефакты сулят, особенно боевые.

– Расскажи, – заинтересовался я.

– Подожди, за обедом расскажу. Прежде закончим дела.

За обедом колдун наконец соизволил развеять тьму моего невежества.

– Что такое колдовство или там магия, как бы это ни называлось? Это способность черпать энергию из окружающего мира и ею пользоваться. В разных формах. А также ею творить. Как бы правильнее объяснить... Энергия бывает стихийной и живой.

Живая энергия – это энергия испускаемая всем, что есть живого в этом мире. Стихийная – от четырех стихий, это энергия огня, воды, воздуха и земли. Собственно говоря, не совсем правильно так ее называть. Правильнее сказать, энергия неодушевленного мира, а возможно, и мира полностью, преобразованная живыми существами и неживой материей. Есть у меня основания так предполагать. Стихийной ее называют потому, что колдуны или маги действительно уверены, будто черпают энергию из огня-света, земли, воды и воздуха. У людей многие всерьез считают, что это четыре разных вида энергии, каждой из стихий по отдельности. Но это от утери знаний. Просто способы извлечения энергии из различных состояний вещества, для простоты именуемых стихиями... – услышав знакомые термины, я выпал в осадок, – ... различны. А что еще более важно, требуют разного рода способностей.

Водяной маг плохо умеет извлекать энергию в безводных горах. Отчего не слишком там опасен. Как и маг земли на воде, если это не на мелководье. А вот водяной маг на воде, действительно страшен. Проще говоря, стихия, которой посвящены способности стихийного мага, служит проводником энергии мира, если угодно, собирает ее и помогает ею воспользоваться. Именно поэтому водных магов в пустыню или горы не загонишь, без наличия поблизости большого количества воды они к силе просто не могут присосаться. А тех крох, что могут извлечь, на крохи и хватает. Я слегка преувеличил, многое зависит от силы и способностей конкретного мага, но, в общем, суть дела действительно такова. Земляной маг, соответственно редкий гость на кораблях, кому охота становится уязвимым? Даже если энергии в накопителях и в достатке? Кстати, были случаи, когда действительно сильных магов земли так убивали. Обычно те, кто на их место метил. Или отомстить хотел.

Смочил пивом горло и продолжил:

– Самые слабые стихийные маги, как считается, это именно маги стихии воды. Не потому что они меньше энергии извлекать могут, или их меньше с такими способностями рождается, а потому что чем дальше они от воды, тем на меньшее они способны. Земляные куда сильнее, на суше их от своей стихии отрезать, сам понимаешь, затруднительно. Как и воздушных магов. Они-то, в основном между собой и соперничают. Водные на равных с ними биться могут разве что недалеко от моря или большой реки, – усмехнулся Сигурд, – включая подземные. Хотя повторю, очень многое от таланта и знаний зависит. Очень, очень многое. Запомни.

Прокашлялся, осушил стакан, погрыз вяленой рыбки и продолжил:

– Вот и получается, что самые сильные маги – это воздушные. Где бы он ни был, везде у него доступ к своей стихии открыт. Пусть он по знаниям и способностям на голову ниже того же водяного, оказавшегося в горах, или мага земли, оказавшегося в море, он их силой задавит! – Наполнив стакан пивом, Сигурд не торопясь отхлебнул, зажевал рыбкой и продолжил: – С другой стороны, они, в общем, самые неискусные. Даже качать энергию из других стихий не умеют, не говоря о том, чтобы ею воспользоваться. Им это просто не надо. Изредка, правда, попадаются воздушники-артефакторы, о которых такое никак не скажешь, но уж больно редко попадаются. А на поле боя я ни одного не встречал, они и без войны хорошо зарабатывают.

– Как это?

– Очень просто, изготавливая артефакты. Защитные, боевые. Всякие, в общем. Обычно придворными магами становятся именно представители школ артефакторов.

– Что, разделение настолько далеко зашло, что есть школы артефакторов, боевых и прочих в отдельности? Насколько в них разные знания даются?

– Все проще. Каждая школа имеет мага-основателя, который, естественно, на каком-то конкретном поприще прославился. Также естественно, что его ученики знаний и умений на этом поприще получили больше. А школа боевых магов числом учеников, как правило, всегда меньше. Вдобавок ее adeпты имеют нехорошую привычку частенько погибать на поле боя, да и не всегда они нужны, в мирное время, например, они не у дел, вот и получилось, что придворные маги, что на пределе сил тучи от дворца гоняют, все хлебные места и позанимали. Школ-то куда больше основали. А школами артефакторов их сами людские маги прозвали, потому что в основном с их продажи адепты придворных школ и живут. Ни одной не припомню, чтобы у какого-нибудь государя под боком и покровительством не находилась. Я бы не советовал, однако, таких магов недооценивать. Силенок у артефактора может и не хватать, а вот знаний и умений нередко в избытке, насколько это можно сказать про людских магов. Особо талантливые даже эльфов удивить способны. Но сам понимаешь, такие таланты и среди магов редкость, вот большинство и выживает как может. В том числе идя в войско. Также должен понимать, что талант, способный привязать к одному амулету возможность работать им со стихиями и воздуха, и той же воды, войной жить не будет.

– Как я понял, эти школы артефакторов, господствующие в своих государствах, торговлю артефактами полностью под себя подгрести?

– Угадал, – удивленно поднял брови Сигурд, – почти. Торговля только в своих лавках, в смысле через школы либо с письменного разрешения ее наделенного на то властью адепта. Который должен проверить амулет и подтвердить его свойства, если при нем нет свидетельства изготовившего его мага, с этого мага личной печатью. Нередко могут проверить еще и собственно свидетельство – не бесплатно, конечно. Правда, большинство этих школ состоят в гильдии, – слово я перевел именно так, – артефакторов. Правильно будет сказать так: Гильдия артефакторов подгрести под себя торговлю артефактами в большинстве известных мне стран. Коли маг в гильдии состоит, дело другое. Там ничего проверять не надо, разве что печать на свидетельстве. И то, за небольшие деньги.

Ну никуда от глобализации и транснациональных корпораций не деться. Даже в средне-вековье. Хотя сомневаюсь, что тут процветают демонстрации протеста местных антиглобалистов.

А сама система продуманная. Профессиональная организация магов в определенной степени гарантирует цену и качество своих изделий, одновременно делая невыгодным торговлю амулетами не состоящих в ней школ и в определенной степени борясь со сбивающими цену контрафактом и фальшивками. Наличие в гильдии большого количества школ также подстегивает конкуренцию, сиречь борьбу за повышение качества продукта и рынки сбыта. Если не ошибаюсь, без желающих заработать на монопольных ценах и тут вряд ли обошлось.

Но данных для таких глобальных выводов пока не хватало. Осталось уточнить кое-что, знания лишними не бывают:

– А как другие школы?

– Строго запретить что-нибудь купить лично у мага школы, не состоящей в гильдии, тебе никто не сможет. Владеть можно чем угодно. Почти. А вот перепродать тяжело, рискуешь с гильдией артефакторов поссориться, если указы государя на сей счет имеются. Иди к артефактору, плати деньги, тот выпишет пергамент, поставит свою печать или на пергаменте другой школы свою поставит, тогда продавай. Хотя это только городов касается. Там, где адепта гильдии нет, никто на гильдейскую печать не смотрит. Или тащи покупателя к адепту школы изготовителя амулета, проверяй и в его присутствии продавай. Тогда акт продажи будет считаться внутренним делом той школы и гильдии касаться не будет.

Так я и знал, стремление навязать монополию все же присутствует.

– Понятно. Это всех школ касается? Гильдия только одна?

– Нет. Есть еще Гильдия боевых магов, но она не из школ состоит. Точнее, есть школы, что готовят боевых магов, но, строго говоря, они составной частью гильдии не являются. В гильдии состоят маги, живущие, либо когда-то жившие войной. По старой памяти. Вне зависимости, в какой школе обучался. Именные школы обычно самостоятельны, реже некоторые из них поддерживают друг друга, когда артефакторы на горло наступать начинают, например, образуя этакie маленькие гильдии со своими лавками артефактов. Там, где короли позволяют такое. – Опять хлебнул пива. – Адепты именных школ в бою могут быть гораздо опаснее. Туда кого попало стараются не брать, смотрят на способности. Но уровень даваемых знаний у каждой школы разный. А значит, и цена обучения.

Самые мощные именные школы на гильдию вообще плевать хотели, они государям за земли служат по вассальной клятве. Как и рыцари, включая титульных. Или адепт государю присягает за феода. А рыцарю невместно лавками владеть. В общем, толковому королю всегда есть, кого кем прижать. Именную школу артефакторами, или свободных магов нанять. Слабые школы в глухомани мелочами занимаются, они по слабости своей гильдию не интересуют. Ну, иногда не пустить в гильдию или раздавить, чтобы торговлю не портили. Возможно, потому терпят, чтобы таланты в глуши искали и начальные знания давали способным, чтобы те потом продолжали обучение уже в рамках гильдейских школ. Могу в чем-то ошибаться, глубоко не интересовался этим вопросом. Знаю точно только то, с чем сталкивался. А сталкивался я в основном с боевыми магами из именных школ. Но про них нет смысла говорить. Сошлись, кто-то кого-то убил. И все.

– А почему ты про огненных магов вообще не говоришь? – задал я вертевшийся на языке вопрос.

– А потому что их почти нет. Снова упрощу. Стихия огня, в том числе свет, – первооснова всего в этом мире. Тех, кого люди называют огненными магами, надо называть магами энергии мира. Они умеют качать энергию из любой стихии. И не только из стихий, но и живую энергию. Вот только разглядеть и развить такие способности трудно. Особенно развить, тем более людям с их знаниями. Развивают не естественную для огненного мага способность чер-

пать энергию из трех остальных стихий и, кроме того, из своей – света, а лишь одну из граней способностей. Вот и получается, что становятся они либо воздушными, либо истинными, реже магами земли. Проглядел талант вовремя – и все, после неправильно поставленного обучения развить способности почти невозможно. Черпают и используют энергию различными способами. А такие таланты, кому способности развивать почти не надо, крайне редки. Одним из признаков такого таланта является способность управлять огнем. Поэтому людишки и нарекли огонь четвертой стихией, а способных управлять им – огненными магами. В общем-то, они не совсем и не правы. Такое название не является прямой ошибкой. Просто не забывай, что все эти громкие названия касаются только способа получения и управления энергией – и ничего более.

– Понятно. Может, с такими способностями рождается и не меньше, чем других, но жизнь не способствует их развитию. Просто не нужны. Так?

– Верно, – удивился старик, покачав головой. – Скажу более, некоторые считают, что все, кто рождается со способностями, наделены властью над мировой энергией во всех ее ипостасях, просто дальнейшая жизнь мешает развиваться. Во всяком случае, такой вывод можно извлечь из некоторых старых книг имперских магов.

– Может быть, мы обсудим истинных?

– Пожалуйста. Они могут управлять живой энергией, хотя правильнее называть ее энергией жизни.

– Я могу назвать ее биоэнергией, если надо, энергией живого, – перевел я термин колдуну. – Дело не в названии.

– Хорошо, – кивнул колдун, снова хлебнув пивка, – тут тоже нужны способности. Собственно, любого мага можно условно назвать истинным, поскольку управляет и использует он чуждую ему энергию, черпаемую из какой-либо стихии именно посредством истинной, в том числе своей жизненной энергии. Но тут и начинается влияние способностей и таланта. Такие же способности черпать энергию, как из земли, воды, воздуха, нужны и истинному магу, который черпает и использует живую энергию. Вот и вся разница.

Если угодно, жизнь – это пятая стихия. К слову, большинство из людских магов так и считают. Истинные маги сродни водным в ограниченности возможностей. Только водным нужна вода, а истинным – жизнь. Хотя на воде они далеко не беспомощны, в море живности хватает. Отличие в том, что у стихийных имеется власть, в основном, над неодушевленной материей, а у истинных – над живой. Истинному никогда такой власти над водой, как у водяного, не добиться. А водяному – над живой материей, какая бы она ни была, хотя воды в теле разумного или зверя более чем достаточно, как впрочем, и в обычном дереве либо траве.

Убить может легко, а вот лечить – нет. Лечить стихийной энергией нельзя, ее надо сначала преобразовать в живую. Для стихийного получается замкнутый круг. Либо использовать свою жизненную энергию, либо зачерпнуть ее в окружающем мире, либо преобразовать. Легче всего лечить, используя свою, тут стихийный истинному ни в чем не уступит. Но ее возможности не бездонны. Спасти пару смертельно раненых, чтобы потом пару дней лежать пластом, не померев только оттого, что у мага запасы энергии куда больше, чем у простого смертного, желающих мало. А зачерпнуть много не получится, здесь истинного мага не превзойти, даже и пытаться не стоит, это его стихия. Все так же, как и у полноценных стихийных, – не твоя стихия, довольствуйся крохами.

И третий способ, преобразовать. Выход энергии куда больше, даже после нескольких раненых не упадешь, но, к сожалению, преобразуя энергию, стихийный очень сильно устает. И если перебрать с преобразованием, то можно вернуться к случаю первому, то есть к магу, лежащему пластом после лечения раненых. Только в отличие от этого первого случая, можно и умереть. Израсходовать всю свою энергию на другого не получится, а вот истратить на преобразование, не рассчитав силы, – запросто.

– А подпитаться ею никак?

– Никак. Даже жизненная энергия требует времени на усвоение. Это тебе не ведро воды в бочку перелить. У тела есть предел возможностей восстановления затраченной энергии и ее усвоения. Думаешь, почему тогда в борге раненые умирали? Надеюсь, не оттого, что я силы свои пожалел?

– Понятно.

– В общем, преобразование – это обычное заклятие, использующее доступную энергию в каких-либо целях. Что костер разжечь, что молнию швырнуть, что раненого вылечить.

– Мы, кажется, говорили об истинных, а ты вернулся к стихийным.

– Успеешь. Стихийному можно пользоваться всеми тремя способами, но в деле излечения и преобразования всего, что есть живого, за истинным ему никогда не угнаться. Даже если знаний у него достаточно. У самого могущественного на тварь, которую мы тогда в Мертвых землях убили, еле-еле возможностей хватит. На «мертвого воина» тем более, а есть твари еще страшнее и опаснее, которых создавать куда сложнее. Истинный в такой же степени не имеет власти над мертвой материей, как стихийный над живой. Вон те доспехи, – махнул Сигурд рукой, сжимавшей очищенную сухую рыбешку, в сторону мешков с доспехами, – думаешь, сколько бы пролежали в земле, если бы с металлом стихийные маги не работали? А все ради того, чтобы металл не ржавел. Истинный, затратив те же усилия, хорошо бы лет на десять от ржавчины защитил, пусть даже на пятьдесят. Мечи твои, точнее сталь для них, еще при плавке маги обрабатывали, да и потом руки не раз приложили.

– Понятно.

– Теперь об истинных. Так как власти над живым у них больше, естественно, они этим делом и пользуются. Все эти молнии и огонь, которыми стихийные любят от противников избавляться, не для них. Затраты энергии те же, а сила удара меньше. Они тоньше действуют. Чтобы, допустим, человека убить, много силы не надо. Достаточно, например, сердце у него остановить. Можно вообще жизненную энергию высосать. Да что угодно... Чего только истинные для убийства себе подобных не придумали! Если упростить, то оружием истинных в большинстве служат обычные проклятия. Тот же самый сглаз, но в десятки раз более сильный и быстрый.

– Ну расскажи тогда о проклятиях.

– А что про них рассказывать? Все сам узнаешь, и даже научишься пользоваться. Живое и разумное существо состоит из трех равнозначимых тел. Души, энергетической оболочки и собственно живого тела. Насчет животных мнения различны. Все эти оболочки взаимосвязаны. Убьешь тело – энергетическая оболочка разрушается, душа стремится на суд богов, а там – куда пошлют, обычно на новое перерождение, наверное. Знаешь ли, мало кто вернулся, чтобы рассказать. Мечта любого мага привязать оболочку не к материальному телу, а к душе, как у некоторых демонов из нижних миров. Тогда умереть становится довольно сложно. Можно, как тебе, в чужом теле жизнь продолжить. А знаешь ли ты, что теоретически тебя вполне можно назвать демоном? – ехидно спросил Сигурд. И засмеялся, старый циник. Потом продолжил:

– Уничтожишь либо повредишь энергетическую оболочку – будет то же самое, что и в первом случае. Тело умрет. Душу, по слухам, никому уничтожить не удастся. Обо всем этом как-нибудь потом, когда достаточно узнаешь. Проклятия – это воздействие либо на энергетическую оболочку, либо прямо на живое тело. В первом случае взаимодействие двух тел твоего «я» нарушается, из-за чего грубое материальное тело просто умирает. Например, останавливается сердце. Во втором случае никакой разницы с тем, что живое существо молнией поджарят или без затей ткнут ножом. Хотя есть совсем изощренные заклятия, после них живая плоть за мгновение может истлеть. Но в общем, нет большой разницы. Что тебя стрелой проткнут, что топором голову расколят. В любом случае умрешь.

О чем-то задумался и продолжил:

– Еще большим недостатком истинной магии является возможность ее истощения в окрестностях волшбы. Хотя, с точки зрения боевого мага, это не всегда можно назвать недостатком. Проще говоря, маг или маги для своих заклятий способны высосать всю энергию у всей живности окрест. Насколько у них сил дотянуться хватит. Я видел немаленькие рощи, в которых жизни было не больше чем в гранитном валуне, и поля битв, на которых годами не гнили незахороненные тела. Понял, о чем я?

Кивнув, я одновременно задумался, где и когда старик мог видеть такие битвы. Предположение, что Сигурд коптит небо почти лет пятьсот, было, после некоторой заминки в мыслях, отброшено, но сама идея не показалась мне слишком еретической. Объяснить все простым стариковским хвастовством для красного словца тоже нельзя, да и глупо. Данных для полноценной обработки информации было недостаточно, но отметка в памяти сделана.

– Это бывает, когда действительно сильный или сильные маги там колдовали, – тем временем добавил старик. В очередной раз хлебнул пива и продолжил: – У эльфов мало стихийных магов, именно поэтому им надо много лесов и живности. Все, как видишь, просто.

– А у нас?

– А у нас разделения на стихийных и истинных как такового нет. Может, оттого что такими нас имперские маги создали, когда выводили, может оттого, что наши колдуны свои знания и традиции от имперских школ ведут. Мы, в отличие от людей, не губим по незнанию так называемых огненных магов, не допускаем неправильного их обучения. И, что очень важно, наши колдуны – в отличие от всего остального мира – могут работать с другими стихиями в куда больших объемах. Даже если способности в начале обучения к сему не располагали. Талант к определенной стихии остается, но нашего земляного мага в морском сражении далеко не всякий водяной маг одолеет. Как результат внутри школ деления нет, просто каждый знает свои возможности. О врагах вообще молчу, те считают, что все орки каким-то образом рождаются только со способностями огненных магов. Вроде как посвящают себя и своих детей огню, жертвы в костер бросают и прочую дрянь... Кстати, в плен попадать не советую. Все жилы вытянут, секреты школы пытая.

– А почему эльфы не научились воспитывать таких магов, как у нас? Ведь выходит, тут все дело только в правильности обучения?

– Скорее всего, причин две. Первая – им это надо? Истинная магия сама по себе может очень многое, а крохи стихийной эти возможности дополняют. Абсолютному большинству что стихийных, что истинных магов даже имеющихся способностей хватает по горло. То, что они многого не сумеют, для них не страшно. К одной цели ведет множество дорог, какая разница, по какой идти? Опять же, не забывай, что мы обучаем гораздо быстрее. И вторая причина. Думаю, можно говорить, что при врожденных способностях связь с истинной энергией проявляется больше. Но в случае эльфов, может быть, срабатывает побочный эффект от бессмертия. Оно-то и давит талант к владению магией стихий.

Я подавил вопрос о своих талантах:

– Ты что-то говорил об артефактах?

– Артефакт – это созданный магами предмет, который помогает качать энергию из окружающего мира. Если быть точным, он ее и качает, также в него, как правило, закладывают исполнение наиболее часто применяемых команд. Допустим, огненную бурю создать, или шторм на море, если артефакт на самом деле могущественный, хотя таких единицы. Чаше встречаются защитные артефакты – те же амулеты, только гораздо более мощные. Вообще, что угодно может быть, насколько хватило когда-то фантазии мага-создателя.

– Шторм создать? – усомнился я. – Это сколько же энергии надо?

– Правильный вопрос, – заулыбался колдун, – очень много энергии. Столько, что ни один орк, эльф, человек или гном ни овладеть, ни управлять таким ее количеством сами по себе не в силах. Вот для этого артефакты и придумали. У одного Императора по имени Седрик был меч

«Повелитель бурь», так он им на врагов шторма и ураганы насылал. Был. – Грустно повторил Сигурд, выдав некоторые обуревавшие его чувства. Наверное, жадность.

– Неужели делся куда? – недоверчиво спросил я. – Такие вещи вряд ли возможно потерять навсегда. Найдут. Не друзья, так враги. Или им после смерти Императора нельзя воспользоваться?

– Почему же, – хмыкнул старик, – воспользовались. Именно после этого он пропал, так и не нашли.

– И как же?

– После смерти Императора «Повелителем бурь» воспользовалась Императрица. Рогнеда наслала ураган на вражеский флот, решив уничтожить его штормом, а потом, коли понадобится, добить уцелевших.

– И что, получилось?

– Дура тупая она, вот что, – неожиданно психанул Сигурд. – Такой ураган наслала, что победителей не было. Хотя у имперцев кое-кто и выжил, вроде даже пара кораблей уцелела. Погибли сама Рогнеда, треть гвардии, оба флота. Где ты на дне этот меч сейчас найдешь? Одно отрадно, что во вражеском флоте почти половина кораблей были эльфийскими. Приморские дома от этого шторма до сих пор толком не оправились.

– А где ты все это учил? – заинтересовался я древней историей.

– У ярлов есть библиотеки. Почти все маги собирают книги. Не торопись, придет и твое время, считаешь мои.

С обратной стороны холма, на котором жил Сигурд, находился хутор его рабов-крепостных. Они предоставили телегу и лошадь, на которую мы взгромоздили требующее реализации имущество и доставили в борг.

На той же телеге перевезли к пирсу и мое барахло. Все забирать не стал, взял одну чешую и три кольчужных комплекта вместе с оружием, дабы не перенасыщать рынок. Заодно воспользовался кузницей для их ремонта.

На другой день мы вышли в Кортборг. Там высадили Хильду, загрузились сулящим прибыль товаром и на следующий день вышли курсом на Хильдегард, резиденцию нашего ярла, драккар зацепили за шнеккой. Снорри и Рольф плыли вместе с нами, свою шнекку купец оставил в Кортборге. Тот корабль, на котором его подловили эльфы, уже давненько находился в Хильдегарде, куда его забрал сын Снорри.

Дед взял с собой обоих моих двоюродных братьев и их отца Харальда. Также с нами увязались двое А'Туллов и дедов зять Зигфрид со своим товаром и рабами.

Глава XIV

Хильдегард встретил нас неприятным морозящим дождем, размывавшим контуры городка, стен и башен каменного замка, рядом с которым городок и вырос. Пришвартовались мы у собственной пристани Снорри, под его загородным домом. Окруженный бревенчатым частоколом с башнями по углам, этот комплекс орочьего деревянного зодчества был полным аналогом усадеб в боргах, отличался только размером и количеством строений в большую сторону. Главными из построек на подворье купца были склады, набитые товаром.

Держать основной товар в другом, городском доме не имело смысла, невыгодно, как мимоходом пояснил Снорри.

В дверях резиденции хозяина встретила жена, дама достаточно крупных габаритов, на полголовы выше Снорри и с кулаками не намного меньшими а также семейство. Молодой мускулистый парень примерно лет за двадцать, его младший брат на год-два помладше меня и девица лет пятнадцати-шестнадцати, весьма похожая на маму, даже выражением лица, разве что меньшего роста, рядом с ней держались близняшки лет пяти на вид.

Пока мамочка приветствовала мужа, дети молчали, когда же ритуал закончился, девчонки кинулись обнимать отца, сыновья степенно ждали, когда до них дойдет очередь.

Вечером была пьянка, которая уже по счету за несколько последних дней, мы пили очень хорошее вино, получше того, что я пробовал в Кортборге. Державшийся ранее несколько высокомерно, сын Снорри Свен оказался неплохим собутыльником. Второго сына не пригласили по молодости лет.

На следующий день Снорри известил местных перекупщиков, что у него есть корабль на продажу, и занялся реализацией как товара, так и информации.

Для получения политических дивидендов информацию об уничтоженной эльфийской базе нужно было довести ярлу лично, что требовало аудиенции. Был подключен средний сын Снорри Асмунд, с полгода как служивший в дружине, он должен был пригласить форинга в гости к отцу. Мы же со всем товаром переехали в городскую резиденцию семьи Снорри, где постоянно проживал Свен. Он, получив в подарок от отца комплект вооружения Приносящего Смерть, развел руками и заявил, что найдет нам покупателей. Первый лидман, жаждавший купить доспех, появился к вечеру. Асмунд, так же как и брат, получил в подарок чешую.

Сигурд на полдня куда-то исчез, появившись только вечером с изрядно распухшим мешком.

О приглашении в замок оповестили на вторые сутки через Асмунда, тот сообщил, что Харальд А'Кайл нас примет.

* * *

Замок ярла впечатлял: стены и башни просто-таки дышали мощью, достоинством и древностью – все это было построено еще во времена Империи. Но как наиболее зримый символ власти Харальда А'Кайла и одновременно сутевой элемент образа Оркланда, как я его в тот момент понимал, мне запомнились черепа, огромное количество черепов, торчавших на стенах. Прямо на зубцах.

Среди дружинников давно укоренилась мода представлять руководству вещественные доказательства своих подвигов, конкретно – отрубленные головы врагов. Если доставка не сопровождалась большими хлопотами, то позже головы занимали свободные места на стене и оставались там сушиться. Веками. Заметив мой интерес к национальным традициям, Снорри дал необходимые пояснения. Колдун добавил, что головами перед инсталляцией занимаются маги, но в подробности предэкспозиционной обработки вдаваться не стал.

Свою долю впечатлений внесли и засиженные мухами трупы на кольях перед воротами, в количестве пяти штук. Я даже забыл о тяжести мешка с доспехами и оружием, презента ярлу.

Перед визитом мы подумали и решили, что без подарка являться не стоит. Поначалу хотели преподнести доспех Приносящего Смерть, но меня заела жаба, и я предложил собрать более-менее приличный комплект из принадлежавших нашим погибшим родичам предметов и заострить на этом внимание во время аудиенции. В том смысле, что души владельцев жаждут мести и тому подобное. Все неожиданно согласилось. Тоже, наверное, не в последнюю очередь из экономических соображений: ярл – ярлом, но уж больно дорого стоило вооружение элитного длиннорукого убийцы.

Снорри посмотрел на трупы и хмыкнул, он уже был в курсе местных новостей.

– Преступники. Слово ярла нарушили, людских купчишек с его охранной грамотой грабили, но один возьми да отбейся. Дружинники вырезали разбойничий херад, а этих живыми взяли.

Пройдя ворота, мы были направлены к здоровенному двухэтажному бревенчатому зданию, выделявшемуся среди многочисленных построек различного назначения внутри замка. У дверей здания толклись несколько орков, ожидавших приема у ярла.

Харальд А'Кайл, принявший нас в зале с отодвинутыми к стенам столами, поначалу не произвел на меня особого впечатления. Обычный здоровенный орк, по роже которого сразу было видно, что этому убить проще, чем в зубах поковырять. Выпадали из образа только умные глаза, которыми ярл смерил меня с головы до пят. Он сидел в кресле на возвышении у дальней стены.

Ритуал представления был скомкан реакцией ярла на присутствие Сигурда:

– Приветствую в моем доме многоуважаемого Говорящего с Неведомым. Вина гостю и его друзьям. – В дверях забежали слуги. Ну, прямо все знают старого колдуна. – Что привело в мой дом столько лет живущего в глуши затворника, многоуважаемого купца и не менее уважаемого хольда рода А'Корт с сыном?

Поправлять власть имущего я не стал. Не суть важно, сын я или внук. Не свататься пришел.

– Дела привели, дела, – степенно ответил Сигурд. – Не хотелось мне из глуши вылезать, а пришлось. Эльфы борг вырезали, как не отомстить? К тому же во всем борге только двое мужчин в живых осталось.

Тусовавшаяся у столов по стенам зала общественность зашептала.

– За помощью пришли, за Тайнборг отомстить? Какой эльфийский дом напал, вам известно? А то, я слышал, из нападавших мало кто ушел. Такие злодеяния прощать нельзя, и пока кланом правлю я, возмездие врагам неминуемо, не беспокойтесь. Да, к слову, и с тобой, Сигурд, раз отшельничество свое прекратил, побеседовать мне надо будет, как останешься, поговорим.

– Мы и сами отомстили. Даже тех эльфов, что от твоих дружинников ушли, мы уничтожили, – вступил в разговор дед. – И те пятеро, кому от Тайнборга уйти удалось, тоже не избежали нашей мести.

– Все верно, – добавил колдун, – а к тебе пришли мы потому, что кроме эльфов мы на херад короткоухих наткнулись, что в Мертвых землях чуть ли не борг успели построить.

– Где они сейчас и сколько их? – шевельнулся в кресле ярл.

– На дне все, – хмыкнул на этот раз Снорри. – Только они там не один год сидеть собирались, конюшни на двести с лишним лошадей построить – дело не одного дня. Почему мы и решили, что тебе об этом узнать нелишне. Кроме того, с них отличный драккар взяли. Купить не хочешь?

– И много вас ходило? – заинтересовался властитель.

– Семьдесят один воин, на двух шнеках. Убито одиннадцать.

Вдоль стен опять зашептались.

– Эльфов и короткоухих около восьмидесяти.

Шепотки стали громче.

– Да ну? – не поверил ярл. – На одном драккаре?

– На одном драккаре были двое эльфов и сорок четыре человека, – влез в разговор я. – Остальные – это эльфы-походники.

У стены кто-то сказал:

– Ого!

– Удачный поход! – поднял брови ярл. – Ну так что вам от меня надобно?

– Месть нам нужна, – солидно прокашлявшись, выстрелил дед. – Из тех, кто наших родичей убивал, в живых никого не осталось. А вот те, кто их сюда отправил, еще живы. И коли ты мстить эльфам собираешься, не откажись разрешить родичам погибших в походе участие принять.

На эльфов большим войском с клановым ополчением ходили довольно редко, как мне прошлым вечером пояснили дед и Сигурд. Простые родовичи в целом заметно уступали дружине как по боевой подготовке, так и в вооружении. А в войне с таким противником, как эльфы, скрытность, быстрота, боевая подготовка и вооружение походников были важнее численности. Большое войско слишком неуклюже и маломаневренно, особенно когда передвигалось на своих двоих, а у эльфов сильная конница.

Дед свои мысли не озвучивал, но победоносный поход изрядно поднял его статус в борге. Коли ярл согласится, а согласиться он практически обязан, дед, как отец и дед погибших в Тайнборге, одно из первых лиц на редкость удачного похода, автоматически претендует на статус хевдинга отряда, идущего с ярлом. Поселковый херсир остается за бортом, поскольку ярл не собирает ледунг. Удачное командование в походе резко усилило бы позиции деда среди первых лиц борга во всех смыслах. Еще бы, хевдинг, а то и херсир отряда из пары-тройки кораблей, признанный ярлом.

– Это возможно, – кивнул ярл.

– Тогда не откажись принять доспех и оружие на память как о нашем удачном походе, так и о мести, – вежливо склонил голову дед. – Принадлежали они родичам нашим, что под эльфийскими стрелами головы сложили, из ведомого тобой похода возвращаясь.

Ярл кивнул. Очень кстати появились слуги с кувшином и кубками. Хлебнув вина, я вышел вперед и начал выкладывать перед ярлом подарок – комплект доспехов и вооружения, только без щита, копий и лука, включая отцовскую байдану. Носить я ее не собирался, а продавать не хотел, это был самый лучший вариант. Кроме того, избавился от своего топора, случая воспользоваться которым в походе так и не нашлось.

С байданой и вышла заминка, форинг дружины, стоявший за креслом ярла, неожиданно остановил одного из своих гридней, забравших подарок, и присмотрелся к байдане, потомглянул на меня. После чего что-то зашептал на ухо ярлу. Тот кивнул.

– Не Бранду Аксу А'Корту раньше принадлежала? – спросил форинг.

– Ему, – ответили одновременно дед и Снорри.

– Он что, тоже погиб? – заинтересовался форинг.

Снорри оглянулся на деда, тот набычился и сказал:

– Да, и не только он.

– А в Тайнборге что он потерял? – продолжал расспросы форинг, видно, знал отца. Непонятно только, почему в присутствии ярла.

– Жил он там, – ответил дед. Ярл шевельнулся и неожиданно вперился в меня взглядом.

– А с семьей что? – продолжил расспросы форинг, посмотрев на ярла.

– Он сам, двое сыновей на драккаре, жена и дочь в борге, – с напряжением в голосе ответил дед.

– Так драккар до борга дойти не успел? – удивился форинг. Ярл продолжал сверлить меня взглядом.

– Да, – включился в разговор Сигурд, – на ночевке эльфы стрелами закидали. После чего и решили на борг напасть.

– А предыдущей ночью на мой корабль так же напали, – добавил Снорри. – Хотя мне за борт прыгнуть удалось.

– Как отбились тогда? – еще более удивился форинг, у стен зашептались. – Они же не посреди бела дня стены начали штурмовать?

– Верно, ночью напали. Часовых Приносящие Смерть вырезали, – ответил дед. – Взяли стену, потом за дома взялись.

– Сколько их было? – заинтересовался ярл.

– Тридцать пять, – сказал Сигурд.

– А мужчин в борге?

– Вместе с новиками где-то двадцать пять.

– Как же вы отбились? – неподдельно удивился на этот раз ярл.

– Одного из часовых эльфы не добились, а он от болта в лицо только сознание потерял. Болт по скуле скользнул, – покосившись на меня, ответил дед. Его движения не остались незамеченными. Меня, а скорее мое лицо, начали рассматривать не только ярл с форингом, но и многие присутствовавшие в зале. Шрам был достаточно заметен, несмотря на лечение колдуна. – Как очнулся, эльфов в башне посек да стрелков на стенах пострелял. Потом эльфов и в борге рубил.

– И скольких убил? – рассматривая меня с непонятым выражением на физиономии, спросил ярл.

– Пятнадцать, – глянул на меня дед, словно приглашая вступить в разговор. Я предпочел играть в гляделки с ярлом. У стен зашумели. – Двух в плен взял.

Шум стал еще более громким.

– А второй, кто остался в живых, сколько? – усмехнулся наш феодал.

– Одного, – ответил на этот раз Сигурд. Я удивился, старик же в бою не участвовал! Не замечалось раньше за ним попыток примазаться к чужой славе.

– Рабом он тогда был, эльфа ножом заколол и с его мечом и щитом на защиту дома встал. – Так он про Ансгара говорил! – Из остальных мужчин никто не выжил, так, несколько детей и девушек. Рабы не в счет. Да и тех мало, эльфы всех подряд убивали.

– У Бранда А'Корта кто-то из семьи в живых остался? – спросил форинг.

– Двое, сын и дочь, – медленно, с расстановкой, словно опасаясь подвоха, ответил дед.

– Где они сейчас? – посоветовавшись с возжаждавшим общения ярлом, спросил форинг.

– Сын – вот он, – махнул рукой в мою сторону дед, – дочь я к себе в Кортборг забрал.

Ярл встал:

– Кровь рода А'Корт забыта не будет. Не согласится ли уважаемый хольд быть моим гостем со своим, если не ошибаюсь, внуком? Отведайте хлеба с моего стола, пока я не освобожусь. Вас проводят. К тебе, Сигурд, это тоже относится.

Снорри, ухмыляясь, переглянулся с форингом, перевел взгляд с ярла на меня, после чего подмигнул. Сигурд тоже поглядывал в мою сторону, мне показалось, с недоумением и напряженной работой мысли.

Молодой дружинник проводил нас в небольшой зал-столовую, явно для важных персон, одной из которых неожиданно признали меня вместе с дедом, усадил за стол и распорядился слугам насчет обеда.

– Что это значит? – поинтересовался у деда колдун, пока слуги бегали за обедом.

– Если не ошибаюсь, у Края второй дед сейчас объявится. – Криво ухмыльнулся дед.

– Я так и думал, – хмыкнул Сигурд, – надо же, не знал, что Хельга приходилась ярлу дочкой. А почему скрывали, не признал, что ли, когда-то, или еще что-то?

– Признать-то признал, даже воспитал и замуж отдал, – видно было, что моему старику хочется выговориться, – мать у нее... – Махнул рукой, глянув на колдуна.

– От пленниц дети не такая большая редкость, а если род матери хорош, ими никто не брезгует. Крестьянка, что-ли, какая, с походной голодухи, или рабыня? Или... – Сигурд замолчал, видимо, решил не мотать нервы деду предположением, что мою мать породила походная шлюха, тогда действительно есть смысл скрывать ее происхождение. Мне эта мысль тоже пришла в голову. – Бывает...

– Возможно, и хуже. Или лучше, это как посмотреть, – кивнул дед и подождал, пока нам накроют. Я за это время почти уверился в былые налеты нового дедули на походные бордели. Где только он их взял, вот вопрос. Слуги исчезли, дед продолжил:

– От эльфийки она дочь. – Колдун крикнул и посмотрел на меня. Я был ошарашен, но все же не понимал, почему эльфийка хуже проститутки. Хотя пещерную ненависть соплеменников к эльфам знал и понимал. Дед тем временем продолжил: – Сын из дружины ушел, когда парня из рода А'Кайл убил. Тот над молодой женой и им самим, напившись, издеваться начал.

– Я же говорю, все бывает, – улыбнулся Сигурд, хлопнув меня по плечу. – Ничего в этом страшного нет. Все мы от эльфов род ведем.

Промолчал, потом негромко добавил неожиданно грустным голосом:

– И у меня дитя от эльфийки было когда-то.

Дед раскрыл рот: скажем так, нелюбовь колдуна к эльфам была общеизвестна, а в походе неоднократно находила свое подтверждение. Однако приободрился, установлением прочных деловых связей с Сигурдом он явно дорожил, одобрение принятия в род невестки-полуэльфийки явно им не повредило.

Потом глянул на колдуна и о чем-то задумался. Надо полагать, о его семейной драме. Не связана ли неприязнь Сигурда к длинноухим с матерью его ребенка или ее мамой. Ха! Так и вижу Сигурда, охаживаемого скалкой, когда вернулся домой пьяным, под крики одобрения тещи.

* * *

Вошедший в зал ярл сразу направился ко мне. Рассматривал с минуту, потом обратился к деду:

– Он знает?

– Только что узнал, – пожал тот плечами.

– Как, раньше не сказали? – усомнился вновь обретенный дедушка.

– Если о том мать с отцом молчали, значит, были причины, – с вызовом в голосе обратился мой старый дед к новому. Тот на секунду опустил глаза, задумался... Но только на секунду.

– Ну что ж, здравствуй, внук, – твердым голосом сказал ярл. Я тоже на мгновение задумался.

– И ты здравствуй, отец моей матери. – Ярл опять на секунду опустил глаза, но промолчал.

– Соболезную твоему горю, внук мой. Не знал я твоих братьев и сестер, но отца помню. Не зря, вижу, ему дочь в жены отдал.

И далее в таком же духе. Хотя и недолго, чтобы не терять достоинства. Разговор с соболезнованиями, ни о чем. Неудивительно, люди, тьфу, орки видят друг друга впервые в жизни, не обниматься же с криками: «Дедуля!!!», «Внучек!!!».

Разговор коснулся недавнего похода, ярл искусно включил в него деда с колдуном, найдя интересную для всех, включая дружинников у дверей, тему. Согласно его жесту все уселись за стол, на столе появились вино и закуска, после чего он начал расспрашивать о подробностях похода. Я отмалчивался, периодически встречаясь взглядами с вновь обретенным родственником. Несмотря на зверообразный вид, ясно дававший понять, чьи гены унаследовал братишка Бьерн, разговор подтвердил наличие у дедули мозгов, и, на мой взгляд, исправно работавших. Ярл искусно выпытал у обоих стариков подробности похода, включая мое в нем участие. Например, эпизод со штурмом башен. После чего взялся расспрашивать меня:

– Страшно не было первым идти?

– До того, как тараном махать начали, маленько потряхивало, – честно ответил я, отхлебнув вина, – потом некогда было. А когда в башню ворвались, тем более. Там все мысли были – как можно больше противников порубить, пока не опомнились.

– И много порубил? – заинтересовался владетельный дедушка, проявив наконец свои кровожадные инстинкты.

– Не знаю, – пожал я плечами, – полагаю, человек двенадцать.

Ярл поднял брови:

– Пятнадцать эльфов, людей тоже за раз двенадцать, – улыбнулся новый дед. – У меня и в дружине таких берсерков нет, наверное.

Он явно не поверил мне. Тем не менее я продолжил рассказ:

– Убил-то меньше, конечно. Некогда было раненых добивать, этим те, кто за спиной шли, занимались.

– Он и наверх первым зашел, – включился в разговор засекший сомнения ярла дедуля номер один. Сигурд кивнул, подтверждая, и отхлебнул вина.

– А там что было? – проявил вежливость дед номер два. По всей видимости, охотничьи рассказы ему изрядно надоели, но тут трепалась вновь обретенная родня. А может, хотелось послушать новую байку.

– По башке получил и свалился, – разочаровал я старика, – и не первым я шел, а третьим. Первых двоих убили. Мне просто повезло.

– Скажешь тоже, повезло, скажи – шлем спас, – опять влез в разговор дед.

– Мне и хауберк разрубили, – пожал я плечами. – Удар край панциря задел, поэтому на шее только порез остался, да царапины от колец.

– Повезло, – задумчиво протянул дедушка-ярл, похоже, усомнившись наконец в том, что ему рассказывают обычные военные побасенки. – Кольчугу не пробили, других ранений не было? А то короткоухие любят упавших мечом ткнуть. Или не успели?

– Я не кольчугу ношу. Целые не успели, – ответил я на оба вопроса и отхлебнул дармового вина. – Один из раненых мою ногу потыкал, уже когда я упал. На первом этаже в спину, похоже, топором секанули. На лопатке до кости прорубили, хотя и ничего серьезного. Наручье и наплечник – не помню где, по-моему, на лестнице. Уж больно много и часто оружием махали. Ран много, но серьезной не одной.

Никакого хвастовства, чистая правда. Если честно, сомнение в голосе ярла меня задело. Тот промолчал, то ли поверив, то ли сделав вид.

– Про борг расскажи, как там отбились.

– Как отбились? Просто. Когда Приносящие Смерть часовых убивали, один из них, что в лицо мне выстрелил, проверить тело поленился. Очнулся я, когда полная башня эльфов была, только лежать и дышать через раз оставалось. Как начали поселок штурмовать, встал, стрелков в башне вырубил, из арбалета стрелков со стены тоже посбивал. Тем временем наши успели собраться, кто-то даже доспехи сумел одеть, начали рубиться с теми, что дома чистили. Башню бросил, к ним на помощь прибежал. Вот и все.

– Не совсем, – неожиданно добавил Сигурд и обратился к ярлу, – он там шестерых эльфов зарубил. Когда один остался.

– Не преувеличивай, – заприбеднялся я, – двое ранены были. Их я только добил.

Ярл, похоже, поверил, в глазах появилось удивление и даже, возможно, уважение; а может, и гордость своими генами.

Я даже постеснялся уточнить, что и оставшихся четверых рубил со спины. И если бы не воткнул цзянь Охтарону в ягодицу, прежде чем тот успел развернуться, то не известно, чем бы дело кончилось.

– Где вы остановились? – обращаясь к деду.

– У Снорри.

– Ах, да, они же с Брандом дружили... В замке не проще пожить, корабль и другую добычу продавая? А доспехи трофейные можно продать моим хирдманам, быстрее будет.

Дед отказался, очевидно, не желая выглядеть бедным родственником. Ярл кивнул, надо полагать, поняв причины. В его взгляде на деда появилась симпатия, дед со Снорри получили приглашение на пир вечером. Сигурд, похоже, должен был на нем присутствовать автоматически.

Перевел взгляд на меня:

– А тебя о согласии я не спрашиваю, к вечеру покои будут готовы. Не к лицу внуку ярла у кого-то другого в Хильдегарде жить.

Я пожал плечами, дед, посмотрев на меня, кивнул, типа правильно, живи. Сигурд приглашение ярла тоже отклонил, заявив, что у него дел по горло. Разве что когда освободится. Однако заходить будет часто, так как ученика ему надо учить, после чего выразительно посмотрел на меня.

– У него дар? – заинтересовался ярл.

– Да.

– Хорошо, – заулыбался власть предержащий дед. И задумался о чем-то своем.

Тут нам помешали, появилась хозяйка дома, точнее замка, со свитой. Статная дама с огромной связкой ключей на поясе весьма изящного серого платья с вырезом. Кроме платья она отличалась абсолютно белой кожей, ее можно было даже, наверное, принять за эльфийку, если бы не зрачки. Белый цвет кожи она унаследовала от родственников с островов, будучи дочерью ярла клана Ас'Хайт.

Ярл представил гостей хозяйке дома, после чего обрадовал ее известием о появлении у него внука. Только не от нее. У леди Бригитты дернулся уголок рта, не каждый день такие новости поступают. После чего она начала упорно меня рассматривать. От кого внук, ярл не уточнил, отчего я решил, что с матерью они были знакомы. Леди осмотрела меня, сделала какие-то выводы, получила распоряжение приготовить мне покои в замке, кивнула в знак согласия, после чего удалилась. Девушки из свиты поулыбались присутствующим и удалились вместе с ней.

В процессе обсуждения предварительных планов будущего похода или еще чего я не участвовал, предоставив эту честь старшим. Сам же отправился собирать вещи.

Глава XV

Снорри встретил меня улыбкой:

– Признал?

– Да. Так ты что, знал?

– Я же твою мать еще девчонкой помню. Что говорит?

– В замок говорит, переселяйся, не к лицу внуку ярла где-то еще жить.

– И правильно сказал. У тебя тут вещей много? Слуг возьми и лошадей, коли много везти надо. Часть доспехов трофейных надо тебе взять. Продашь быстрее. А то и дороже. – Кивнул сыну, появившемуся из дверей и тоже улыбавшемуся мне. Тот крикнул рабов-конюхов.

– Спасибо, возьму.

Барахла было в принципе немного, большую его часть составляли трофеи. Помимо повседневной одежды, подумав, взял трофейные эльфийские тряпки. В них не держались насекомые, а в набитых соломой тюфяках и шкурах для гостевых постелей блох и прочей живности должно было быть изрядно. Я даже взял свою походную шкуру на тот случай, если количество живности превзойдет все мои опасения.

Из оружия хотел взять только мечи, за что получил от заметившего отсутствие бригаантины Снорри выволочку.

– Запомни, где бы ты не находился, оружие и доспехи должны быть если не с тобой, то рядом. Как бы вокруг безопасно тебе не казалось. Тем более в замке ярла. Одно то, что ты его внук, знаешь, сколько врагов тебе прибавило?

Возразить было нечего, расслабился чересчур. Как те эльфы. Дал себе слово, что подобное не повторится. Иначе можно и вторую жизнь не за грош потерять.

Поселили меня в одной из башен, на третьем этаже. На первом этаже находилось караульное помещение охраны местной тюрьмы, с самой тюрьмой, точнее ее камерами и постояльцами, в подвале. Башня была здоровенным квадратным зданием, с шириной стены метров двадцать, как бы не шире, и высотой с пятнадцать, тоже, наверное, даже больше. Этаким прямоугольник. По всей видимости, по проекту она, как и в полтора раза больший донжон напротив по диагонали замка, предназначалась для проживания гарнизона. Остальные шесть башен были заметно меньших размеров, хотя две оставшиеся угловые и надвратная уступали в размерах ненамного.

На четвертом, верхнем, этаже обитали дружинники. Второй и третий были заняты в основном гостевыми покоями, как пояснил сопровождавший меня дружинник, с любопытством рассматривая мои мечи и доставленное в замок имущество. Слуга, назначенный хозяйкой мне в помощь, хранил молчание. Лестничная клетка шла вдоль тыльной стены, со стороны двора. Мы поднялись по довольно крутой лестнице, и я повеселел, обрадовавшись, что меня не поселили среди грубых, грязных, сквернословящих, пускающих ветры при каждом удобном случае дружинников. Почему бы не обрадоваться, если навстречу идет такой цветок – рыженькая симпатичная девица-человек, с бюстом, по крайней мере, четвертого номера и самого высшего качества, лифчиков здесь пока не придумали, во всяком случае, я не видел, а силиконовые имплантаты уж точно появятся не скоро. Даже пришлось сглотнуть слюну, когда она нырнула в дверь перед нами.

– Хороша? – загоготал дружинник, его звали Бранд. – Повезло тебе, пленные тут живут, кто выкупа ждет. В основном пленницы. Так что не теряйся, пока мужья или родители выкуп собирают. Мужики не помешают, они ниже обитают. – И снова захохотал.

Выделили мне угловую комнату с двумя окнами-бойницами в стенах, выходившими на внешнюю сторону. Комнату к моему появлению успели прибрать, на сколоченной из плах

огромной кровати постелили тюфяки-матрасы-подушки, даже застеленные простыней, с ума сойти. Вторая простыня была подстелена под откинутое в ноги одеяло.

Да, приняли меня по высшему разряду, само наличие постельного белья свидетельствовало об этом. В углу, на таком же грубоватом, как и кровать, столе, стояли кувшин с водой и глиняная кружка.

Слуга, не говоря лишнего слова, помог устроиться, перетаскал совместно с рабами Снорри оставшееся внизу имущество, указал удобства и удалился, сказав, что на приемы пищи собирают тремя ударами колокола в обеденном зале усадьбы ярла. Короче, там же, где я познакомился с дедом номер два. Проинспектировав указанные удобства, я обнаружил пресловутое ласточкино гнездо, торчащее из стены и нависающее надо рвом, с дыркой стандартного диаметра в полу, все освещение шло как на продвинутом танцполе, снизу.

Там-то меня и застала еще одна обитательница этажа, тоже светловолосая красotka, на этот раз со вторым номером, выгодно подчеркнутым кружевами и покроем изящного шелкового платья, давно требовавшего стирки. Она округлила глаза, ойкнула и молниеносно захлопнула дверь. Все произошло настолько быстро, что я не успел понять, показалось ли мне, или ее уши действительно заострены и вытянуты в длину. Выяснить не удалось, захлопнув дверь, красotka ускакала в свою комнату. Не преследовать же ее!

Разобрав и складировав имущество, я решил вздремнуть, предполагая довольно насыщенную событиями ночь. Разбудили меня пьяные вопли в коридоре, плавно перекочевавшие в соседнюю комнату-камеру. В рассуждении, что это такие же, как и я, гости, – сомнительно, чтобы пленным разрешили так напиваться и орать, тем более в компании, – я перевернулся на другой бок, проснувшись окончательно только от ударов колокола.

Наряжаться, как павлин, к ожидаемому вечером пиру я не стал. По фигуре ничего из модных материалов не было, по стилю подходили эльфийские костюмы, но они отпадали по политическим мотивам. Не хотелось бить, а потом, возможно, убивать, вусмерть пьяных идиотов, заподозривших во мне недостаток патриотизма и нелюбовь к отечественному или, на худой конец, союзному производителю.

Обычная чистая льняная рубашка с вышивкой и штаны, подогнанные Эрикой перед отплытием в Хильдегард, плюс повседневные сапоги – и достаточно.

Надо сказать, за одним столом с ярлом выглядел я весьма провинциально. Посадили меня рядом с Сигурдом, по правую руку от ярла, хотя и не совсем рядом с ним. Тамошние места были забиты весьма важно выглядевшими джентльменами, встречать между которыми и ярлом мне не хотелось, какое бы родство нас не связывало. Да и за те места, что нам со стариком достались, мы удостоились не одного неприязненного взгляда. Один тип, самый упорный, даже подавился и захрипел, когда Сигурду надоел его сверлящий взор. Бедолагу вынесли. Севший по другую руку от Сигурда придворный колдун покачал головой и буркнул что-то, типа, зря он так, достаточно было просто позвать и припугнуть. Дед зажал меня с другой стороны от колдуна.

Колдун, Асмунд, как он представился мне, оказался учеником одного из учеников Сигурда, внешне совсем не походил на колдуна: двухметровый громила с минимальной печатью интеллекта на физиономии. Я в очередной раз поймал себя на мысли: а сколько же Сигурду лет? Зеленые орки жили довольно долго, но для стапятидесятилетнего старика он слишком молодо выглядел. Тем не менее его слишком многие знали, да и Асмунд выглядел далеко не мальчиком.

Стол для особо важных персон обслуживался, в отличие от остальных, не слугами и рабами, а пятерыми весьма интересными дамами и девушками. Две из них, самые симпатичные, были мне уже знакомы – те самые встреченные мною красавицы. Причем у девушки со вторым номером бюста действительно были характерные заостренные уши.

– Это кто такие? – спросил я сразу у обоих стариков, сидевших по флангам. Сигурд хмыкнул. Дед тоже:

– Что, захотелось чего? Жениться еще он хочет...

Я на секунду потерял дар речи. Оказывается, это я жениться хотел!

– Пленницы, выкупа ждут. А что ярлу за столом прислуживают, так это зримое подтверждение удач, – добавил Сигурд.

– А та, в коричневом с кружевами? Что, полукровка или эльфийка?

– Да, ты на самых симпатичных глаз положил, – опять усмехнулся колдун. – Не хуже Эрики будет.

– Чистокровная, – вмешался услышавший, о чем речь, Асмунд. – В последнем походе корабль островных эльфов перехватили. Куда-то везли ее.

– А что не в тюрьме сидит? Эльфов же никто не любит?

– Но эльфиек, бывает, и любят, – цинично захохотал Асмунд, деда перекосило, Сигурд усмехнулся, – зачем ее туда садить? – Положил на секунду руку на мою и кивнул, типа извини, не хотел обидеть. – Заболеет еще, лечить придется. Или с тоски руки на себя наложит, ярл выкуп потеряет. Мало ли что может быть. Живет она себе в башне, и пусть живет. Она же всего лишь женщина. Да и при случае на пиру винца в кубок подлить может. Как вот сейчас.

Если у меня и мелькали мысли, что ярл захочет представить внука всему честному народу, то им не было суждено сбыться на этом пиру, и очень хорошо – по прошествии какого-то времени пир превратился в банальную попойку. наших официанток начали хватать за филейные части, но они с некоторой долей изящества уворачивались от рук. Проявления основного инстинкта пока сдерживались под абсолютно трезвым взглядом леди Бригитты, также присутствовавшей за столом. Иногда она вмешивалась и указывала самым активным приставам на ошибочность их действий. В частности, когда объектами внимания становились девушки из ее свиты, прислуживавшие ей и ярлу за столом. Одного непонятливого даже вывели после того, как леди Бригитта свистнула вышибал, в смысле дружинников. Распоясавшиеся было кавалеры слегка притихли. Обе девчонки из свиты при случае строили мне глазки.

– Дочери дружинников, – улыбнулся заметивший это Асмунд, – у обеих отцы погибли. Леди их на воспитание взяла.

Проблемы начались, когда мне понадобилось выйти в туалет. В отличие от средневековых европейцев орки знали толк в гигиене. Конструкция замка предусматривала наличие удобств, даже каменных, с водопроводом. В Европе с падением Римской империи и наступлением Средних веков прервалась не только общекультурная связь с античностью, но также были забыты бани и канализация, а здесь с имперских времен не только Колизей, даже сортиры уцелели.

Выходя из помещения и затягивая шнурок на штанах, я столкнулся с некоей личностью, которая, не озабочаясь гигиеной, поливала порог.

– Что, урод, не мог дотерпеть? – раздраженно и презрительно спросил я.

– А ты кто такой, чтобы у тебя спрашивать? – он присмотрелся, узнал. Одновременно начал завязывать штаны. – Ты что, щенок, решил, что коли за стол ярла пустили, тебе голову разбить нельзя? Или твои колдуны тебя от этого спасут?

Я сбил его на пол ударом ноги в колено сбоку и прямым в челюсть. К счастью, до расцвета искусства мордобоя здесь было далеко, тут все решалось оружием. Неуклюжая попытка схватиться за кинжал на поясе была парирована ударом той же ноги в голову. Невежа отрубился. На сие с интересом смотрели другие жаждавшие единения с природой. Вечер был испорчен. Вернувшись за стол, я хлебнул вина и откланялся. Пока не пришлось бить еще кого-то.

* * *

В комнате я переоделся в эльфийское, насекомые в тюфяках и одеяле все-таки присутствовали, несмотря на высший разряд обслуживания, и завалился спать.

Разбудили меня пьяные вопли в коридоре. Потом послышался громкий женский вскрик, довольные пьяные голоса, крик боли одного из них, мат, звук затрещины, закончилось все ударом, распахнувшим дверь в мою комнату. В двери нарисовался некий орк, державший за шиворот знакомую блондинку. На щеке орка краснели четыре полосы, явно от ногтей. Из коридора послышался еще один испуганный женский голос, потом мужской, завершилось это звучным шлепком.

Оба ночных визитера восприняли это как руководство к действию. Девушка решила полоснуть орка ногтями по другой щеке, попытка была пресечена великолепной оплеухой, от которой голова девицы резко дернулась.

Орк рванул на девчонке платье, оголив весьма симпатичной формы груди, – оценил я их, оказывается, верно, – и бросил девушку на кровать, только после этого обнаружив, что она занята.

Я поднялся:

– Пошел вон. Даму разрешаю оставить.

Накачавшийся вином по самые уши, тот мучительно что-то соображал, явно без успеха. Внезапно орк дернул головой, будто вглядываясь:

– Эльф? Здесь? Ты как со мной разговариваешь, гнида? – Ошибиться было не мудрено. Ночь, света почти нет, девчонки, наверное, совсем ничего не видят, кроме теней в ночи. Кожа у меня светлая, легкий зеленоватый оттенок и днем-то малозаметен, клыки тоже сильно не сверкают, «ночнушка» – и то эльфийская. Мечи висели на стене, но пьяному еще надо додуматься, чтобы задаться вопросом, что они там делают.

– Проваливай отсюда, скотина, – я начал злиться.

Скотина предпочел схватиться за кинжал на поясе. Причем выдернул его куда быстрее, чем я ожидал. Больше ему ничего сделать не удалось. Я пробил ему под сердце и ударил левой в переносицу, классическая «двоечка». Орк рухнул.

В дверях возник второй дебошир и быстро оценил обстановку, кинжал появился и у него, дело сильно пахло жареным. Все мое оружие осталось за спиной, дистанция между нами слишком мала, я могу и не успеть выдернуть меч из ножен. Подобрать кинжал вырубленного тоже не успею.

Второй был или более трезв, или более устойчив к спиртному. Изобразив маховый режущий в горло, он перевел его в колющий удар в бок под ребра. Я машинально заблокировал предплечьем, перехватил за запястье, с одновременным захватом и толчком в районе плечевого сустава второй рукой. Протянул его на себя, разворачиваясь на правой ноге и используя инерцию его же руки.

Оппонент завалился на спину. После удара ногой в голову осталось только зафиксировать его кисть, после чего перевернуть на живот, выворачивая руку за спину. Кинжал выпал сам. К его несчастью, я обратил внимание на свою кровь, текущую по моему предплечью и его друга, который начал шевелиться, приходя в себя. После чего он страшно заорал и потерял сознание. Немудрено, если тебе выломают руку из суставной сумки.

Подняться или подобрать кинжал первый визитер не успел. Сильнейший прямой ногой в голову отправил эту голову прямиком к стене. Окончательно выбил из него дух второй удар. Для гарантии я выдал третий. Четвертый и пятый приняли ребра. Бесчувственные тела выбросил в коридор, оставив себе оружие.

Пора было разбираться с девушками. Рыженькая, пошебуршав и пощелкав кресалом, как раз зажгла масляную свечку-лампадку у себя в комнате и выглядывала в коридор. Увидев меня, выбросившего ее обидчиков, подошла. Вторая тоже шевелилась на кровати, запахивая разорванное платье.

– Что с ними? – прошептала она, указывая на ночных друзей. Руки у нее тряслись, щека опухла.

– Лежат, надеюсь, надолго. Если навсегда улеглись, тоже не опечалюсь.

Тут эльфийка обратила внимание на собеседника:

– Что...

– Я не эльф, – упредил очевидный вопрос. И показал клыки. – Иди спать, девушка. Подругу с собой забирай. Думаю, для вас сегодня все кончилось.

Подошла вторая, оценила обстановку, запахивая платье, получалось это у нее не очень хорошо. Щека у нее тоже опухла, только не левая, а правая. Утром у подруг будет два фонаря на двоих.

– А они что?

– Очнутся и поползут туда, где живут. Если смогут.

Девушки переглянулись. Потом посмотрели на меня, снова переглянулись.

– Давайте, идите, спокойной ночи, – начал настаивать я, – мне тоже спать хочется.

Один из пострадавших зашевелился и застонал. Рыженькая вздрогнула, опустила взгляд вниз и обратила внимание на намокший от крови рукав моей рубашки.

– Ты ранен? Тебя же перевязать надо!

Я, в общем, и не возражал, пожертвовав на перевязку остатки рубашки. Эльфийка-блондиночка помогла подруге, или не подруге, а просто коллеге по несчастью, меня перевязать, после чего осмотрелась в комнате. От ее глаз куча доспехов и оружия в углу не укрылась, как и мечи на стене.

– Кто ты?

– Живу я здесь. В гости приехал. Все спросила? Теперь до свидания. Спокойной ночи. Я спать хочу.

В коридоре стонали и хрипели уже два голоса. Девушки переглянулись, рыжая глянула на меня и потупилась. Эльфийка посмотрела на нее и обратилась ко мне:

– Не позволишь здесь переночевать? Ты их избил, вдруг на нас зло захотят выместить? У одного из них комната рядом с нашей. Или еще кто может заявиться.

Я усмехнулся. Типичный сюжет для любовного романа.

– Подруга, ты что, смеешься?

– Хорошо, мы пошли, – встала та.

– Не торопись, – остановил я ее, стало маленько стыдно. Девушкам должно быть здорово страшно. Полный замок пьяных орков. Встал, вытащил шкуру и разложил ее на полу. Застелил эльфийским плащом, второй бросил поверх.

– Ложитесь. Так уж и быть. А то опять спать не дадут. – Эльфийка с видимым удивлением рассматривала меня. Видимо, оттого, что я никого из них не попытался уложить к себе в постель.

– Что стоите? Думаете, это я буду на полу спать?

Перед тем как лечь, прижал дверь столом и вытащил цзянь из ножен, прислонив его к постели. Малхус тоже был под рукой.

Девушки оказались прозорливыми. Визитов ночных компаний в район их комнатухи было, по крайней мере, два, хотя первый ограничился эвакуацией пострадавших. Попытка постучать в мои двери встретила напор энергичных междометий.

Однако утром меня все-таки разбудили, только теперь – дружинники, пригласив прибыть на разбор полетов к ярлу, как позовут. Двое из них даже остались стоять у лестницы, то ли

посадив меня под домашний арест, то ли охраняя от не желающих ждать судилища, скорого и несправедного, родственников моих ночных оппонентов или их самих. Хотя второй визитер вряд ли был в состоянии отомстить – с поврежденным плечевым суставом и порванными связками он временно небоеспособен. Во всяком случае, его появление меня бы удивило.

* * *

Сидеть под арестом пришлось часа три. Мне было скучно, я примерно сообразил, что будет дальше. Скуку несколько минут развеивали прелести Элениэль, чье имя я узнал из разговора девушек между собой, то и дело показывающиеся из разорванного платья. Но дармовое зрелище закончилось слишком быстро, дамы отправились переодеваться.

Как ни странно, через какое-то время они вернулись, чему я несколько удивился. Время они потратили не даром. Элениэль вырядилась в шикарное голубое платье с еще большим количеством кружев и глубиной декольте. Бренна оказалась одетой в строгий синий шелк, декольте у нее не потрясало глубиной, потрясал ее фантастический почти пятый номер, рвущийся на свободу.

Я немедленно заинтересовался, помня, что они – пленницы:

– И как у вас, таких красивых, такие не менее красивые тряпки не поотобрали?

Элениэль наморщила носик, скривила губы и повела оттененными глазками, под одним из которых небольшой синяк был почти незаметен – макияж, оказывается, здесь уже изобрели.

– Надо же нам ходить в чем-то? Оставили пару платьев, то, что хорошо смотрится, когда за столом ярла прислуживаем. Все остальное отобрали. Бренне вообще из награбленного платья дали. – Говорила чисто, но с заметным мягким акцентом.

– Что, кроме шелка, ничего не нашлось? – хмыкнул я.

– Нашлось, – вступила в разговор Бренна, глянула на подругу и неожиданно покраснела – дошла подоплека вопроса. Она говорила без акцента, на понятном, но с заметными отличиями, языке. Похоже, она родом из бывшей провинции Империи.

Бренне было лет пятнадцать, она еще не потеряла способность смущаться и краснеть. Вторая девушка была определенно постарше, но в случае с бессмертными и не скажешь, насколько. Смотрелась лет на двадцать. Хотя, может, даже помнит те времена, когда мой владетельный дедуля орал, молока требуя, и пачкал пеленки.

Помимо макияжа здесь изобрели и духи, обе красавицы распространяли некий приятный запах, кстати, одинаковый от обеих. Похоже, только одна сохранила свою косметичку.

– Надо же прилично выглядеть, когда спасителя благодаришь, – нашлась Элениэль.

– Выглядите вы действительно весьма прилично, – смерив каждую оценивающим взглядом, с ног до декольте и наоборот, признал я.

Элениэль подняла подведенные брови, иронически прищурилась. Общей темы для разговора у нас пока не было. Росли в различном социальном и расовом окружении, в том числе я, мужик с клыкастым зеленым лицом и со шрамом на щеке. Девушки явно пришли не только поблагодарить, но и пообщаться с не внушающим особого страха, но вызывающим сильное любопытство субъектом, который хотя и вломил зараз обоим ночным насильникам, но не поспешил воспользоваться выгодами положения. Да и представление об орочьем правосудии у них, скорее всего, уже сложилось, возможно, они даже начали обо мне беспокоиться. И тут тип, который по определению должен сопли только рукавом вытирать, в лучшем случае не своим, а только что убитого им противника, заводит и поддерживает разговор о дамских нарядах.

После моего приглашения пройти и присесть, а также ввиду отсутствия темы для беседы наступила неловкая пауза. Элениэль, рассматривая между делом обстановку в комнате, заинтересовалась сваленными в углу доспехами и оружием. Даже снизошла подойти поближе и рассмотреть. После чего я заработал странный взгляд вкупе с вопросом:

– Это наша работа? Откуда они у тебя? С кого?

– С короткоухих в основном, – пожал я плечами, – хотя, возможно, и собственно с эльфов что-то есть. Не знаю точно.

– Ты что, купец? А у кого купил? Откуда они у них?

– Доля в добыче, – разочаровал я ее, – откуда? Вырезали отряды эльфов и короткоухих.

– А какого дома? – заинтересовалась девица, тут же наклонилась, рассматривая что-то на доспехах и оружии, потом сама же себе ответила, – дом Серебряного Волка. Кто у вас такой дерзкий? Это же не прибрежный дом, как до них добрались-то?

– Не у нас, а у вас. Охтароном Серебряным Волком звали этого дерзкого. Кто вторым отрядом командовал, не интересовался. Как и короткоухими. А добрались просто, один отряд на борг напал, там его и порубили. Второй и короткоухих в Мертвых землях перехватили.

– Охтарон погиб? – явно заинтересовалась Элениэль.

– Ага, отходилась в рейды наконец.

– Не может быть! – что-то сильно заволновалась красотка.

– Ну, если ты так говоришь, – я пожал плечами. – Хотя когда я последний раз его видел, точнее, его голову, она торчала на заборе.

– Звери! – ощерилась та.

– Ты оскорблять меня сюда пришла? – спокойно спросил я. – Тогда проваливай, у меня и так впереди тяжелый день. А ночью вы, красавицы, мне выспаться не дали.

Элениэль вскинулась уйти, потом посмотрела на меня и неожиданно извинилась.

– Прости, я не хотела тебя обидеть. Эти черепа на стенах – зверство. Ненавижу. Ночь эта, тут еще узнаю, что Великий Охтарон погиб... У нас о нем даже песни сложены. Ты-то тут при чем? Прости. – Прижала руки к сердцу и кинула в меня умоляющий взгляд из-под подведенных бровей и оттененных век. Желание признаться, что я при чем как в преждевременной кончине маэстро Охтарона, так и в посадке его головы на забор, умерло, не родившись. Не последнюю роль сыграл фонарь под глазом эльфийки, виднеющийся из-под штукатурки. Тем не менее, общая интересная тема для разговора нашлась.

– Если Охтарон был так уж велик, как ты о нем сказала, какого демона он отряды вашей молодежи в Оркланд водил? Он же в войне с Империей прославился? Времени сколько прошло? Он, коли на то пошло, должен уже лет пятьсот как в уютном замке сидеть и подчиненных пинать. Иначе какой он великий?

Эльфийка моему интересу явно удивилась, но ответила:

– Он низкого, младшего рода. И так в сотники тяжелой кавалерии вышел. У нас это большая редкость, мы же от старости не умираем. Должности в дружинах князей если и освобождаются, то по наследству передаются, детям или внукам. Охтарон даже прямым вассалом князя поначалу не был.

Я понял. Полная стагнация. Бессмертный индивидуум мог освободить должность у бессмертного князя только погибнув. Или отказавшись сам, думаю, это возможно. Но у него обычно имеются взрослые дети, а то и прочие потомки. Лишать семью места в табели о рангах никому неохота, мало ли как повернется жизнь. Займи его место чужой, сколько сотен лет потомкам нужно ждать шанса снова занять должность и сопутствующие ей блага? Отчего складывается жесточайшая вертикаль власти. Слегка размываемая только на войне. Как Охтарона-то не отравили обиженные родственники предшественника? Или он повышение получил по мобилизации или, как вариант, прошел путь по мечам да копьям имперских легионеров? Как на Западном фронте в Первую мировую некоторые молодые лейтенанты умудрялись выхватить временное звание майора за день, командуя вечером батальоном вместо максимум полуроты, получив производство при помощи немецких пулеметов. При Пешенделе, например.

– Как он погиб? – поинтересовалась тем временем эльфийка. Скрывать смысла я не видел.

– Неудачно на борг напал. Из нападавших никто не выжил, если тебе интересно. Его самого сначала мечами порубили, потом добились копьем.

– Толпой задавили, – сверкнула глазами Элениэль. – Один на один, страшно было.

Я мысленно пожал плечами, одновременно уверившись в ее молодости. Девочка еще не избавилась от иллюзий. Наверняка она не намного старше своего внешнего возраста.

– Может, и страшно. Не буду с тобой спорить. Так значит, у вас, коли не повезло в нужной семье родиться, всю жизнь служить кому-то будешь? – для гарантии, уточнил я.

– Конечно! – удивилась Элениэль. – Разве у людей, гномов и у вас не так?

Крыть было нечем. Места на верхушке всегда заняты, и сидящие там освобождать эти места никогда не стремятся.

Пора, однако, было менять тему. Тем более что Бренна явно скучала, рассматривая мои мечи на стене.

– Элениэль ладно, с кораблем в плен попала, а ты, красавица? – обратился к ней. – Тебя как угораздило Оркланд посетить?

– Замок захватили. – Пожала та плечами. – Теперь собранного выкупа жду. Отца с матерью, к счастью, в замке не было.

– А ты сам как в замок ярла попал? – перешла в наступление Элениэль. – И вообще, откуда ты родом, с островов?

– Нет, не с островов. Так, вместе с родней приплыли в Хильдегард продать драккар, доспехи и прочее имущество.

– Вы что, род корабелов? – проявила знание реалий орочьей жизни Элениэль.

– Трофейный выкупили.

– Понятно.

– А родня твоя где? – удивилась Бренна. – Не ты же корабль продаешь?

– Нет, – хмыкнул я. – Они в городе, у близких остановились.

– А ты почему в замке? – заинтересовалась Элениэль.

– Родня у меня тут. Если бы тоже в городе жил, этим оскорбил бы. Дед настоял.

– Не будет наглостью спросить, почему у тебя кожа такая светлая? – удивила Бренна, этого вопроса я ждал от Элениэли. Она была заметно старше и совершенно не смущалась задавать интересовавшие ее вопросы.

– От матери, – коротко ответил я. Девицы развивать тему не стали. Я поставил обоим по жирному плюсу – неглупы и достаточно деликатны. Избегают скользких тем.

Потом появилась одна из девушек свиты леди Бригитты со слугами, несущими некую толику хлеба насущного, заморить червячка арестанту. Даже арестантам.

Обнаружив в моей комнате обеих девиц, оценила их внешний вид, исходящие запахи, на секунду скорчила гримаску, достаточно громко фыркнула и ледяным тоном заявила гостям об их завтраке, находящемся в их комнате, указала обоим слугам на стол, куда те выложили мой завтрак, после чего задрала нос и гордо вышла. Девчонки вышли вскоре за ней.

После завтрака появился дружинник с просьбой, что было подчеркнуто тоном, явиться к ярлу. Пока я надевал пояс с мизеркордом, задал дружиннику вопрос:

– Кому я вломил?

– Свободного хевдинга сынку с приятелем из его воинов. Гости ярла, – улыбнулся дружинник. Мне оказали уважение, прислав в качестве сопровождающего одного из хольдов дружины, судя по качеству одежды и оружия, а также его возрасту. Особых неприятностей я от грядущего суда не ждал и раньше. Теперь, узнав, что избил не детей высокопоставленных соратников дедули, окончательно успокоился. Видать, либо сами, либо родня пострадавших

дело замалчивать не стали, обратившись к ярлу в поисках правосудия, опираясь на рассказы побитой стороны.

– Что это они, жаловаться побежали? – поинтересовался я, спускаясь по лестнице.

– Если бы, – опять улыбнулся воин. – Убивать тебя они побежали. Как Бьерну сына со сломанной рукой принесли, за меч схватился и со своими ближниками наглого эльфа убивать устремился. Чуть до бойни в замковом дворе не дошло. Еле-еле успокоили. Естественно, деду твоему сразу доложили. Он на утро суд и назначил.

Дневные неприятности, как оказалось, судом не исчерпывались. По пути, по закону подлости, нам встретился тот самый нетерпеливый любитель орошать стены по ночам, несколько изменившись анфас и в профиль – с распухшей челюстью и сломанным носом в комплекте с шикарными синяками под обоими глазами, но все же вполне узнаваемый.

– Ты!!! – увидев, устремился ко мне, вытянув указующий перст в мою сторону.

– Я тебе сейчас еще и палец сломаю, – не дал я ему высказать претензий. – Тыкать пальцами, по меньшей мере, невежливо. Хочешь что высказать, найдешь меня после обеда. А пока на тебя нет времени.

– Да я тебя... – начал он, остановившись, тем не менее, на безопасном расстоянии.

– Заткнись, – оборвал его сопровождающий меня хольд. – Не до тебя.

Тип замер, похоже, он был из дружинников и моего сопровождающего прекрасно знал.

* * *

Владетельный дед был страшно зол, как, впрочем, и я сам. Юноша, любящий нарушать положения статьи 158-й Административного Кодекса Российской Федерации, добил те остатки хорошего настроения, что уцелели от общения с двумя привлекательными девушками, симпатичными, даже несмотря на следы побоев.

В знакомом зале собралось достаточно много народа. К счастью, в доспехах были всего двое, стоявшие за спинкой ярлова кресла, в котором и сидел глава клана Ас'Кайл, одетый в белую траурную рубаху без вышивки.

Сторону обвинения представляла дружная кучка орков, душ восемь, включая обоих пострадавших. Прокурорские обязанности исполнял коренастый жилистый тип в возрасте. Он пристально рассматривал меня, при этом выражение его лица было устойчиво кровожадное.

Сторону защиты никто не представлял. Во всяком случае, явно.

Речь свою прокурор начал с матюгов, пройдясь по моим родителям, родителям моих родителей (у деда номер два дернулся уголок рта, лицо стало не менее кровожадным, чем у прокурора, зал в районе кресла ярла возмущенно зашумел) и прочим родственникам. Обвинитель заявил, что его сын ужасно покалечен и от меня ему, Бьерну Черному Мечу, нужна только кровь. Потом он увидел физиономию деда, несколько сбился с мысли и согласился удовольствоваться вирой, но только в том случае, если я дополнительно к ней самой оплачу услуги доктора, в смысле мага. Если же маг не поможет, то так и быть, тогда я за свою добрую волю останусь жить, но руку он и мне сломает.

Дед тем временем справился с чувствами, его лицо приобрело безмятежное выражение. Только дедовы глаза продолжали враждебно посверкивать в направлении обвиняющей стороны. По причине своей низкой квалификации обвинение не удосужилось подготовиться к процессу. Хотя бы навели справки о родственных связях обвиняемого, прежде чем высказываться о них, прибегая к ненормативной лексике и оскорбительным выражениям. За это в Орк-ланде обычно убивают, если только статус матершинника не слишком высок.

Мне стало смешно. Даже если имелась возможность получить с меня что-то по суду, обвиняющая сторона только что ее потеряла. А насколько я понял ярла, он еще и слов этого Бьерна ему не простит, кто бы за тем не стоял. Можно сказать, передо мной стоял и брызгал

слюной в мою сторону без пяти минут труп, имеющий весьма призрачные шансы уцелеть, и то, если вовремя подскажут, куда его завел длинный язык.

Пока ярл допрашивал пострадавших, я продумал свои дальнейшие действия. Четыре полосы на щеке одного из хулиганов, более-менее сохранившего боеспособность, не дали ребятам увернуться от признаний о цели визита. О вторжении в мою комнату они, кстати, умолчали.

– Что, без насилия никак было не обойтись? – презрительно ухмыльнулся ярл.

– Да кто они такие, чтобы отказывать! – закипятился пострадавший. – Рабыни! Эта эльфийская тварь кровь мне пустила.

В зале захихикали. Дед тем не менее сохранил серьезность. Несмотря на явное презрение, которое своим обвинением вызвал пострадавший, серьезность самого обвинения от этого никуда не делась. Раб за пролитую кровь свободного подлежал смерти. За исключением случая, если он защищал имущество или интересы хозяев. Известное понимание среди орков находили также действия раба, убившего за свою женщину, хотя в большинстве случаев решение было за хозяином. Привлечение хозяина как владельца движимого имущества к ответственности за оправданное обстоятельствами убийство, совершенное его рабом, не имело перспектив быть одобренным на тинге, но возможность кровной мести могла заставить поступиться совестью и представителя слабого рода. В данном случае обе девушки были свободны, а я выступал как посторонний, который, кстати, вообще не имел права кого-то калечить или убивать, вступаясь за рабыню. Даже если рабыня – моя женщина.

– А почему ты решил, что они рабыни? – спокойно спросил дед. – Они просто пленницы, пришлют выкуп, опять станут свободными. И не просто свободными, а из хороших родов.

Юноша хотел возразить, но быстро передумал. Строго говоря, дед был прав, при всей призрачности границы между рабами и пока просто пленными, она в орочьих понятиях все же присутствовала. На островах, бывало, пленниц даже в жены брали, в материковых кланах такое было гораздо реже, но тоже случалось. Не говоря уже о том, что весло забитого трофеями корабля с недостатком численности в команде психологически гораздо комфортнее вручить пленному, а не рабу.

– Какая разница! – заорал папаша Бьерн, чувствуя, что упускает инициативу. – Пусть пленницы, но все равно не свободные. Это не его женщины, не в праве он был свободных за них калечить.

– Как дело было? – не обращая на него внимания, обратился ко мне ярл.

Я обрисовал ситуацию.

– Проснулся оттого, что за стеной кричат, бьют кого-то. Потом у меня вышибли дверь (тут я слегка приврал, щеколда закрыта не была), появилась эта морда. – Я указал на поцарапанного, выразив жестом как можно большее презрение обоим приятелям.

Бьерн сжал кулаки... Сам виноват, неужели не знал, что собой представляет его отпрыск? Посмотреть только на собутыльников и сразу все становится понятно – наглый бездельник с претензиями. Сам Бьерн выглядел как умный, жесткий и сильный мужик, добившийся всего своим горбом. Но на сынке его, как водится, природа решила отдохнуть. И друзей себе нашел таких же. Теперь тупорылый повеса с не менее тупорылым другом втравили папу в крупные неприятности. Это стало возможным не в последнюю очередь из-за того, они озвучили приукрашенную версию событий, приведших к получению телесных повреждений.

– Вломился с бабой в руке, – продолжил я. – Потом он врезал ей так, что чуть голова не отлетела. Платье рванул и на кровать бросил. А там я. Вот и сказал ему, что все, друг, спасибо, можешь идти.

– Врешь, ублюдок, – заорал Бьерн и толкнул поцарапанного, – говори, как дело было!

– Он сказал мне, чтобы я эльфийку, – по стенам зашептались, – в покое оставил.

– Ну, раз ко мне в комнату не только затащил и на кровать бросил, но и даже платье разорвал, то я счел это подарком, так сказать, в счет будущей дружбы. Чтобы меня не оскорбило вторжение ночью в мои покои.

Ярл ухмыльнулся. По стенам тоже слышались смешки, судя по всему, симпатии были на моей стороне. Чересчур бесцеремонные ночные вторжения обществом не одобрялись, хозяин был вправе прикончить непрошенных гостей, не разбираясь, что им вдруг понадобилось. Я продолжил развивать успех:

– Спасибо, говорю, за женщину, очень тебе благодарен, но ты тут лишним будешь. Подсказчиков мне не надо, сам справлюсь.

Собравшиеся начали посмеиваться довольно откровенно. Истец, он же пострадавший, ощерился, на изукрашенной кровоподтеками и синяками зеленой морде выражение смотрелось довольно забавно.

– В моей комнате, на моей кровати для посторонних места нет. А кто решит, что есть, будет потом на своих кишках валяться, – сделав паузу для пушнего эффекта, абсолютно серьезным голосом добавил я.

– И что дальше? – продолжил расспросы ярл.

– А дальше он зачем-то выхватил кинжал, – пожал я плечами. – Пришлось его бить, пока меня не зарезал.

– Я за эльфа его принял, – попытался оправдаться виновный. В зале заржали.

– Ты что, в темноте не видишь? – умильным голосом уточнил ярл и запустил шпильку в район очень злого Бьерна. – От кого тебя мама тогда родила? Друг твой тоже в темноте не видит?

– Светлый он кожей, – сник оппонент. Попытку Бьерна раскрыть пасть пресек ярл, жестом приказав молчать.

– Так что, родственники моей жены с островов у меня погостить не могут? – повысил ярл голос. – Без того, чтобы их в темноте резать не стали? За эльфов приняв? Что вообще эльф где-то кроме тюрьмы делать может?

У моих детей тоже кожа светлая, – продолжил старик, – и что, ты, в темноте их встретив, сразу бы убивать стал? Так у меня и внуки есть, значит, им тоже в моем замке беречься надо? Как бы кто ночью не зарезал? Спросил ты, кто перед тобой? – в открытую заорал ярл на сопляка, даже не играя в объективность.

– Нет, – сразу упредил я возможную попытку соврать. – Молча за кинжал схватился.

– Дальше что было? – смягчив голос, обратился ко мне дед.

– Этот упал и остался лежать, появился второй. Увидел, что приятель лежит, сам на меня с кинжалом бросился.

– Спросить, кто ты или что другое, не пытался?

– Нет, разве что попытался под ребра клинок загнать. Вломился в комнату уже с кинжалом в руках.

– Коли оба оружие вытащили и резать тебя, как ты говоришь, собрались, как ты выжил? – Бьерн сообразил, что дело приняло невыгодный оборот, и уловил симпатии ярла и общественности.

– Кинжал выбил и руку ему сломал, – опять пожал я плечами.

– Лжет, – осмелился подать голос сам инвалид, тоже, видать, сообразивший, что дело идет не так, как хотелось бы. Он действительно оказался гнидой, как я и думал. – Не хватался я за кинжал. В кулаки драться кинулся.

– Что врешь, много таких, как ты, щенков, ублюдков, могут у воина кинжал выбить? – внаглую попытался наехать на меня Бьерн.

– Такого же возраста? – поднял я брови в демонстративном удивлении. – И продолжил: – Может, и немного, а может, и наоборот. Противник не больно-то на Бранда А'Браги похож.

Я надеялся, что этот ход будет правильным. Доказать, что дебошир брался за кинжал, я, с точки зрения Бьерна с его сыном, не мог. Эльфийка, даже если и видела, во-первых, лицо пострадавшее, во-вторых, пленница, не имеющая права выступать в суде. Во всяком случае, с привлечением ее в качестве свидетеля многие бы не согласились.

– Предплечье ты мне кулаком порезал? – обратился я к инвалиду. Потом повернулся к ярлу. – Когда кинжал из его руки выбивал, он мне успел по предплечью резануть. Кинжалы этих придурков в моей комнате, на лезвии кровь должна остаться. Сама рана вот, – я задрал рукав, показав пропитавшиеся кровью тряпки.

– Кровь, значит, твою пролили. – Лицо деда исказилось в циничной усмешке. Во взгляде, брошенном на Бьерна, блеснуло торжество. Тот, по-видимому, растерялся, бросил взгляд на сына, на лице проступила ярость.

Мой сопровождающий отправился в комнату за кинжалами, тем временем появившиеся девицы, включая утреннюю визитершу, показавшую умение фыркать и задирать нос, совместно с колдуном Асмундом сменили мне повязку, продемонстрировав всем желающим рану на предплечье.

– Можешь не волноваться, все уже решилось, – Асмунд, закончив перевязку, положил мне на плечи руку, кивнув в сторону Бьерна, шипевшего что-то сыну...

Сопровождающий возвратился, продемонстрировал всем кинжал со следами крови на лезвии.

– Есть еще что сказать? – поинтересовался у Бьерна дед. Тот мотнул головой, мол, нет. Ему, по всей видимости, стало ясно, чья взяла и чем кончится дело.

– Избил их, и что потом? – для проформы уточнил у меня ярл, прежде чем огласить решение.

– Выбросил за дверь, не знаю, кто их там оттуда забрал, или сами уползли.

– А бабы куда делись, раз одна в твою постель угодила, а ты ее отпускать не хотел?

– У меня ночевали.

– Обе?

– Обе.

– Да? – заинтересовался ярл, доброжелательно улыбнувшись. – У тебя самого царапин не осталось?

– Нет, не осталось. Во всяком случае, я не видел, – огрызнулся я, – а спину я вам показывать не собираюсь.

Зал пару секунд молчал, потом грохнул. Улыбнулся и дед. Бьерна и обоих виновников перекосило, у кое-кого из их группы тоже появились и пропали ухмылки.

– Итак, – начал ярл свою речь, – тут ко мне пришли за справедливостью. Уважаемый Бьерн, известный как Черный Меч, заявил, что его сына с другом избили. Просто так, ни за что. Если не кровь, то виру требовал, родственников ответчика поносил. Будет ему справедливость.

Что надо делать с теми, кто в чужой дом или покои в нем посреди ночи с оружием врывается? Что надо делать с теми, кто хозяина дома кровь проливает? Может, они в самом замке хозяева, а гость, в гостевых комнатах поселенный, зло какое замыслил? Нет, такие же гости, как и ответчик, хотя нет, не такие же. Так почему они решили, что в моем доме я кому-то позволю моих гостей по пьяни убивать? И не просто гостей, а моего родного внука?

– Что-о-о-о?! – заорал Бьерн.

– Закрой рот, – бросил ему дед. Бьерн заткнулся, в зале зашумели, значит, новость дошла еще не до всех. Помалкивали больше ребята в таком же трауре, как и дед. Я уже понял причины.

– Не успел мой внук первую ночь переночевать в замке, как к нему убивать ввалились. И кто убивать-то его решил. – Ярл презрительно махнул рукой в сторону пострадавших. – Что, решили за эльфов работу доделать? – заорал ярл в сторону кучки обвинителей. – Последнего

внука от дочери моей прикончить? Убили бы, я бы с вас всех кожу на сапоги посдирал. А потом борг твой, Бьерн, с дымом по ветру пустил. Но коли только ранили, проявлю милость.

Помолчал для пушного эффекта, прокашлялся, подождал, пока появились дружинники в полном вооружении:

– На кол их, обоих. Там как раз есть парочка свободных. Будут знать, как кровь родичей моих в моем же доме лить. И все пусть знают.

Зал ахнул, Бьерн замер, не в силах сказать ни слова. Руки орков из свиты Бьерна замерли на рукоятках мечей под прицелом луков и арбалетов. Всех разоружили, приговоренным связали руки за спиной и потащили на выход. Бьерн смог только сверлить меня ненавидящим взглядом.

Дальше был выбор: или оставить все как есть, или брать управление ситуацией в свои руки. Поддержка высокопоставленных родственников – это хорошо, но она идеальна, когда ты и сам что-то собой представляешь. Если не испугаются деда, то попытки если не крупных, то мелких гадостей неминуемы. Если же я сам покажу себя типом, с которым себе дороже связываться, то этого можно избежать. Во всяком случае, морды повторно бить не придется.

Ситуация с Бьерном вообще была чиста, как стекло. Он неизбежно попытается отомстить, по нему видно. Силой ему с ярлом не справится, свободный хевдинг – это борг в Мертвых землях из неужившихся в родах искателей приключений и преступников, пара-тройка драккаров и шнекк, плюс семьи у тех, кто ими обзавелся. Пока не улажу дело, рискую получить нож в почку где-то на ночной улице, а ярл должен опасаться предательства.

Например, это могут быть загодя сданные эльфам сроки и цели похода, если предателю повезет. Это может быть яд в супе. Кто хочет отомстить, найдет способ. Что делать?

На помощь пришли древние, а именно Николо Макиавелли с его знаменитым трактатом «Государь», в котором говорилось, что обиды желательно наносить такие, чтобы отомстить за них было бы невозможно, то есть обижать, так по-крупному.

Я хотя и не государь, но в политику попасть угораздило, поэтому действовать надо по пословице: «С волками жить – по-волчьи выть».

Признав правоту хитрого итальянца, я решил, что позволить Бьерну выйти из замка на своих двоих было бы крайне опрометчивым поступком. Дополнительным аргументом в пользу такого решения была возможность получить репутацию отморозка, с которым без крайней нужды не стоит связываться. А то количество драк на единицу времени в замке деда зашкалило и перешло всякие разумные пределы. Менее чем за сутки трем абсолютно незнакомым джентльменам разбил морды лица, один вдобавок остался калекой, правда, ненадолго, колья, на которые его и еще одного из пострадавших усадят, тому порукой. Еще и третьего, возможно, придется укокошить, если гордости в нем больше, чем мозгов.

Репутация моя, тут, к сожалению, широким кругам общественности неизвестна, отчего видят слишком наглого и крупного для своих лет малолетку, которому непременно надо указать его место в жизни, желательно ногами или, того хуже, сталью. В кругах, где жизнь копейка, вдобавок, слухам особо не верят, обязательно найдется кто-то, кто захочет проверить, правда ли я настолько крут, что зараз положил пятнадцать эльфов. А то и нарастить собственный авторитет, прикончив уже меня самого; а потом с такой репутацией в дружины к свободным хевдингам пристроиться не проблема, да и не только к ним, если грамотно разыграть ссору.

Итак, выбор сделан. Теперь осталось только спровоцировать Бьерна и не дать ему себя прикончить. Риск приемлем, с моими-то доспехами, да и рана на руке неглубока. Главное – не переборщить, играя отморозка, чтобы потенциальное опасение связываться не превратилось в явное желание от меня избавиться. Кому охота иметь под боком этакую шаровую молнию. И дед ничем не поможет.

– Что вылупил, мерин? – Я нацепил на свою физиономию выражение понаглее. – Ты, мне послышалось, что-то про ублюдков говорил? Сам-то в каком хлеву родился? Ладно, в

хевдинги вылез, а сынок у тебя в кого? Ты сроки-то проверял, может, его тоже конюх делал, пока ты в походе был? Недаром в темноте не видит.

В зале возник и погас смешок. Ярла будто кольнули в попу, на лице, обращенном на меня, возникло выражение крайней ярости. Замечание про слепоту в темноте всплыло на суде в отношении не сына Бьерна, а его приятеля, но это было неважно. Главное, чтобы посторонние смеялись.

Бьерн зарычал и бросился на меня, споткнувшись о подставленное дружинником древко рогатины и получив от второго таким же древком по затылку для успокоения. Средневековый димедрол не сработал.

– Все равно убью, скотина, – зашипел Бьерн, поднимаясь. Дружинник собрался увеличить дозу успокоительного.

– Стой, – остановил я его, – убить хочешь? Тогда скажи, когда?

– Сегодня, сейчас, – заорал явно обрадованный Бьерн. – Я тебя на куски порублю, щенок!

– Принято, – хлопнул я в ладоши, не обращая внимания на возмущенный крик ярла.

* * *

Место для поединка назначили на замковом дворе, в его части, отданной форингу для тренировок дружинников. Форинга я заинтересовал, во всяком случае, прежде чем представить мои интересы в качестве секунданта, он некоторое время рассматривал меня, потом хмыкнул, придя к каким-то выводам.

Зато дед тет-а-тет высказал все, что обо мне думает.

– Ты что, думаешь, он отомстить не рискнет? – отмел я его претензии. – С такими, как Бьерн, вопросы вражды надо решать раз и навсегда, и как можно быстрее. Мне оно надо, по ночам на улицах ножа в печень опасаться?

– Он не настолько подл, – возразил дед.

– Тогда мне его жалко, – пожал я плечами. – Хотя от того, что меня окружают с десяток его дружинников и по очереди будут вызывать на поединок, мне будет не легче. Да и тебе он тоже отомстить попытается.

– Дурачок, – оглянулся дед на вошедшего форинга, тот хмыкнул, – ты действительно думаешь, что я об этом не подумал, его сына на кол отправляя? Какого демона ты на поединок его вызвал? Он же убьет тебя. Ты действительно себя великим воином возомнил?

– Я решил, что за вечер и ночь в этом замке у меня появилось слишком много врагов, – обозлился я. – Надо либо сразу сокращать поголовье, либо убегать подальше и побыстрее. А если удастся его прибить, меня хоть дурачье с чешущимися кулаками в покое оставит. Не любитель я драться каждый день. Хоть на кулаках, хоть на оружии. Да и обязательно найдется зверь, который убийцу пятнадцати эльфов попытается проверить на прочность. Если сейчас его уделает, будет очень наглядно и страшно. По крайней мере для тех, кто поединок увидит.

Дед потерял дар речи. Форинг тоже весьма и весьма удивился столь приземленному объяснению моей агрессивности.

– Так ты что, действительно считаешь, что Черного Меча свалишь? С чего ты взял, что это тебе удастся? – Форингу было действительно интересно. Только непонятно, как он оценивал мои действия.

– Не все ли равно? В любом случае поздно от поединка отказываться. Теперь или я его прикончу, или он меня.

– Дурак, – не сдержался дед, – это в бою тебя прикрыть могут. А сейчас я его даже в городе не смогу прикончить, если тебя убьет. Дружина же не поймет. Поединок – это суд богов.

– Только боги подсуживают тем, кто больше к нему готов, – хмыкнул я. Форинг, одобритительно кашлянув, замолчал, дед тоже умолк, задумчиво глядя на меня. Таких философских мыслей от сопляка он явно не ожидал.

Поединок собрались проводить после полудня, чтобы тень от башни накрыла площадку и у оппонентов было время отдохнуть. О том, как на Бьерна подействует зрелище сына на колу, возможно, никто даже и не подумал.

Не надо думать об орках плохо. Особенно если один из них мой дед. Интересно только, как он планировал решить проблему с мезтью Бьерна.

Когда появился Сигурд с дедом номер один, я сидел на кровати и жрал яблоко. Те с ходу высказали претензии, причем абсолютно теми же фразами, что и дед номер два. Это мне быстро надоело:

– Отстаньте от меня. Знаю, что делаю. У меня два меча, причем один топор заменить может, доспехи еще пробить надо умудриться. Против меня он выйдет в худшем случае в чешуе.

Сигурд покачал головой, дед попытался продолжить нравоучения, но потом замолчал. Сунувшиеся в дверь красотки, обнаружив общество, попытались испариться, но были остановлены.

– И в самом деле хороша, – заявил Сигурд, нахально рассматривая Элениэль.

– Вторая тоже неплоха, – добавил дед.

– Из-за какой из них подрался? – поинтересовался Сигурд.

– Вообще вломился он ко мне с ней, – указал на эльфийку, – но тут не в женщинах по большому счету дело было.

– Эрика тебе все равно пару клоков волос вырвет, – хмыкнул дед. Девуцы уставились на меня.

– Было бы за что, – вздохнул я.

Эльфийка с интересом посмотрела на меня. Бренна тоже. Потом девушки переглянулись, Бренна потупилась, а Элениэль, повернув голову, снова смерила меня оценивающим взглядом.

Сигурд захохотал. Бренна покраснела, Элениэль задрала нос.

– Иди сюда, – махнул Сигурд Бренне. – Дай синяк посмотрю.

Поводил рукой над синяком и щекой.

– Иди, умывайся, – махнул рукой Элениэли. – Теперь твоя очередь. Не бойся, не съем.

Та с опаской подошла, процедура лечения повторилась.

Вскоре пришло время обряжаться в доспехи, несмотря на присутствие дам. Бригантина весьма заинтересовала Элениэль, как, впрочем, и следы ударов в ней. Особенно на спине и животе.

– Чем меня рубанули по спине, я не помню, похоже топором. На животе дыры нет, это копье вскользь прошло. Только кожу вспорол. – Та задумалась. Потом бросила взгляд на сваленные в углу доспехи. Немного вопроса я предпочел не понять.

Как и обычно, на дуэлях в Оркланде вопросы оружия поединщикам не ставились. У кого лучше качеством и количеством, значит, тому повезло. Или противнику надо было о броне раньше побеспокоиться. Например, у друга одолжить.

Опять же, как обычно, Бьерн остановился на классике – выбрал меч и щит. Запрета на копия не существовало, но вне строя оно давало меньше преимуществ, чем хотелось бы. Оттого в дуэлях ими практически не пользовались. Защитное вооружение моего противника выглядело очень прилично. Чешуйчатый панцирь с юбкой и такими же чешуйчатыми наручами и наголенниками, разве что на бедрах обтянутые кольчугой кожаные штаны-набедренники, кольца которых виднелись в щели между наголенниками и юбкой, а также обшитые кольчугой башмаки. Полностью закрытый шлем с гребнем, усыпанным шипами, и личиной со спускаю-

щимся из-под нее на шею кольчужным хауберком. В руках красивый полутораручный черный меч с серебряной насечкой рун на клинке и треугольный щит.

Изрубленная бригантина на него видимого впечатления не произвела, да и сложно определить, что чувствует металлическая статуя. Зато ярл разнервничался, потом пригляделся, осмотрел вблизи, включая прорубленные места и помятый шлем, покачал головой и молча сел. Я взял реванш, вытащив мечи. И дед, и форинг сделали стойку, как только обратили внимание на цвет стали того, что подлиннее.

Мое небольшое преимущество было в двух клинках против его одного и, соответственно, в лучших атакующих возможностях; у Бьерна же присутствовал щит, неприятная штука в руках умелого бойца, отсутствие которого у меня нивелировалось полуторамиллиметровой сталью пластин бригантины. Уязвимыми местами, как обычно, были локти, ноги, шея, кисти. У меня в меньшей мере было защищено лицо.

Начали сходитьсь. Я, стоя боком, выставил вперед горизонтально клинок цзяня, малхус держал позади внизу. В отсутствие щита лучшая стойка – прежде чем добраться до меня, противнику надо убрать с дороги меч, а уязвимой поначалу оказывается только держащая его рука. Левая, кстати, что еще более неприятно для нападающего правши.

Укол, как, впрочем и в земном Средневековье, тут был известен, почитаем, и считался полезным, что бы ни думали некоторые историки на основании рисунков учебных и некоторых боевых, в основном кавалерийских, мечей со скругленным острием. Частично получивших такой вид по причине неосторожной заточки или элементарных отколов острия клинка. Просто-напросто обычно укол не столь практичен, как рубящий удар, в условиях тотального применения щитов. Скорость удара в обход щита практически одинакова, а вот шансов промахнуться больше.

Поэтому Бьерн на рожон, в смысле острие, лезть не спешил. Попытался обойти по кругу, я зеркально повторил его действия. Покружились некоторое время. Я понимал его сомнения, сам неоднократно продумывал днем варианты схватки. Когда у тебя под удар попадает только рука, держащая меч, поневоле задумаешься о возможности ловушки с попаданием под контратаку вторым мечом, либо под удар или укол первым, если попытка атаковать ближнюю руку будет неудачной.

Тут я зевнул. Противник молниеносно щелкнул плашмя по цзяню, и прекрасным кистевым ударом кончиком меча в выпаде чуть было не попал по ране на предплечье. Я успел только дернуть рукой, отчего его меч отрикошетил от наруча чуть в стороне. Мгновением позже он был ближе на шаг, щит ушел вниз, защищая ноги, а меч рубанул меня по голени чуть ниже колена. Цзянем я мог только резануть его по плечу, что для доспешного противника было абсолютно безопасно.

К счастью, у меня сработал правильный рефлекс атаки малхусом вооруженной руки, а не прикрытых щитом ног противника. Косой удар снизу вверх, я промахнулся, но оказался в выгодном положении для удара локтем по прикрытой нащечниками, но все же уязвимой челюсти противника. Чего-чего, а этого он не ожидал. Мгновением позже цзянь неудачно попытался пробить чешую его юбки. Машинально нанесенный им ответный удар оказался слишком слаб, чтобы прорубить наплечник. Попытка разорвать дистанцию привела к удару навершием рукояти малхуса в тот же правый нащечник и многострадальную челюсть. Голова Бьерна дернулась вбок, и я, выдохнув, разрубил ему предплечье держащей меч правой рукой вертикальным ударом. Еще мгновением позже Блодорм змеей скользнул под рефлекторно дернувшийся вверх щит, и я, разворачивая корпус на правой ноге, вбил его в обтянутые кольчужой штаны чуть выше колена.

Бьерн закричал и, дернувшись назад, сорвал ногу с меча. Отшагнув назад раненой ногой, он, как ни странно, не упал. Но это не помогло, он только и смог, что попытался закрыться от удара малхуса в ноги. Но с одним щитом, раненый и потерявший инициативу, ни на что боль-

шее оказался неспособен. Вместо удара в ноги ударил цзянь, чуть было не пробив его хауберк. Укол оказался слишком быстр и оттого неточен. Мгновением позже следующий, так ожидаемый противником удар в ноги решил исход поединка, расколов противнику колено правой ноги, убрать которое, отходя назад, на этот раз он не успел. Бьерн завалился на бок, в следующую секунду цзянь, скользнув над краем щита, проколол его шею. Для гарантии пришлось повернуть меч в ране, памятуя о некоторых дуэлянтах в истории моего мира.

Одному из них в первом же схождении пробили шею кинжалом насквозь. Надо полагать, его противник очень удивился, когда тот нисколько не поспешил упасть, захлебываясь кровью, а продолжил поединок, в конце концов укокошив своего оппонента.

Наблюдавшие за поединком устроили мне овацию, которую, однако, я прекратил, углядев в толпе такую знакомую разбитую морду.

– Ты! – я указал на него окровавленным концом Блодорма. – Мне кажется, ты что-то хотел мне сегодня сказать! Говори, не тяни!

Убивать молодого придурка не хотелось, а вот добавить яркий штрих к создаваемому образу отморозка, которому что убить, что плюнуть, стоило. Однако требовалось сыграть роль так, чтобы у парня были пути отхода, иначе альтернативой была только смерть. Совершенно мне не нужная в данной ситуации.

– Я?

– Ну, не я же! Не хочешь?

Парень тупо моргал глазами и пытался придумать, что ответить.

– Вот и хорошо. Достаточно на сегодня убийств, больше настроения нет, – вздохнул я.

Парень расслабился и раскрыл рот, желая, вероятно, полноценного диалога.

– Если настроение появится, я убью тебя завтра!

Парень забыл, что хотел сказать.

Глава XVI

Зрелище получилось коротким, ярким и, разумеется, произвело на стариков и окружение ярла ожидаемое впечатление, но реакция зрителей оказалась неоднозначной. Форинг с Сигурдом ухмылялись, оба деда морщились, леди Бригитта чуть скривила губы в усмешке, хольды свиты тоже либо давили улыбки, либо были, можно сказать, убийственно серьезны. Но интерес, судя по взглядам, ко мне появился. Что мне и требовалось.

Ко мне подошел один из хольдов Бьерна с просьбой забрать тело и приготовить к погребению. Меня несколько удивило отсутствие в его взгляде ненависти. Хотя в зале суда он не вытащил меч только оттого, что острое рогатины уперлось в его горло.

– Я-то тут при чем? – искренне удивился я подобному вопросу. – Забирайте.

– Доспехи и оружие, – напомнил он.

До меня дошло. Если в судебных поединках в провинции часто обуславливали заранее судьбу доспехов проигравшей стороны, поскольку комплект вооружения стоил очень больших денег и часто собирался всей семьей, даже иногда при участии друзей. Семья, конечно, не желала терять такую ценность. Но в больших боргах, тем более среди профессиональных, живущих мечом, воинов этого придерживались редко. Тут действовал закон поля сражения – кто победил, тот и грабит. Точнее, забирает все с покойного. Тут тоже работала экономика. Доспехи и меч часто были единственным достойным внимания имуществом спорщиков, а вооружение победителя могло сильно пострадать в поединке.

Я задумался. Раздевать мертвеца мне не хотелось, равно как и унижать его этим перед толпой, тем более не хотелось пачкаться, наверняка под доспехами он был весь залит кровью.

– Устроит тебя, что вы сами его разденете? Не хочу покойного унижать у всех на глазах, – я обвел толпу рукой, – доспехи снимая. Или ты это как еще одно оскорбление воспримешь? Уже не хевдинга, а его дружины?

Воин явно удивился. Он не ожидал, что я проявлю уважение к павшему, в нашей ситуации это действительно было необычно. Он склонил голову:

– Спасибо. Куда их принести?

– Дружинники тебе покажут, – вмешался самый главный дед в наш разговор, попутно с интересом меня рассматривая.

С тела я забрал только оружие, хотя меч предварительно осмотрел Асмунд. Сняв с ремня кинжал, я встал над телом и коротко склонил голову. Мужика действительно было жалко, попал в ситуацию, откуда не было выхода, и самое страшное для него, не по своей вине. Хотя он меня и взбесил.

Поистине, задумаешься о судьбе...

Толпа одобрительно зашумела. Даже воины Бьерна зашептались.

Потом меня пригласили в малую столовую, где дедушка, который ярл, начал на меня орать. Второй согласно кивал рядом. Посторонних на выволочку не пригласили.

Выпустив пар в виде мощного потока средневековых нецензурных выражений, дед успокоился и заговорил по существу:

– Ты хоть понял, как тебе сегодня повезло?

– Это в смысле причины, почему меня чуть не убили? – скучающим тоном уточнил я. Причины лежали на поверхности, самокритичности было вполне достаточно, чтобы понять: меня действительно сегодня чудом не прикончили.

– Да! – несколько сбился с темпа ярл. – Хочешь сказать, что понял? Тогда скажи.

– У меня были два меча, у него меч и щит. Щитом он мне мог только зубы выбить оковкой. Надо было не кружить и выжидать, а нападать прежде, чем атакует он. В атаке мои два

меча опаснее его одного. А так напал Бьерн. Проруби достаточно глубоко наголенник – и я был бы трупом.

– Правильно, – на глазах успокоился дед. – Спасли тебя только доспехи. Да и, наверное, удар неудачный, раз поножи не прорубил.

– Судя по ощущениям, поножи он как раз пробил, – я решил избежать дальнейших нотаций. – Что-то мокро на ноге. Другой вопрос, что недостаточно глубоко.

Дед заорал, вызывая слуг. Я отказался перевязываться на месте, заявив, что это вполне можно сделать и у меня в комнате, куда подниматься ярлу было несолидно, отчего воспитательный процесс откладывался на неопределенное время, а скорее всего, навсегда.

От сопровождения тоже отказался, хотя дедушка Ульф молча увязался за мной.

* * *

Дамы встретили меня с видимой радостью и любопытством. Я махнул им рукой, попросив подождать. Дед только покосился, явно недовольный. Меня это не впечатлило, даже если и согрешить, что тут такого: адреналин, разбушевавшиеся гормоны, отсутствующая рядом невеста. Угроза жизни, говорят, обостряет основной инстинкт. А чего невеста не знает, ей не повредит. Вообще, врачи говорят о полезности регулярной половой жизни.

Догнавшие нас обе девчонки из свиты леди Бригитты смерили пленниц полными превосходства взглядами, и те скрылись в своей комнате. К моменту перевязки появились Сигурд с Асмундом. Вся эта куча лекарей и консультантов перевязала мне рану на ноге, поколдовала над ней, внештатные медсестры вдобавок расстреляли меня глазками, как из КПВТ, – вместо наркоза, я так понимаю. Дед и колдуны их немного смущали, поэтому, перевязав меня, они тут же удалились.

Порции нравоучения от стариков избежать не удалось. Насилу вытерпел, приняв как стихийное бедствие. Они успокоились и оставили меня одного, когда принесли ужин, на прощание пригрозив заняться моей магической подготовкой чуть ли не с утра.

Допить вино, причем неплохое, я не успел из-за стука в дверь.

– С кем из них дрался? – разумеется, Элениэль проявила любопытство первой. Из башни их не выпустила охрана, которую снять до моего возвращения не удосужились, площадки из окон видно не было, в подробности поединка тоже не посвящали.

– С ними? Это ты про пьянчуг? Ни с кем.

– А с кем тогда? – удивилась Бренна.

– С папашей одного из них. Язык сильно распустил на суде.

– А с ними самими что?

– А они мертвы, если повезло. Если нет, то умереть им очень хочется.

– Почему?

– Сидя на колу, трудно чего иного желать.

– Это из-за нас? – ахнула Элениэль.

– Отчего же? – честно удивился я. – Вы пленницы, даже свершившееся насилие над вами им ничем не грозило в обычных обстоятельствах, если не повлияло бы на выкуп. Мужчин-защитников у вас ведь нет? Были бы рабынями, так еще хуже, свободный мужчина за вас вообще не имел бы права отомстить. Что уж о суде говорить. А на кол они сели, поскольку ночью в чужие покои вломились, на хозяина оружие подняли и кровь его пролили.

– Поединок тогда с кем и почему? – удивилась Бренна.

– Папа язык распустил, говорю. Я и решил вопросы кровной мести надолго не откладывать.

– И что?

– Он мертв.

Взгляд Элениэль прилип к черному мечу покойного, валявшемуся на кровати.

Очень кстати появились гости, а именно воины Бьерна с доспехами, числом трое, солидный мужик и двое молодых, в сопровождении дедова дружинника.

Доспехи были даже отмыты от крови. Неприязненные взгляды на девиц я пресек предложением выпить винца, помянуть вождя. Благо кувшинчик был немаленький, кто-то громко выразил свое восхищение. Одновременно махнув рукой в угол с кучей доспехов, типа складывайте там. Старший замаялся, видимо, захотев отказаться, но пригляделся к доспехам в грудe железа, даже подошел поближе и неожиданно согласился. Молодых это явно удивило.

– Тебя как будто действительно его смерть печалит? – спросил он. Я все-таки подпустил шпильку, пригласив его воинов выпить со мной за упокой души убитого мною же их командира.

– А отчего нет? Он единственный, кто выбора почти не имел. Судьба, можно сказать. За сына вступился, тот по глупости отцу события приукрасил, в результате суд и решение ярла. Этим двоим колья, ему сталь. В чем его можно упрекнуть, так это в сыне-дураке. В остальном он все делал правильно, разве что узнать, кто его сына покалечил, не удосужился. Да и язык зря распустил.

Воин кивнул, соглашаясь, оба молодых смотрели исподлюбья.

Налил и им. На всех сразу кружек не хватало.

– Эти доспехи, откуда у тебя? – махнул рукой в сторону угла воин, его звали Гуннар.

– Трофеи.

Девушки наострили ушки.

– А где взял?

– В поход ходили, в Мертвые земли.

– Я слышал у вас всего десять убитых, – проявил знания о моей персоне Гуннар. – А трофеев много. Врасплох взяли? И как перехватить-то удалось? Это же они твой борг вырезали?

Элениэль вздрогнула, Бренна растерянно взглянула на меня, потом на нее.

– Не они, те все в борге остались. Пленных там же взяли, уговорили их место сообщить.

Все четверо заухмылялись, я налил дружиннику и себе.

– Там был херад короткоухих и эльфы-коноводы, что от нашего борга бежать сумели. Всех вырезали в одну ночь, потом дождались второго отряда, что от дружины сумел уйти. Их тоже порубили в засаде на дороге. Но там где-то с пяток голов ушло.

– Что за второй отряд? Их разве два было?

– Ага. Душ по сорок пять. Один в верховья, второй в низовья пошли. Верхний отряд купца нашего корабль перехватил, а на следующий день драккар с нашими же воинами. Потом и борг решили штурмовать. Нижний тоже за кораблями охотился, пока дружина и воины из боргов на хвосте не повисли. Мы тем временем корабли в поход готовили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.